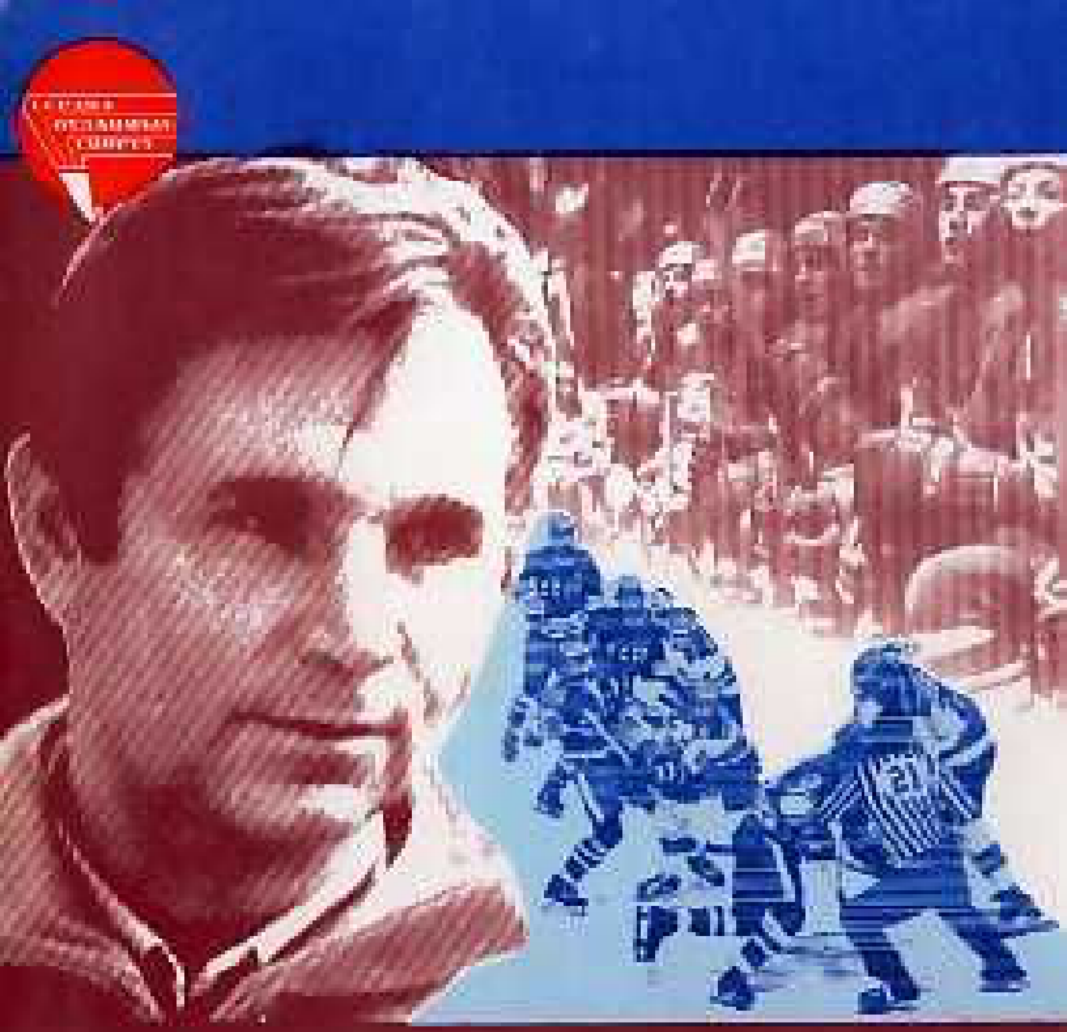

Виктор Тихонов

ХОККЕЙ: надежды, разочарования, мечты

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Старший тренер ЦСКА и сборной СССР по хоккею Виктор Васильевич Тихонов рассказывает о своем опыте работы с разными хоккейными командами, об успехах и неудачах, об интересных матчах, дает характеристики выдающимся хоккеистам.

- Виктор Васильевич Тихонов
  - Требовательность и доброта
  - САМАЯ МОЛОДАЯ КОМАНДА
  - ЧЕТЫРЕ ЗВЕНА
  - ТРЕНЕР ОБЪЯСНЯЕТСЯ, ТРЕНЕР РАССКАЗЫВАЕТ
  - «ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ» СБОРНАЯ
  - ТРУДНЫЙ ГОД ЗНАКОМСТВА
  - НА ПОЛПУТИ К СЕБЕ
  - НЕУДАЧА
  - КРУГ ЗАБОТ
  - ПЯТЕРКА, О КОТОРОЙ МЕЧТАЛИ
  - ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ
- notes
  - 1
  - 2

Виктор Васильевич Тихонов

Хоккей: надежды, разочарования, мечты…

Требовательность и доброта

Анатолий Карпов, гроссмейстер, чемпион мира

Успехи возглавляемых Виктором Васильевичем Тихоновым команд еще не стали историей. Восемь раз подряд хоккеисты ЦСКА становятся первыми в стране, пять раз кряду сборная СССР выигрывает чемпионаты мира.

Я близок к хоккею, поскольку внимательно слежу за тем, что происходит в этом виде спорта, и далек от хоккея, поскольку остаюсь только зрителем.

Это две разные игры, но шахматам с их движением фигур и хоккею с движением хоккеистов присущи и общие черты: поиск, творчество, осмысление закономерностей действа, происходящего на поле — шахматном или хоккейном. Как в шахматах требуется продумывать не только свои решения, но и ответы партнера, причем не только отдельные ходы, но и план действий, так и в хоккее тренер, обдумывая, готовя собственные варианты игры, призван предугадывать и тактические построения соперника, его контрмеры.

По-моему, Тихонову удается это прекрасно.

Не знаю особенностей и примет становления этого тренера. Знаком с Виктором Васильевичем с тех пор, как начал он работать со сборной страны. Стало быть, со времени, когда он уже сложился как педагог, специалист. Когда он уже нашел себя.

Работает он, не экономя сил. С распространением видеотехники объем работы тренера едва ли не утроился. Снова и снова просматривает он записи матчей и целых турниров, стремясь обнаружить не подмеченные прежде просчеты и слабости соперника, отыскать резервы и возможности для усиления своей команды.

В жизни Виктор Васильевич мало похож на того Тихонова, которого представляет нам телевидение. В матче, в репортаже он — только сосредоточенность, он весь в работе, предельно собран, строг, кажется, что даже зол. Но, бывая с ним, с хоккейстами на тренировочных сборах, предшествующих самым ответственным соревнованиям, я увидел его иным — столь же собранным, сосредоточенным и вместе с тем веселым и общительным. Он неизменно доброжелателен, часто и охотно улыбается. Удивительное сочетание доброты, расположенности к своим

игрокам и одновременно высокой требовательности к ним.

Наблюдая за Тихоновым, понимаешь, что требовательность — это не только строгость. И уж во всяком случае, никак не раздражительность и не злость.

В командных видах спорта, и прежде всего в хоккее с его скоростями, азартом, внутренним напряжением, важно душевное здоровье всего коллектива. Здесь надобно держать в поле зрения всех, считаться с каждым, что совсем не просто в команде, где любой спортсмен — индивидуальность, величина.

Тренер Виктор Тихонов находит общий язык со спортсменами. Он твердо держит нити управления игрой, коллективом в своих руках. А значит, ему есть о чем рассказать в своей книге о хоккее и хоккеистах.

САМАЯ МОЛОДАЯ КОМАНДА

Новые имена

Вернемся на несколько лет назад.

Осень 1981 года.

Диктор объявляет составы команд: Александр Тыжных, Алексей Касатонов, Святослав Хализов, Владимир Крутов, Игорь Ларионов, Александр Герасимов, Михаил Панин, Михаил Васильев, Александр Зыбин, Игорь Мишуков…

Давний болельщик ЦСКА, геолог, работающий в последние годы за рубежом и попавший во время отпуска на ноябрьский матч «Спартак» — ЦСКА, был в полном недоумении.

Попытался расспросить соседа, потом с горечью махнул рукой:

— И это — ЦСКА?! Команда Фирсова, Рагулина и Харламова? Пацанов каких-то собрали… И как они еще умудряются набирать очки, побеждать?…

Понимаю изумление геолога, не видевшего команду два года, даже по телевидению. Понимаю и других наших болельщиков. Понимаю тех, кто признавался мне два-три года назад, что едва ли не на любой матч ЦСКА идет с опаской. «Раньше, бывало, армейцы проигрывали, — объяснял свои чувства один давний поклонник ЦСКА, — но я все равно был спокоен: рано или поздно тройка Фирсова или звено Петрова свое слово скажут. Или тройка Жлуктова, когда играли с Виктором Капустин и Балдерис. А теперь? На что рассчитывать? На кого надеяться? На Зыбина или Васильева? Так я их еще пока и не различаю…»

Все так. Все верно. Имен громких к осени 1981 года в ЦСКА стало меньше. Сошли великие. Сначала Анатолий Фирсов, Александр Рагулин и их сверстники. Потом сверстники Бориса Михайлова и Владимира Лутченко.

Но разве это новость, что время жизни в большом спорте ограниченно? Великие неизбежно когда-нибудь сходят со сцены. И тогда их места занимают новички. Те, рассчитывать на кого болельщики не привыкли. Пока не привыкли.

Обновление команды — процесс сложный, порой болезненный, и потому на протяжении последних лет мы старались вводить в коллектив новичков так, чтобы передать им те традиции и тот характер, которые отличают ЦСКА. А эта команда, как хорошо известно любителям спорта, на протяжении

всей истории нашего хоккея была лидером. И сейчас армейцы попрежнему во главе советского спорта. Команда, не сомневаюсь, сделает все возможное, чтобы и в будущем оставаться флагманом нашего хоккея.

Говорю сейчас не только об очках, о медалях, завоеванных игроками клуба, но и об отношении спортсменов к совершенствованию игры. Считаю, что ЦСКА призван оставаться тем маяком, по которому сверяют свой курс остальные клубы, весь наш хоккей.

И здесь, видимо, самое время заметить, что наиважнейшая наша задача — воспитание молодых спортсменов в широком смысле этого слова. Не только обучение тактико-техническим элементам игры, но и формирование личности. Каким станет наш новичок? Что принесет он в спорт? Что будет искать в спорте, в хоккее? Взяв высоту, сумеет ли на ней удержаться? Справится ли с искусами, что связаны с выступлениями в знаменитой команде, которая дважды в неделю появляется на экранах телевидения? Не будет ли он склонен к самоуспокоенности, сможет ли каждой осенью, забыв о победах и регалиях, начинать штурм вершин заново, от подножия?

Понятно, что процесс смены поколений затрагивает все команды независимо от их места в табели о рангах, но понятно, надеюсь, и то, что процесс этот имеет особый характер в команде, где больше всего мастеров высшего класса. И если читатель интересуется хоккеем, то он знает, что в течение почти трех десятков лет, со времени начала нашего участия в чемпионатах мира и олимпийских играх, к ЦСКА предъявляются повышенные требования. От команды многого ждут, поскольку именно армейский клуб — главный источник пополнения сборной страны. А раз так, то каждый новичок должен сразу привыкать к новым, повышенным требованиям — и в тактической, и в технической, и в атлетической подготовке, и в психологическом, волевом настрое на матчи, на каждый матч. Привыкать к игре и к тренировкам на самом высоком уровне. Привыкать, наконец, к новой ответственности — за каждое свое выступление, за каждую встречу со зрителями.

ЦСКА играет всегда серьезно. По-настоящему. Не имитирует игру, но играет.

Я как-то рассказывал в интервью корреспонденту газеты «Советская Россия», что однажды ко мне подошел известный швейцарский хоккейный обозреватель и попросил разъяснить ему одно, по его мнению, загадочное явление.

— Если какая-нибудь команда к середине матча выигрывает у другой, допустим, с разницей пять шайб, я не выдерживаю этого

зрелища и ухожу — мне скучно. Впрочем, так же поступает большинство моих соотечественников.

Но когда играет ЦСКА, со мной творится непонятное: ваши хоккеисты буквально громят соперников, а я как зачарованный не могу сойти с места. Точно такая же реакция и у всех зрителей, присутствующих на матче с участием советского чемпиона.

Ответил я ему, помнится, так: ЦСКА играет в полную силу от начала до конца матча — неважно, дается он нам с трудом или мы имеем преимущество в 10 шайб. Так уж хоккеисты воспитаны: они обязаны своей игрой доставлять зрителям истинное удовольствие.

В другом интервью — еженедельнику «Футбол — Хоккей» — говорил:

— Я принципиальный противник облегчения игрового режима, каким бы внушительным ни был счет. Убежден, что это расточительство по отношению к хоккею как к зрелищу. Зритель ведь приходит не на 20, не на 40, а всегда на 60 минут хоккея, у него нет на билете пометки, что при перевесе, скажем, в четыре шайбы выигрывающая команда перестает играть в полную силу. И если мы забросим еще две-три шайбы, проведем еще пяток красивых комбинаций, зритель нам скажет спасибо.

Кроме того, действовать вполсилы вообще вредная привычка, могущая подвести в решающий момент. Когда привыкаешь в каждом матче играть с полной самоотдачей минут 30-40, то, если потребуется выкладываться на протяжении всех 60 минут, не сумеешь уже себя пересилить.

Знаю, что есть другие точки зрения, но моя — такая.

Иногда бывает, правда, что тренер попросит игроков несколько сбавить усилия из-за каких-либо обстоятельств, но это исключения.

Мы, не устаю повторять, играем для зрителей. И не только для тех, кто постоянно ходит на матчи ЦСКА, но и для тех, кто, может, только раз в жизни имеет возможность, попав в Москву, побывать на хоккейном поединке во Дворце спорта в Лужниках, увидеть воочию ЦСКА, увидеть на льду, а не на экране телевизоров Третьяка и Макарова, Жлуктова и Фетисова. Потому команда и хоккеисты призваны в каждом матче показывать, что они умеют играть до конца, до финальной сирены, независимо от турнирного положения и счета в сегодняшнем матче.

Как отражается смена поколений на команде?

Ответы на этот вопрос у тренеров будут, видимо, несхожие. Найдутся, однако, и общие для разных специалистов соображения. И одно из них — снижение уровня игры команды, ослабление ее мощи.

Наверное, у многих любителей спорта есть под рукой хоккейные календари, изданные в том или ином городе к очередному сезону, или какие-то спортивные справочники, или вырезки из «Футбола — Хоккея», где приводятся списки призеров чемпионатов СССР по хоккею, начиная с 1947 года и по наши дни.

Всмотритесь внимательно в списки чемпионов, и вы заметите любопытную закономерность. ЦСКА выигрывает чемпионаты страны четыре раза подряд — с 1958 по 1961 год, а затем на год «одалживает» звание чемпиона «Спартаку». Потом опять четыре победы — с 1963 по 1966 год — и снова на верхнюю ступеньку пьедестала почета поднимается «Спартак». В 70-е годы сохраняется эта же тенденция — с 1970 по 1973 год армейцы четырежды завоевывают золотые медали, а затем пропускают вперед хоккеистов «Крыльев Советов».

Теперь закономерность эта наконец нарушена. В 1981 году наша молодая команда одержала — впервые в истории отечественного хоккея — пятую кряду победу, а весной 1983-го — седьмую.

Обычно временные отступления армейцев объяснялись сменой поколений, нервной, душевной усталостью чемпионов, их психологическими перегрузками.

Все это — реальные факторы, не считаться с которыми нельзя.

Я тоже с ними считаюсь. Но не воспринимаю их как нечто такое, справиться с чем решительно невозможно.

Не думаю, что могут быть ссылки на пресыщенность хоккеем, жалобы на усталость от хоккея. Но согласен, что начинать сначала чемпиону психологически труднее, чем тому, кто накануне проиграл: неудачник обычно с большей заинтересованностью и большим энтузиазмом готовится к новым соревнованиям.

Все эти размышления в полной мере относятся и к хоккейной команде ЦСКА, в составе которой выступают чемпионы мира и Европы, чемпионы страны и олимпийские чемпионы, мастера, выигрывавшие и Кубок вызова, и Кубок Канады (рассказ об этих турнирах — дальше), выступают спортсмены, в полной мере вкусившие славу.

А насколько трудно настраивать команду на игру с максимальной отдачей сил в каждом матче, в каждом сезоне, я знал еще по опыту работы в рижском «Динамо».

В свое время календарь чемпионата страны и в высшей, и в первой, и во второй лигах строился так, что команды проводили так называемые «спаренные матчи». Приезжая в тот или иной город, рижане проводили два матча подряд. Естественно, что и

наши гости тоже играли в Риге два раза. Существовала некая закономерность: команда, выигравшая сегодня, назавтра чаще всего проигрывала. И объяснялось это вовсе не злонамеренным сговором соперников. Причина такой «чехарды» была в ином. В разном психологическом настрое вчерашних противников на сегодняшний матч. Команда, проигравшая накануне, серьезнее, глубже анализирует прошедший поединок, победитель же, напротив, настроен и второй матч провести в том же ключе, что и первый, который принес ему победу. А ведь трудность жизни победителя в том и заключается, что уровень игры, который был достаточен для успеха вчера, сегодня уже к победе не приводит. Надо искать что-то новое, надо идти вперед.

А легко ли заставить себя трудиться больше, порой вдвое больше, если вчера ты стал первым, стал чемпионом?

Работа тренеров рижского «Динамо» заключалась едва ли не в первую очередь в том, чтобы команда постоянно прогрессировала: больше забивала голов в этом сезоне, меньше пропускала в следующем, набирала больше очков, чем год назад.

Работая в Риге, я пришел к выводу, что основа нравственного здоровья команды — в ее постоянном движении к новым целям. А мотором, двигателем этого движения может служить только одно — постоянное повышение требовательности команды и ее тренеров к качеству игры. К уровню подготовки коллектива. Волевой и технической, атлетической и тактической.

Почему, начиная работу над книгой, я вернулся на несколько лет назад? Потому, что в сезоне 1980/81 года тренерам команды ЦСКА пришлось пойти на резкое обновление состава, и это время было наполнено поисками, сомнениями, разочарованиями, удачами, которые и составляют всю жизнь тренера.

Хочу подчеркнуть, что само по себе омоложение — процесс закономерный. Люди в спорте не вечны, рано или поздно прощаются с хоккеем ли, с футболом, с беговой дорожкой или с рингом и самые знаменитые мастера, чемпионы и рекордсмены, снискавшие себе славу непобедимых. И ничего чрезвычайного или тем более страшного в этом процессе нет. Обновление коллектива происходит постоянно, непрерывно, уходят одни и приходят другие спортсмены, но случается и так, что в силу каких-то причин этот процесс вдруг ускоряется, становится особенно интенсивным. Начиная с осени 1979 года процесс смены поколений в нашем хоккее подошел к своему «часу пик». Одновременно или почти одновременно сошли те хоккеисты, которые составляли костяк сборной СССР, — защитники Александр Гусев, Геннадий Цыганков, Юрий Ляпкин, Владимир Лутченко, нападающие — и какие! — Владимир Викулов,

Александр Якушев, Владимир Шадрин, Борис Михайлов, Владимир Петров, трагически ушел из жизни великий хоккеист Валерий Харламов.

Среди перечисленных здесь мастеров — семь хоккеистов ЦСКА, но к ним надо добавить еще и Александра Волчкова, Владимира Попова, Вячеслава Анисина, в то же самое время перешедших в ленинградскую армейскую команду.

Когда мы проводили наших защитников и Владимира Викулова с Борисом Михайловым, когда согласились тренеры ЦСКА отпустить трех своих форвардов в родственную команду, я очень рассчитывал на помощь Петрова и Харламова, двух первоклассных мастеров, которые могли стать опорой молодых ребят, дебютирующих в основном составе.

В ЦСКА уже был, как известно, такой опыт. В свое время много говорилось и писалось о тройке Анатолия Фирсова, рядом с которым быстро росли Владимир Викулов и Виктор Полупанов. Да и тот же Викулов много сделал для того, чтобы стали классными хоккеистами Виктор Жлуктов и Борис Александров. Так же росли, набираясь опыта у ветеранов, молодые ребята и в рижском «Динамо», и потому я планировал создание двух новых звеньев, где в роли опекунов Зыбина и Хомутова, Герасимова и Васильева должны были выступать два многоопытных мастера из нашей знаменитой первой тройки.

Но Владимир Петров отказался играть. Сначала он решил пойти учиться в Высшую школу тренеров, а затем, изменив свое первоначальное решение, поехал в Ленинград. Там он стал играющим тренером.

Мне кажется, что Петров поступил неверно. Он мог бы играть в ЦСКА еще не один сезон, играть сильно, его возможности показал чемпионат мира 1981 года, где Петров был в числе лучших. Владимир не собирался прощаться с хоккеем, во всяком случае весной, перед летними каникулами команды, он ничего тренерам о своих планах не говорил, и оттого его внезапный уход поставил нас в трудное положение. Если бы мы были предупреждены заранее, то сумели бы, видимо, подыскать замену, хотя, может быть, и не равноценную.

Думаю, что переход нашего центрфорварда в другую команду, пусть и родственную, может служить показателем его отношения к клубу. Петров, безусловно, многое сделал для армейской команды, для сборной страны. Он возглавлял тройку, по праву считавшуюся в советском хоккее первой. Вклад Владимира и его партнеров в успехи наших команд был огромным. Это звено не раз и не два вытягивало матчи, вытягивало чемпионаты и страны, и мира. Первая тройка была

подлинным лидером команды. И все-таки я всегда придерживался мнения — о чем не уставал напоминать Петрову, — что он отдает своему клубу и сборной меньше, чем мог бы, меньше, чем мы ждали от него. Никогда не упрекнул бы я в этом Бориса Михайлова, тот был боец до мозга костей, чаще всего именно он увлекал за собой Петрова, заставлял партнера работать более старательно.

Думаю, что уход Петрова напомнил еще раз старую, к сожалению, истину: не всегда хоккеисты сполна возвращают своей команде то, что она им дала. Петров, повторяю и подчеркиваю — во избежание кривотолков, — многое сделал для успехов советского хоккея, для армейского клуба, но талант его позволял рассчитывать на большее. Кому много дано… А Владимир щедро одарен природой. Потому и спрос с него должен быть особый. Петров заработал право на такой спрос, на повышенную требовательность тренеров. Даже когда исполнилось ему 34 года (в этом возрасте он ушел из ЦСКА), Петров и в новом амплуа, в новой роли мог бы принести своему клубу немалую пользу.

С юными хоккеистами, конечно, надо возиться. Но ведь когда-то и с Петровым возились тренеры, и с ним когда-то возились ветераны. Не сразу, не в первые дни своего прихода в ЦСКА стал Владимир большим мастером. Так не настала ли пора и расплачиваться, отдавать нравственный долг своему коллективу? Расплачиваться не только голами, завоеванными очками, победами — здесь вклад Володи очевиден, но расплачиваться и заботой о молодых, о тех, кто придет ему на смену.

Почему вдруг Петров решил уйти из ЦСКА?

Мой друг осторожно спросил меня:

— А может, ты виноват? Может, Владимир на тебя за что-то обиделся?…

Не знаю. Мне Петров никаких неудовольствий не высказывал. Тем более что за несколько недель до ухода из ЦСКА тренеры предоставили ему прекрасную возможность проявить свой талант, свое высочайшее мастерство — на чемпионате мира в Гетеборге и Стокгольме он играл в компании с сильнейшими молодыми мастерами Сергеем Макаровым и Владимиром Круговым.

Но, допустим, Петров обиделся или рассердился на меня. Однако команда-то здесь при чем? Та команда, в которой он играл долгие годы. Команда, где он и стал Петровым, знаменитым центрфорвардом знаменитой тройки.

Дело, которому мы служим, выше нас, выше личных амбиций и обид.

Когда на собрании команды решался вопрос, разрешать ли переход Владимиру в ленинградский СКА, коллектив проявил и мудрость, и великодушие. Общее мнение выразил Вячеслав Фетисов:

— Он поступил неправильно. Но пусть играет в СКА. А мы и без него станем чемпионами…

Признаюсь, когда случилась трагедия, когда ушел из жизни Харламов, я думал, что Володя пересмотрит свое решение. Мне казалось, что Петров придет в свою команду, попросит у ребят прощения за то, что так неожиданно покинул их, и скажет:

— Я попробую заменить Валерия!…

Как мы надеялись, что Петров это скажет! Как ждали от него такого шага!

Но он не пришел, не сказал этих слов.

И это было обидно.

Рушились планы тренеров. Команда оставалась без опытнейших игроков, которые так нужны в пору омоложения коллектива — роль наставников очевидна, тем более в спорте, где дебютанту, новичку едва ли не ежедневно приходится сдавать экзамены.

Когда началось обновление команды, тренеры рассчитывали на Харламова, и это были не теоретические расчеты, не абстрактные планы. Считаю, что минимум два-три года Валерий мог бы еще играть в ЦСКА. Он был очень добр душевно, и ребята к нему тянулись. Практика уже показала, что Валерий прекрасно играет с молодыми. Я беседовал с ним накануне нового сезона, он понимал меня и соглашался опекать молодых армейцев. Валерий старательно готовился к новому сезону. Он отлично сыграл в нескольких матчах турнира в Италии, где определялся новый владелец Кубка европейских чемпионов и где ЦСКА тем летом в одиннадцатый раз завоевал этот почетный трофей.

Сборная СССР улетела за океан на розыгрыш Кубка Канады, когда на подмосковном шоссе случилась трагедия. Вернувшись домой, побывав на могиле Валерия и его жены Иры, армейцы на своем собрании перед первым матчем сезона решили отдать все силы успеху в чемпионате страны и посвятить эту победу памяти Валерия Харламова, нашего общего любимца.

Как бы там ни было, в силу, повторяю, различных причин и обстоятельств, многие из которых были вне моей власти, ЦСКА, общепризнанный флагман советского хоккея, клуб, хоккеисты которого составляют костяк сборной, оказался самым молодым среди всех двенадцати клубов высшей лиги.

Итак, главной особенностью того состава, с которым мы начали 36-й чемпионат СССР в 1981 году была юность и неопытность игроков. Самым опытным, самым, простите, «старым» хоккеистом в команде оказался Владислав Третьяк. Да, да, тот самый Владик, которого мы еще совсем недавно называли «юным Третьяком». Владиславу осенью 1981 года было 29 лет.

Ни в одной команде не было такого молодого «старичка». У другой «моей» команды, у динамовцев Риги, в заявочном списке, кроме трех сверстников Третьяка, были еще и хоккеисты, родившиеся в 1950, 1949 и 1948 годах.

Стоит ли удивляться, что уже тогда нашими лидерами мы принуждены были называть тех игроков, которым было 22-23 года: Сергея Макарова и Вячеслава Фетисова, Алексея Касатонова и Владимира Крутова. Впрочем, год рождения Крутова — 1960-й, как и центрального нападающего первого звена Игоря Ларионова. Немногим старше Николай Дроздецкий, Ирек Гимаев, Сергей Бабинов. Конечно, у нас были ветераны, такие, как Виктор Жлуктов, Алексей Волченков, Александр Лобанов. Но ведь Жлуктов родился в 1954 году, и, называя его ветераном, хотелось взять это слово в кавычки: Виктору было в ту пору 27 лет.

На наших собраниях и беседах, на установках на матч и на разборах матчей мы доказывали ребятам, убеждали их, что начинать играть новые роли — лидеров, вожаков коллектива можно (и приходится) и в 21-23 года. И если еще вчера тренеры говорили, что надо перенимать опыт старших, учиться у них, то сегодня в беседах с Макаровым и Фетисовым акценты приходилось менять: надо передавать опыт, пусть он пока и невелик, нужно учить младших. И учиться самим, и учить тех, кто еще моложе. Учить не только тонкостям хоккея, но и отношению к игре, к коллективу, в котором живешь, играешь.

Нам некогда было ждать: не только Макаров и Фетисов, но и Крутов, Ларионов, Касатонов, Дроздецкий должны были стать звездами сегодня, сейчас, а не тогда, когда придет их пора, их время, и вести — своим примером — за собой молодых.

Беседуя с хоккеистами первой пятерки ЦСКА, я старался увлечь их высокой целью. Мне хотелось, чтобы они поняли, что задача заключается не только в том, чтобы хорошо играть в отдельных, решающих матчах. Задача молодых лидеров была неизмеримо сложнее — укрепить ЦСКА и быть опорой сборной. И все это — несмотря на возраст, несмотря на то, что у них может быть право на скидку из-за недостатка опыта.

Однажды спустя два года, весной 1983 года, меня спросили: что было самым трудным в работе тренера, возглавляющего команду, которая в седьмой раз подряд стала чемпионом страны? Подбор игроков? Формирование звеньев? Выбор тактики? Атлетическая подготовка хоккеистов?

Все это, несомненно, важно.

Но самым трудным, невероятно сложным было для меня в том сезоне, что начался осенью 1981 года, все-таки иное. Постоянная, бесконечная работа с лидерами команды. Не только мне, тренеру, но всем нам, всему коллективу, важно было, чтобы Макаров и Крутов, Фетисов и Ларионов, Жлуктов и Касатонов поняли, что волей обстоятельств на их плечи легла трудная, но и поднимающая их ответственность.

Становление человека, формирование его характера — процесс сложный. Могут быть и остановки, и отклонения в сторону, и даже отступления назад. Но еще более непростым считаю я становление коллектива — суммы разных характеров, суммы непохожих, порой взаимоисключающих устремлений.

Говорю о хоккейной команде.

Все, казалось, поняли молодые спортсмены. Хоккеисты звена Ларионова прониклись новой, нелегкой для них ответственностью, стали лидерами коллектива.

Месяца на два. Или менее того.

Успехи обманули их, ввели в заблуждение. Появились очевидные признаки зазнайства. Нападающие и защитники стали выяснять, чей вклад больше, кто играет лучше, сильнее…

Как, с какими словами обращался я к ребятам? По-разному. Едва ли следует говорить с Крутовым, например, так же, как, скажем, с Макаровым или Дроздецким. И если с кем-то можно и нужно говорить резко, то, например, с Вячеславом Быковым разумнее беседовать мягко: он человек исключительно добросовестный и обязательный.

Понятно, что возникают порой ситуации, в которых тренеру некогда заботиться о выражениях: команда проигрывает, матч идет к концу, разница в шайбах невелика, игра может быть еще спасена и тренер лихорадочно ищет пути и возможности усиления действий команды.

Стараюсь не попадать в такие ситуации, стараюсь сдерживаться, контролировать себя. Признаюсь, получается не всегда. К сожалению. К глубокому моему сожалению.

Однажды на меня обиделся Фетисов. Замечательный хоккеист, прекрасный человек. Умница, понимает все, умеет воспринимать критику, делать правильные выводы. Слава — ранимый человек, и голос в разговоре с ним повышать не нужно.

Даже если допускает он самые очевидные ошибки, то это потому, что рвется он как можно больше сделать для победы своей команды. И вот в матче с «Химиком» я сделал нашему капитану резкое замечание, Слава покраснел, надулся, сел подальше от тренера — явно не желает ни отвечать мне, ни разговаривать со мной.

Потом мы объяснились.

Сказал Вячеславу, что обижаться в таких случаях не надо. Идет бой, и главное — наш успех. Общий успех. Потом мы все спокойно обсудим, тщательно разберем, и если я не прав — по существу ли, по форме, — я непременно при всех попрошу прощения. Но не надо во время матча вставать в позу, капризничать, выяснять отношения. Никто из нас не имеет права во время матча обижаться. Дело, еще раз напомню, выше нас, и забывать об этом мы не можем.

В ЦСКА, как в любой другой команде, играют хоккеисты разного класса, разного опыта, с неодинаковыми задатками и умением. С неодинаковой перспективой. С разными характерами. С разными, наконец, возможностями. Одним словом, обычный коллектив. Ведь и инженеры, и строители, и врачи, работающие вместе, рядом, военнослужащие того или иного подразделения — тоже люди разной степени одаренности или таланта.

Не боюсь сказать игроку, что природа к нему особенно щедра. А коли так, то и команда, и тренеры, да и сами одаренные игроки вправе рассчитывать на то, что их отдача может и должна быть выше. Не в одном матче. Постоянно. Стараюсь доказать Макарову, Фетисову, их партнерам, что они пришли в ЦСКА, в сборную, в большой спорт не на год и не на два. Плохо, когда лидеры чувствуют свою ответственность только год-другой. А так, к сожалению, случается. Так, к сожалению, было и в ЦСКА — напоминаю сейчас о звене, где объединены были Сергей Капустин, Виктор Жлуктов и Хелмут Балдерис. Нам нужны не кометы, нужны звезды, которые будут светить, будут показывать высокие результаты в течение многих лет.

Говорю с молодыми хоккеистами откровенно, не приуменьшаю их возможности, их роль в коллективе: не боюсь, что они зазнаются. Но не устаю вместе с тем повторять, что путь к стабильным успехам — в большом, объемном, творческом труде. Ежедневном и кропотливом труде, рассчитанном не на год, а на всю жизнь.

Внутренняя дисциплина у лидеров должна быть выше, чем у всех остальных спортсменов, они призваны постоянно заботиться о своем совершенствовании, ибо быть первыми очень трудно, если речь идет о тех первых, кто не сдает свои позиции долгие

годы.

В ЦСКА, как, видимо, и в любом другом спортивном коллективе, есть свои традиции, свои особенности. И если такие черты, как, например, вера каждого игрока в помощь партнеров по звену, присущи не одним лишь армейцам, то вот «психология победителя», «привычка» к постоянным победам, стремление к успеху в каждом матче — качества не слишком распространенные, и хоккеист, игравший вчера в «Тракторе» или в «Химике», не сразу воспринимает этот настрой, не сразу понимает, что он должен играть с полной отдачей сил в каждом матче.

У хоккея, считаю я, не может быть «отгулов», работы вполсилы. А такое отношение к делу в решающей мере зависит от лидеров команды.

ЧЕТЫРЕ ЗВЕНА

Рижская новинка

Хоккей, как никакая другая коллективная игра, настоятельно требует постоянного обновления концепций и взглядов.

Со временем та или иная основа, которая позволяла нам опережать соперников, быть сильнейшими в мире, неизбежно устаревает. Преимущество сборной СССР начинает теряться, поскольку в наш век широчайшего общения, энергичного использования видеомагнитофонов и заимствования опыта соперников находки чемпионов мира, носившие характер откровения, довольно скоро становятся всеобщим достоянием, альфой и омегой хоккея.

Так произошло и несколько лет назад, когда на чемпионатах мира 1976 и 1977 года мы, скажем прямо, едва ли опережали своих соперников.

Сборная СССР должна была найти что-то новое, что позволило бы ей снова уйти «в отрыв».

Такой новинкой стала игра национальной команды четырьмя пятерками.

В мировом хоккее это кажется сейчас естественным, само собой разумеющимся — игра в четыре звена. А родилась впервые эта идея у нас, в Советском Союзе, в рижской команде «Дипамо».

Во избежание недоразумений я должен оговориться, что говорю о приоритете потому, что в матчах на высоком уровне такого ведения игры прежде никто не демонстрировал — ни в нашей стране, ни в ведущих европейских зарубежных клубах (говорю о тех только командах, которые можно увидеть на международной арене), ни за океаном. Допускаю, что где-нибудь в низовом хоккее кто-то из тренеров и прежде практиковал игру с четырьмя звеньями. Но если говорить о большом хоккее, то здесь у меня сомнений нет: мы были первыми.

Начиналось все это полтора десятка лет назад, в 1968 году.

Идея имеет свою историю. Она была подсказана самой жизнью. В рижском «Динамо», когда я только принял команду, было три звена. Третья тройка была откровенно слабой.

Мастерство игроков, ее составляющих, вызывало сомнения. И хотя рижане в то время выступали во второй лиге, иначе говоря, в третьем эшелоне нашего хоккея, я сомневался в том, что имею право оставлять в команде таких игроков. Но около третьего

звена было еще несколько хоккеистов, которые являли собой резерв третьей тройки. Однако и они по своему классу не могли претендовать на право выступать в основном составе.

И вот во второй половине чемпионата, а речь, напоминаю, идет о первенстве СССР во второй лиге, я через третье звено, постоянно меняя игроков, пропустил шесть спортсменов. То есть, в сущности, два звена.

И уже зрительно, а не только по цифровым итогам матчей, было видно, что это звено, постоянно обновляясь, играет не хуже хоккеистов второго и даже первого звеньев. Когда закончился чемпионат лиги и мы подсчитали итоги выступлений всех пятерок и всех хоккеистов, а учет игры звеньев ведется во всех командах — от сборной страны до клубов второй лиги, то выяснилось, что третье звено в нашей команде на заключительном этапе чемпионата СССР оказалось сильнейшим.

Как это получилось?

В то время в каждой команде было три звена. Противоборствовали первые пятерки, соперничали вторые, соревновались третьи. И вот против каждой третьей пятерки мы выставляли две (речь пока, правда, идет только о двух тройках форвардов).

Сопоставив результаты, показанные всеми тройками рижан, проанализировав действия команды и задумавшись над тем, что происходит, я не мог не прийти к выводу о разумности игры четырьмя звеньями и принял решение запланировать на следующий сезон игру в четыре тройки форвардов.

Впрочем, двенадцати нападающих в рижском «Динамо» тогда не было: форвардов, на которых можно было бы положиться, не хватало, и потому мы обходились игрой в три с половиной звена. Были использованы разные варианты поиска недостающего нападающего. Иногда один из форвардов играл через смену, скажем, во втором и четвертом звеньях — так иногда и сегодня действует ЦСКА, используя во втором и четвертом звеньях Николая Дроздецкого или Владимира Крутова в первом и третьем. Иногда в четвертом звене был так называемый «скользящий» игрок: место в четвертой тройке занимал один из хоккеистов трех остальных звеньев.

Преимущества игры с таким принципом формирования команды для меня очевидны. И одно из них — возможность более быстрого роста молодых хоккеистов. Они выходят на лед вместе с лидерами команды — с начала сезона, с первых минут матча, а не тогда, когда мы ведем 12:1, не весной, когда судьба чемпионата решена.

Но хоккей — это живые люди с устоявшимися взглядами и

привычками, и оттого переход к игре в четыре звена был непрост. Во-первых, тренеру требовалось самому досконально разобраться во всем, что связано было с новым режимом действий хоккеистов, а во-вторых, предстояло преодолеть барьер — скепсис, неверие игроков, привыкших к игре в три звена. Эту преграду, замечу попутно, надо было преодолевать заново снова и снова при каждом введении новых игроков в команду. В результате опыт накопился солидный. Но и в последующие годы, и во второй сборной, и в «экспериментальной», о которой я расскажу в следующих главах, и в ЦСКА, и в первой сборной страны, эта проблема возникала вновь и вновь. Возникала она, знаю, поначалу и в тех командах, которые решили перенимать наш опыт.

Речь идет о психологическом барьере, обладавшем поразительной стойкостью, о непривычности игры в четыре звена, об опасениях, связанных с тем, что хоккеисты, с детских команд привыкшие действовать в три звена, а стало быть, с определенным игровым интервалом и с определенными интервалами отдыха, будут выбиты из привычного игрового режима. Ситуация еще более сложна, когда хоккеисты откровенно настроены против этой идеи, активно настроены, когда она не кажется им разумной.

Если бы я кому-то сказал, что пройдет дюжина лет и на Кубке Канады, сыгранном в 1981 году, даже родоначальники нашей игры, причем не любители, которых порой обвиняли в копировании европейской школы игры, а сборная Национальной хоккейной лиги, объединяющей в себе клубы, собравшие все сливки канадского и американского профессионального хоккея, будет, как и мы, играть в четыре звена, что этот наш опыт заимствуют, то, не сомневаюсь, меня бы подняли на смех.

Тогда в новую идею не верили ни игроки, ни тренеры-коллеги, ни журналисты.

Не верили в перспективность новинки даже тренеры второй группы, которые могли воочию убедиться, как усилилась команда, играющая с четырьмя тройками нападающих.

Оставалось одно — доказывать верность своих размышлений и выводов игрой, очками. Результатами рижской команды, которых мы добились в течение двух лет.

В первую лигу мы вышли, обогнав второго призера на 20 (!) очков.

Когда мы завоевали право выступать в первой лиге, тренеры, с командами которых столь успешно соперничали рижане, предупреждали меня:

— То, что прошло у тебя во второй лиге, в первой не пройдет.

Там класс команд выше, тебе придется набрать двенадцать нападающих, отвечающих требованиям первой лиги, а у тебя таких игроков раз-два и обчелся. Хорошо, если пять-семь насчитаешь… Да и соперники там иные — они твои четыре звена просто разорвут…

Три года динамовцы столицы Латвии играли в первой лиге — такое время (согласитесь, весьма непродолжительное) потребовалось команде, чтобы выйти в высшую лигу, попасть в элиту нашего хоккея, и все эти три года рижане имели в своем составе четыре звена, каждое из которых выходило на каждый матч. А итоги… Нет, нас не «разорвали». Рижане не просто успешно выдержали новое испытание, но выступили более чем достойно.

Напомню, что, одержав победу, которая и позволила нам шагнуть в следующий класс, мы обошли при этом вторую команду первой лиги на 17 (!) очков.

Вместе с поздравлениями, вместе с пожеланиями успехов я услышал и уже становящееся традиционным скептическое напоминание о том, что возможное и допустимое в первой лиге не «пройдет» в высшей.

Менялось название лиг, повышался их уровень, но «напутствия» были те же самые, уже мне знакомые.

Может быть, поэтому я и не придавал уже предупреждениям скептиков особого значения.

Мне поручили возглавить вторую сборную страны в 1972 году, еще в то время, когда рижане выступали в первой лиге: это был первый и пока единственный случай, когда работу со сборной страны, пусть и не первой, доверяли тренеру, работающему с клубом не из высшей лиги.

Мог ли я не воспользоваться случаем и не попробовать осуществить идею игры в четыре звена и с набором хоккеистов довольно высокого уровня?

Теперь идея игры в четыре звена была широко обнародована.

Об этом достаточно много говорили, писали и спорили, но по-прежнему никто не соглашался с предлагаемыми мною доводами. Найти себе единомышленников не удавалось.

Считали, что эксперимент рискован и не оправдан.

Но ведь это был уже не эксперимент. Это был опыт, проверенный в командах, выступающих в состязаниях разного уровня.

Против идеи игры с четырьмя тройками выступали и научные работники, сотрудничающие с хоккейными командами. Они утверждали, что если игрок проводит на скамье запасных на одну смену больше, то он выбивается из темпа и ритма игры и ему

приходится едва ли не заново разогреваться, заново готовиться к тому, чтобы вступить в игру.

Мне кажется, команда, с которой я работал, доказывала ученым обратное. Доказывала, конечно, не столько теоретически, сколько на практике. Успехи рижан были очевидны, даже в высшей лиге. И тем не менее…

Впрочем, исключения допускались… Для таких «середнячков», как рижане, — у них нет мастеров высочайшего класса, и потому все равно, кто выходит на лед и сколько там набирается звеньев. И для суперклубов вроде ЦСКА — там мастера такого класса, что они, играя в любом режиме, все равно будут всех побеждать.

Нетрудно заметить, что эти аргументы исключают друг друга, но в споре с идеей игры в четыре звена использовались любые возможные, да и невозможные доказательства.

Теперь о четырех тройках писали много, особенно подчеркивали необычность действий рижан журналисты, однако почти все, кто «брал слово», были против использования в одном матче двенадцати форвардов.

«За» и «против»: дискуссия продолжается

Шло время, и настал год 1977-й, летом которого я начал работу с первой сборной Советского Союза и с ЦСКА. О том, почему и как оказался я в Москве, речь пойдет в следующих главах, сейчас же я хочу припомнить ту дискуссию, которая прошла на страницах трех номеров еженедельника «Футбол — Хоккей» в самом конце 1977 года, когда в чемпионате страны наступил традиционный пятинедельный новогодний перерыв. Редакция еженедельника подчеркивала, что в последнее время, особенно после чемпионата мира в Вене, внимание специалистов хоккея все больше привлекают вопросы тактики. Признано, что тактическое однообразие было одной из причин неудачи нашей сборной в чемпионате мира. А тактическая грамотность национальной команды, умение найти ключи к соперникам, действующим в разной манере, во многом зависит от работы хоккеистов в своих клубах.

Дискуссия, как мне показалось, была любопытная. Не стану сейчас пересказывать ее содержание, приведу лишь несколько высказываний, касающихся темы этой главы.

Одно только напоминание: к тому времени рижское

«Динамо» четыре тройки форвардов использовало десятый сезон.

Анатолия Михайловича Кострюкова, работающего сейчас начальником Управления хоккея Спорткомитета СССР, считаю своим единомышленником и другом. До назначения на этот пост Анатолий Михайлович привлекался к работе со сборной СССР: вместе со мной и Владимиром Владимировичем Юрзиновым он готовил нашу главную команду к самым ответственным соревнованиям, особое внимание коллега уделял молодым игрокам, ближайшему резерву национальной сборной.

В 1977 году Кострюков работал в челябинском «Тракторе». Именно при нем уральские хоккеисты добились наибольших успехов, именно при нем заиграли в «Тракторе» мастера, которые вошли в состав сборной, стали чемпионами мира, и среди них такие талантливые игроки, как Сергей Бабинов и Сергей Макаров. Так вот, Анатолий Михайлович, выступая в дискуссии, говорил: «О целесообразности действий в четыре тройки говорить преждевременно. Так, в прошлом сезоне против соперников, игравших четырьмя тройками, и мы выставляли четыре звена. Есть у «Трактора» такая возможность и сейчас, но необходимости в ее использовании я не вижу. К примеру, мы в третьем периоде тремя звеньями переиграли московское «Динамо», а встречу со «Спартаком» сумели свести вничью, хотя эти команды действовали четырьмя тройками».

Следующим слово в дискуссии получил Олег Сивков, возглавлявший в то время ленинградский СКА. Он говорил: «И еще одно новшество появилось в арсенале многих клубов. Если раньше в четыре тройки играли рижские динамовцы, то теперь двенадцать нападающих выходят на лед почти в каждой команде. Но ведь рижане пошли на это, я думаю, потому, что у них не хватало исполнителей высокого класса. А зачем же делать то же самое остальным? Мне кажется, поддерживать необходимый темп можно и тремя звеньями».

Потом слово взял старший тренер горьковского «Торпедо» Игорь Чистовский. Он едва ли не дословно повторил размышления коллеги из Ленинграда: «Мне думается, не от хорошей жизни рижское «Динамо» начало играть в свое время в четыре тройки. Все понятно — не было мастеров ярких и индивидуально сильных, и этот недостаток необходимо было каким-то образом компенсировать. Но как? Работой каждого игрока в отдельности и всей команды в целом. Что ж, в данном случае такая тактика вполне оправдана.

Однако если у тренера есть игроки более высокого класса, исчезает необходимость выпускать их на площадку через три смены на четвертую. Словом, игра в четыре звена, на мой взгляд,

не удел сильных. А ведь сегодня подобную тактику взяли на вооружение именно наши сильнейшие команды. Они все перешли постепенно к игре от обороны. Не знаю, пойдет ли это на пользу им самим и нашему хоккею в целом».

В следующем номере еженедельника дали возможность выступить и новому старшему тренеру ЦСКА. Я говорил: «Приходится порой слышать, что игра в четыре звена — это своего рода компенсация недостатка мастерства хоккеистов, а потому она — удел слабых. Убежден, что это — неправильная точка зрения. Неправильная потому, что использование четырех троек — это не простое увеличение количества нападающих. И не простая возможность лишь поддерживать высокий темп. Сводить все к тому, что одна команда, использующая четыре тройки, должна перебегать ту, которая выпускает на лед лишь три, значит, не понимать самой сути идеи. А ведь идея использования четырех звеньев в матче — идея прежде всего тактическая. Я, как тренер, получаю возможность варьировать состав в зависимости от обстоятельств игры: в какой-то отрезок матча могу использовать три звена, потом — четыре, а затем — снова три или «три с половиной» (со скользящим форвардом). Словом, четыре звена позволяют команде стать более гибкой прежде всего тактически».

Говоря об издержках, которые могут быть связаны с игрой в четыре звена, я сказал тогда, что одна из них заключается в том, что защитники вынуждены выходить на лед с разными нападающими, что сказывается на согласованности действий пятерки хоккеистов. Но с тех пор правила соревнований были изменены, сегодня команда может выставлять на каждый матч 22 игрока, в том числе 20 полевых, другими словами, четыре полных, наигранных пятерки хоккеистов. Стало быть, этот названный мною минус игры в четыре звена теперь уже снят.

Прошли годы, но… Но по-прежнему некоторые уважаемые специалисты не приемлют идею четырех звеньев. В частности, Аркадий Иванович Чернышев, мой учитель, объяснял осенью 1982 года, когда я начинал уже шестой сезон работы в ЦСКА, что игра в четыре звена мешает росту мастерства хоккеистов.

Известный спортивный журналист Лев Лебедев, выступая с первым в сезоне хоккейным обозрением, рассказывал в еженедельнике «Футбол — Хоккей» (в номере от 26 сентября 1982 г.), что на матче открытия в Лужниках, в котором встречались ЦСКА и горьковское «Торпедо», «заслуженный тренер СССР А. И. Чернышев высказал мысль, что молодежь у нас медленно поднимается к вершинам мастерства, потому что мало играет, если команда действует в четыре звена — в лучшем случае 15

минут, вместо двадцати при трех звеньях. Сокращение практики на 25 процентов, по его мнению, серьезно сказывается. И нет оснований, как считает Чернышев, говорить при этом об увеличении нагрузок, поскольку времени для отдыха по ходу матча игрокам предоставляется больше. Очевидно, это — актуальная тема для хоккейных специалистов, поскольку во всех командах сейчас много молодежи».

Здесь, видимо, происходит определенное смешение понятий. Да, времени для отдыха хоккеистам предоставляется теперь больше — спортсмены проводят на льду не треть, а четверть игрового времени, отведенного на матч. Но разве можно говорить о минутах, которые хоккеисты проводят на скамье для отдыха, и не говорить о тех минутах, которые они заняты на льду. Изменилось содержание игровой минуты, ее насыщенность, плотность. Теперь за единицу времени игрок успевает выполнить значительно больше тактико-технических приемов, чем несколько лет назад. Поясню, что, говоря о тактико-технических приемах, я имею в виду броски шайбы, передачи ее партнеру, прием шайбы на себя, обводку, попытки скоростного ухода от опекуна, всякого рода маневры на льду без шайбы, что составляет важную часть современного хоккея. Такая игра, более насыщенная по своему содержанию, требует от хоккеиста и больших усилий, во-первых, а во-вторых, в такой игре заметнее «прибавляют» в мастерстве и опытные, сложившиеся уже мастера, и молодые хоккеисты.

Посмотрите, как играет Фетисов.

Говорят: «У Вячеслава два сердца». Но когда уходит Слава с площадки, отыграв 40-50 секунд, у него порой едва достает сил добраться до скамьи запасных. Почему? Потому что плохо подготовлен? Слаб физически? Быстро устает? А как же два сердца?

Объяснение простое. Объем работы, выполняемой на льду этим защитником, огромен. Он постоянно начеку, обороняя ближние подступы к нашим воротам, и постоянно впереди, в атаке, едва ли не на «пятачке» у ворот соперника. Взаимозаменяемость всех пяти игроков нашего первого (и по моим понятиям, лучшего в мировом современном хоккее) звена требует постоянного движения всех нападающих и защитников, сумма их действий — технических и тактических — в одном игровом отрезке такова, что равняется работе, которую прежде, лет 8-10 назад, лидеры команды выполняли за два, а то и три игровых отрезка.

Хоккей в исполнении Вячеслава Фетисова, Игоря Ларионова и их партнеров несравним с тем, что видели мы несколько сезонов назад. Анатолий Владимирович Тарасов писал в «Советской

России», что такой сильной пятерки в истории хоккея не было. Согласен с оценкой маститого тренера. Напомню только читателям, что все хоккеисты этого звена, стремительно поднявшиеся к высотам мастерства, выросли в команде, играющей в четыре звена. Владимир Кругов и Алексей Касатонов, кажется, и не знали другого хоккея.

А у Фетисова, если судить о нем с трибуны, и вправду «два сердца». И он умеет отдавать игре все свои силы за 40-50 секунд. Умеет — «с двумя сердцами» — уставать за эти секунды. Потому что играет в новый хоккей.

И более молодые хоккеисты ЦСКА, которые идут за своими лидерами, тоже стремительно растут, осваивая все премудрости сегодняшнего хоккея, — посмотрите хотя бы, как играет Михаил Васильев.

Вот почему не могу согласиться с соображениями, высказанными Аркадием Ивановичем Чернышевым.

Кроме того, есть еще одно обстоятельство.

У писателя Анатолия Рыбакова, автора книг «Кортик», «Екатерина Воронина», «Неизвестный солдат», «Тяжелый песок» и многих других, в его рабочем кабинете в Переделкине висит лозунг: «Чтобы написать, надо писать!» Не только точно, но и остроумно. И верно не только по отношению к труду литераторов, но и по отношению к хоккею. Молодежи, чтобы играть (научиться хорошо играть), надо играть. Молодые не набираются опыта, если следят за матчем со скамьи запасных.

А у команды, действующей в четыре звена, значительно больше возможности предоставить своим молодым хоккеистам право выхода на лед. И, повторяю, не в конце выигранного матча, не в конце выигранного (или, напротив, безнадежно проигранного) сезона.

Трудность моего положения заключалась и в том, что я не мог в свое время все до конца объяснить публично.

Все аргументы в защиту новой идеи я использовать не имел права: какие-то преимущества игры в четыре звена оставались пока моим секретом. Да мне и не казалось необходимым вести дискуссии. За меня были результаты команды.

Работая в Латвии, естественно, я не обольщался по поводу соотношения сил ЦСКА и рижского «Динамо». В составе армейцев неизменно наличествуют великолепные мастера, в ведущей команде страны больше, чем у соперников, игроков, отвечающих самым высоким стандартам мирового класса. Как правило, армейцы обладают и наибольшим опытом международных встреч. У нас же в Риге, как и в большинстве команд, числящихся «середнячками», игроки были менее искусные. Однако, несмотря

на это, мы, случалось, отнимали у лидера советского хоккея до 4 (из 8 возможных) очков. И в то же время рижские динамовцы страстно боролись против всех клубов высшей лиги, не делили их на тех, кто им по силам, а кто — нет, и потому-то прочно закрепились в высшей лиге, в верхней части турнирной таблицы.

Разумеется, при игре в четыре звена есть и негативные моменты, но они с лихвой перекрываются «плюсами».

Самая главная трудность — надо перестраивать психологию игроков.

Когда я пришел в ЦСКА, меня постоянно расспрашивали, неужели и первая тройка должна находиться на льду не 20-25 минут игрового времени, а пятнадцать? Всего пятнадцать, как все? Не расточительно ли так мало использовать несравненное мастерство Владимира Петрова и его славных партнеров? Ведь они могут дать команде много, больше других. Именно они чаще всего решают исход одного матча и чемпионата в целом.

— Да, класс первой тройки ЦСКА внушает уважение, — отвечал я. — Но разве из этого следует, что тренеры клуба или сборной СССР могут, имеют моральное право в каждом матче направлять их на лед вдвое чаще, чем остальных хоккеистов команды?… Это возможно только при необходимости, при исключительных обстоятельствах…

Я, разумеется, знал, как играет ЦСКА. Видел, что прославленные мастера использовались так, что можно порой было говорить: команда играет не в четыре, а в одно звено. По моим наблюдениям, в течение многих лет первое звено играло больше, чем это диктовалось интересами команды. Михайлов, Петров и Харламов выходили на лед и тогда, когда можно было этого не делать, когда можно было поберечь ведущую тройку и использовать ее как ударную силу, способную повернуть ход матча, использовать в критический момент, а не с первых и до последних мипут поединка.

Бывают, конечно же, ситуации, когда надо спасать игру, — бывают даже у лидеров, у бессменных чемпионов, но не в каждом же матче возникает такое опасное положение. Хоккей — это игра, всего лишь игра, все здесь предусмотреть невозможно. Случается, что игра у команды вдруг не заладится, хотя и готовились серьезно, и к сопернику отнеслись с уважением. Такой удар судьба нанесла нам — еще раз вспоминаю осень 1981 года, точнее, конец ноября, — во время матча в Киеве, где ЦСКА играл с местным «Соколом». Накануне, за два дня до этой встречи, армейцы выиграли у главного своего соперника в борьбе за лидерство — у «Спартака». Настроение было хорошее, готовились к поединку в Киеве основательно, знали, что «Сокол» перед

матчем с нами выиграл подряд три раза, настроились на игру, но увы…

Яростно защищая идею игры в четыре звена, я тем не менее готов по ходу поединка отступить при нужде от этого принципа. Иногда это целесообразно по тактическим или педагогическим соображениям, а иногда — и вынужденная необходимость: сыграть в три, а концовку матча и в два звена. И ЦСКА так играет, и наша сборная, бывало, оставляла в последние пять минут всего две пятерки. Так, например, мы однажды заканчивали матч с командой Чехословакии в дни турнира на приз газеты «Известия». Сборная СССР проигрывала — 1:3, сил у наших ребят было предостаточно, но не хватало, пожалуй, удачливости. Вместе с Владимиром Владимировичем Юрзиновым мы решили оставить на льду только две пятерки — те, на которые можно было рассчитывать в той критической ситуации. Доигрывали матч звенья Петрова и Жлуктова. Их класс и решил исход поединка — нам удалось спасти матч.

Так же, кстати, было и в решающем матче чемпионата мира 1983 года, когда в последнем поединке турнира снова сошлись сборные Чехословакии и Советского Союза, когда наших соперников устраивала только победа, нам же приносила золотые медали и ничья, и этой ничьей мы добились, но в конце матча нам пришлось оставить на льду только две пятерки.

Время меняется, и то, что было реально, допустимо лет пятнадцать назад, когда — это звучит сегодня уже как легенда — Анатолий Фирсов мог находиться на льду свыше 40 минут игрового времени, теперь уже невозможно. Сегодня клуб, играющий в четыре звена, «укатал» бы такую команду, три или два ее звена настолько, что у соперника не оставалось бы сил уйти со льда.

Но проблема перехода команды к использованию четырех звеньев была связана не только с подбором необходимого числа хоккеистов, не только с изменением их настроя, их отношения к действиям в четыре тройки, но и с тем, что и сами тренеры не были готовы играть по-новому.

Вспоминаю разговор, который однажды случился у меня в Риге с коллегой. Тогда рижане выступали еще во второй лиге, однако уже играли с двенадцатью нападающими в каждом матче. Коллега заметил:

— Тебе рисковать не надо… У тебя четыре проверенных звена…

Ответил коллеге:

— Я в свое время тоже рисковал… А у тебя на скамье запасных ребята сильнее, чем мое четвертое звено…

— Это так, но ведь они не проверены, стало быть, ставить их рискованно…

Я удивился:

— А почему бы и не рискнуть, почему не проверить?… Хуже ведь не будет…

Опираясь на собственный опыт, я объяснил тренеру, что молодые игроки будут расти быстрее, если станут не только вести полноценную тренировочную работу, но и получат возможность подкрепить ее столь же серьезной игровой практикой. Иначе, доказывал я, и у нас в лиге будет происходить то, что бывает в знаменитых командах высшей лиги: отсидит хоккеист в запасных и сойдет, так и не поиграв вволю, так и не показав спортивному миру свой талант, так и не проявив свои способности…

Вначале, когда концепцию игры с четырьмя звеньями не принимали, я, честно говоря, даже обижался. Думал: как же так — идея в четыре звена прогрессивна, за этой идеей будущее, она проверена длительной практикой. Потом понял, в чем дело. Рижская команда намного опережала не только своих соперников во второй и первой лигах. Она опережала время. Лет эдак на десять. Новая система игры не приживалась, потому что была слишком непривычна.

И вот теперь — это общепринятая система действий всех команд, своего рода банальность, прописная истина хоккея.

Вернусь еще раз в осень 1981 года. Тогда в чемпионате страны по хоккею было два новичка — «Ижсталь» из Ижевска и «Кристалл» из Саратова. Отвечая на вопросы корреспондентов еженедельника «Футбол — Хоккей», тренер хоккеистов из столицы Удмуртии Роберт Черенков говорил: «Как правило, мы играем в четыре звена. Давнишний девиз «Ижстали» — атака. Ни в одном матче мы не подстраивались под соперника. Особенности учитывали, но не более. Даже во встречах с ЦСКА, «Спартаком», московским «Динамо» наши хоккеисты старались играть в атакующем плане, придерживаясь тактики силового давления».

Тренер волжан Виктор Садомов тоже напомнил корреспонденту еженедельника, что «команда в нападении играет в четыре тройки».

Читатель видит: даже новички высшей лиги играли в то время уже в четыре звена.

И хотя в пылу давнего спора некоторые тренеры вроде бы по инерции выступают за три звена, они сами в практической своей работе стремятся выставлять на матч четыре пятерки хоккеистов.

Показательны в этом отношении высказывания Бориса Павловича Кулагина. Этот авторитетный специалист утверждал в свое время, что он всегда будет за игру тремя звеньями.

Надо отдать должное коллеге. Он и по сию пору придерживается своих прежних взглядов. Однако с оговорками.

В июле 1983 года Кулагин давал интервью газете «Советский спорт». Журналист заметил: «Однако — и этот упрек непосредственно в ваш адрес — тренер Кулагин в чемпионате 1982-1983 годов в основном использовал, в отличие от большинства других клубов, три звена, не доверяя молодым, которые могли бы играть и набираться опыта в четвертой тройке, как это делается в ЦСКА…

— Я думаю, тренер вправе иметь и проводить в жизнь свою точку зрения. Даже если она не совпадает с новомодными веяниями. Так вот, игра в четыре звена, с моей точки зрения, имеет право на жизнь, если все игроки примерно равны по классу. В ином случае держать на льду игроков экстракласса столько же времени, сколько и неопытных новичков, может, по-моему, себе позволить один тренер — тот, который знает, что этот матч его команда выиграет.

Если бы в последнем чемпионате страны звено Шалимов — Шепелев — Капустин постоянно действовало так, как оно играло годом ранее, если бы Лаврентьев, Тюменев и Кожевников нашли общий язык не к четвертому кругу, а пораньше, то, имея в каком-либо матче запас в три-четыре шайбы, и мы могли бы, как в ЦСКА, «давать дорогу молодым». Но в матчах, судьба которых решалась только на последних минутах, не до экспериментов по наигрываншо молодежи. Не только нам — и армейцы такие встречи в три звена (а порой — и в два) доигрывали.

Короче, мы будем использовать четыре звена. Но каким образом это будет делаться, позвольте решать мне, тренеру…»

Не согласен с Борисом Павловичем в том, что решающие матчи нельзя проводить в четыре звена. Только в таких матчах и получают новобранцы команды настоящие уроки хоккея, только в таких поединках проходят они высшую школу игры. Что же касается ЦСКА и сборной СССР, то матч с любым, подчеркиваю, с любым соперником — со «Спартаком» и московским «Динамо», со сборными Канады и Чехословакии — мы начинаем в четыре звена. Исключения могут быть обусловлены только одним — серией, «эпидемией» травм и болезней.

Впрочем, еще раз оговариваюсь, что сюжетные ходы хоккея непредсказуемы, ход матча может заставить тренера перестроить «боевые порядки» команды и заканчивать встречу придется в три, а то и в два звена, но никакие исключения, как известно, не опровергают правила, и я не сомневаюсь, что команда «Спартак» тоже будет играть в четыре звена. Уверенность моя обоснована, между прочим, и тем, что и сам Борис Павлович в душе, кажется,

согласен с идеей использования четырех звеньев. Во всяком случае, в беседе с корреспондентом «Советского спорта» Дмитрием Рыжковым он еще в 1981 году жаловался, что из-за травм трех форвардов спартаковцы «вынуждены были играть с ЦСКА лишь с десятью нападающими». Обратите внимание: вынуждены были!

Споры о количестве звеньев, которые может и должна иметь команда, затихают. Сегодня кажется само собой разумеющимся желание едва ли не всех тренеров выставлять на матч четыре пятерки игроков. А тактическое или стратегическое решение задачи может быть, повторяю, самым разным и неожиданным.

Стратегия и тактика

Да, в будничной нашей работе случается и так, что соображения тактики или вынужденные обстоятельства диктуют необходимость игры в три звена. Такое временное отступление возможно и даже необходимо. Завтра обстоятельства станут иными и команда сможет вернуться к привычному ритму и режиму игры.

Гораздо труднее положение тех тренеров, которые приходят в команду, терпящую катастрофу, и которым руководители клуба или ведомства не дают, к сожалению, времени думать о завтрашнем дне команды. Эти тренеры принуждены «выбивать» результат сегодня, сейчас, немедленно, дабы их не отстранили от должности, и думать о том, что будет с их командой завтра, у них нет возможности.

С пониманием и сочувствием отношусь к коллегам, оказавшимся в такой ситуации.

У меня, к счастью, положение иное. Мне повезло. Руководство Спортивного комитета Министерства обороны, руководство спортклуба ЦСКА относятся ко мне с большим доверием, не докучают мелочной опекой. Таким же деловым и творческим было отношение ко мне и в те годы, когда я работал с рижским «Динамо».

К несчастью, в спорте есть и такие руководители, которые, плохо зная спорт, всю свою энергию отдают так называемой «кадровой политике» в своеобразном истолковании — снятии нынешнего и назначении нового тренера.

И далеко не каждому спортивному специалисту дают возможность так готовиться к следующему матчу, чтобы ни на

секунду не забывать при этом о следующем сезоне. Вести работу с дальним прицелом — об этом мечтает каждый тренер. Каждый специалист. Не только в спорте. Но не каждому это удается.

Тактика не должна заслонять стратегию.

Но что это означает конкретно?

Давайте побываем на одном из матчей. Армейцы, как и любая другая команда, проводят за сезон не менее полусотни игр, и выделить какую-то одну нелегко. Я работаю в армейском клубе с лета 1977 года, и потому на моей памяти уже несколько сот матчей, сыгранных хоккеистами ЦСКА.

Думаю, не только я, но и многие любители хоккея запомнили встречу с московским «Динамо», проведенную осенью 1981 года, ту самую, в которой мы за 7 минут до конца проигрывали 1:3 и которую успели тем не менее выиграть.

Тот поединок журналисты назвали самым интересным в чемпионате 1981/1982 года.

В силу ряда причин мы играли в три звена.

Заболел Михаил Васильев. Другой Михаил, Панин, — еще один новичок, выступавший в то время в ЦСКА, был травмирован. Молодого Игоря Мишукова, тоже пробовавшегося в ЦСКА, тренеры тогда только начали вводить в основной состав, и у него не хватало практики, чтобы играть против такого соперника. Из-за всех этих неурядиц с составом Александра Герасимова, обычно игравшего центральным нападающим, нам пришлось перебросить из центра на фланг. Четвертого звена не стало. Потому мы и решили сосредоточить в этом матче все свои силы в трех звеньях.

Был у меня, правда, и еще один, если хотите, запасной вариант, позволяющий скомпоновать звенья совсем иначе. Если бы не дала результата та перестройка звеньев, которую я провел в конце второго периода и которая привела сначала не к голам, а только к перемене ситуации на льду, мы могли бы использовать и вариант с четвертым звеном. Для этого я планировал перевести в нападение Ирека Гимаева. Этот хоккеист периодически (в том числе и в Кубке Канады, который, напомню, разыгрывался незадолго до того матча, о котором я сейчас рассказываю) выступает нападающим. На место Ирека я рассчитывал в случае необходимости поставить защитника Алексея Волченкова.

Но к этой крайней мере прибегать не пришлось. Принесла свои плоды перестройка звеньев по ходу матча. Виктор Жлуктов был переведен в тройку к самым молодым хоккеистам, а его место занял Александр Лобанов.

Это было не импульсивное решение, но осуществление в критический для команды момент давнего плана, с реализацией которого спешить я не хотел.

Наверное, понятно, что тренер призван постоянно беспокоиться о совершенствовании игровых связей внутри звена, а игра Виктора Жлуктова тогда, в последних матчах накануне встречи с «Динамо», нас не удовлетворяла: он не успевал, не справлялся с ролью «разводящего» в звене, где крайними нападающими играли Николай Дроздецкий и Андрей Хомутов.

Спорт — живой, постоянно развивающийся организм, действуют в нем живые люди, такие же обычные, как и болельщики, восхищающиеся мастерством спортсменов, и понятно, видимо, что хоккеист, как и боксер, бегун, пловец, может терять на какое-то время свою боевую спортивную форму, выступать слабее, чем обычно. Вот такой спад формы произошел в те дни у Жлуктова. Из-за медлительности Виктора нередко задерживалось развитие атаки, скоростные возможности быстрых крайних форвардов использовались не полностью. Потому в конце второго периода того трудного матча я и решил перевести Виктора в другое звено. Лобанов более успешно направлял игру партнеров.

К сожалению, в тот день дрогнул и наш новичок Герасимов. Что ж, такое случается с молодыми хоккеистами, в следующий раз он не повторит ошибки, но в тот день мне пришлось снять Сашу с игры. Забегая вперед, скажу, что мы не ошиблись, поверив в Герасимова, — через два года он стал одним из ведущих хоккеистов ЦСКА.

Вариант с перестановкой Жлуктова в другое звено в пылу борьбы хоккеисты не уловили. Мало ли по каким соображениям тренер снимает с матча того или иного игрока.

Перед последним периодом я сказал команде о своем решении. Виктор не согласился с моей оценкой его игры. Пришлось подробнее разъяснить ему, с чем он не справляется, в чем недорабатывает. Показать, в чем заключаются его тактические ошибки. Я предъявил Жлуктову серьезные требования и как к капитану команды (а Виктор в то время был капитаном ЦСКА), поскольку вожак коллектива призван играть сильнее, вести за собой команду.

Позже, в следующих матчах, я еще раз перестроил звенья. Вернул к Жлуктову Андрея Хомутова, с которым Виктор привык играть, а третьим поставил к ним молодого Александра Зыбина, оправившегося от травмы. С Дроздецким и Лобановым несколько матчей сыграл молодой необычайно быстрый Михаил Васильев: теперь на флангах с Лобановым играли два стремительных нападающих.

Но вернемся к матчу с московским «Динамо».

В раздевалке перед третьим периодом стояла тишина.

Лидеры, не потерявшие пока в новом сезоне ни одного очка, терпели поражение. Настроение было пасмурным, хотя, кажется, никто не смирился с мыслью о поражении.

Наверное, слова, с которыми я обратился к команде, покажутся читателю банальными. Я только сказал хоккеистам, что во втором периоде мы проиграли две шайбы, теперь должны забить три гола, не пропустив в свои ворота ни одного.

— И вы забьете эти три гола… Верю, что нам это по силам…

Пожалуй, все определялось другим, не словами. Обстановкой, голосом, интонацией, с которой было это сказано.

Случается, тренер говорит спокойно, случается — резко. Иногда во время перерыва оцениваешь действия команды в предыдущем периоде, а иногда, не вспоминая закончившуюся двадцатиминутку, говоришь только о том, что надо сделать. А о том, что было плохо, в чем и почему допущены ошибки, что недоделано, говоришь потом, на разборе матча, на следующий день. Тема и тональность разговора меняются не только на разных матчах, но и в разных периодах.

Матч с «Динамо» мы выиграли. В конце концов соперники не выдержали атак ЦСКА. Счет стал 4:3 в нашу пользу.

Стало быть, можно сделать вывод, что решение перевести Лобанова к Дроздецкому и Хомутову оказалось разумным, в той конкретной ситуации правильным.

Матч столичного «Динамо» и ЦСКА, о котором я вспомнил, чтобы пояснить свою мысль о стратегии и тактике использования четырех звеньев, относился, как чаще всего и бывает, когда речь идет о поединках этих двух клубов, к числу решающих, ключевых. Его, если хотите, можно считать исключением из правила, восклицательным знаком в длинном предложении.

Но сходными соображениями тренеры ЦСКА руководствуются и в рядовых матчах.

Поднял свои записи.

Вот две встречи, которые провели армейцы в Москве с интервалом в три дня в январе 1983 года. 16-го матч с командой СК «Салават Юлаев» из Уфы, 19-го — с челябинским «Трактором». Оба матча ЦСКА выиграл. Первый — 7:2, второй — 5:3. И на ту, и на другую встречу мы выставили по четыре звена. Напоминаю наш состав. Знаю, что читатели — ценители хоккея любят, чтобы рассказ о матче был подробным, а анализ — конкретным: общие рассуждения могут прискучить. Первая пятерка: Касатонов — Фетисов, Дроздецкий — Ларионов — Крутов; вторая: Стариков — Зубков, Хомутов — Быков — Васильев; третья: Мартынов — Бабинов, Зыбин — Жлуктов — Мишуков; четвертая: Стельнов — Гимаев, Трухно — Лобанов — Немчинов. Во втором матче вместо

Зубкова в защите играл Ирек Гимаев. Знакомые с командой болельщики заметили, что оба матча пропустили нападающие Сергей Макаров и Александр Герасимов. Сергей лечился после операции плеча, а Александр был травмирован.

Это были разные по сюжету матчи.

Первый складывался более трудно. Перед вторым периодом счет был ничейный — 2:2, но как начали, так и доигрывали встречу армейцы в четыре звена.

Иначе сложился второй поединок. После первой двадцатиминутки ЦСКА вел 2:0, за пять с половиной минут до конца преимущество армейцев в счете было еще более заметным — 5:1, две шайбы наша команда пропустила лишь в самом конце игры, но в этом матче я не только перешел к действиям в три звена, но и переформировал по ходу борьбы составы пятерок. Трухно и Немчинов сели на скамью запасных, а центрфорвард этого звена Лобанов был переведен в первое звено — в компанию к Ларионову и Крутову на место Дроздецкого, заменявшего в ту пору Макарова.

Наверное, у любителя хоккея, читающего эти страницы, может возникнуть вопрос: не потому ли, что Жлуктов, случалось, опаздывал с организацией атаки, и не играл в тройке Виктора на Кубке Канады Николай Дроздецкий? На его, Дроздецкого, месте в этом армейском звене выступал Александр Скворцов из горьковского «Торпедо», а Дроздецкий был «откомандирован» в тройку к динамовцам. Неужели, спросит читатель, я и тогда считал, что Жлуктов не справлялся с обязанностями «разводящего»?

Отвечу сразу: справлялся.

Претензии к Виктору, как и к другим ведущим мастерам, у тренеров бывают, и нередко: я верю в дальнейший прогресс и хоккея в целом, и каждого большого спортсмена в частности. И, право же, мы не взяли бы Виктора на Кубок Канады, не брали бы затем на чемпионаты мира, если бы имели сколько-нибудь серьезные возражения против его игры. Дроздецкий не был включен в это звено только потому, что Скворцов уже выступал с Хомутовым и Жлуктовым. Напомню, что и на чемпионате мира 1981 года они играли вместе, да и впоследствии не однажды составляли одну тройку, например, на чемпионате мира 1983 года, который проходил на катках ФРГ: в Дортмунде, Дюссельдорфе и Мюнхене.

Скворцов — правый нападающий, а в динамовском звене это место было уже занято. К сожалению, Александр принадлежит к числу тех хоккеистов, которые при действии на другом фланге многое утрачивают в своей игре.

Кстати, все возможные построения звена, которое сможет успешно выступить на чемпионате мира, заранее продумываются и затем обычно проверяются в деле. В частности, тогда перед чемпионатом пробовали свои силы вместе Скворцов, Голиков и Дроздецкий, Скворцов, Голиков и Балдерис, хоккеисты, выступающие в разных командах.

Такие проверки в последние годы проводятся после турнира на приз «Известий», когда сборная отправляется в турне в Голландию. Там в играх с не очень сильным соперником мы ведем интенсивную подготовительную работу, проверяем новые тактические варианты, пробуем различные связки игроков, и потому я считаю такую работу одним из важных этапов на пути к чемпионату мира.

Но не надо думать, будто мы движемся на ощупь, пытаясь на льду чуть ли не случайно натолкнуться на оптимальное сочетание игроков. Это, конечно, не так. Работа ведется постоянно, по заранее разработанному плану.

Знаю, что многих в свое время чрезвычайно озадачил перевод Владимира Петрова в звено к Сергею Макарову и Владимиру Крутову на время чемпионата мира 1981 года. Высказывались, помню, серьезные сомнения, что три этих хоккеиста смогут найти в игре общий язык.

Это решение не было чем-то неожиданным. Вместе с Владимиром Владимировичем Юрзиновым заранее, еще летом, планировали мы создание этой тройки. Я был настолько уверен в успехе новой тройки во главе с Петровым, что не побоялся сказать об этом и человеку, находящемуся вне команды, — журналисту, работающему со мной над этой книгой. Причем сказал это в сентябре 1980 года в Праге, во время турнира на приз газеты «Руде право». Иными словами, почти за восемь месяцев до чемпионата мира мы уже знали, как будет выглядеть первая тройка сборной СССР.

Видимо, не исключен вопрос, почему же я не переводил Владимира Петрова в новое для него звено раньше. Да лишь потому, что знал хорошо не только класс Петрова, но и его характер. Знал, что 7-10 матчей он проведет с огромным подъемом, а потом сбросит «обороты».

Владимир — большой мастер. Но была у него одна, пожалуй, общеизвестная (по крайней мере, тренерам) слабость. Он слишком быстро приходил к выводу, что пик покорен и потому особые усилия, строжайшая ответственность уже не столь важны, как это было несколько матчей назад.

Представьте себе, что я поставил бы Петрова к Макарову и Крутову, скажем, в октябре, попросив его при этом сделать все

возможное, чтобы молодые нападающие максимально раскрыли свои возможности, сыграли сильнее самих себя.

Можете не сомневаться, Владимир сделал бы для партнеров все, что в его силах. Как и произошло это на чемпионате мира. Ну а что было бы потом? В ноябре? В феврале? Наконец, в апреле, на чемпионате в Швеции?

Не знаю. Возможно, Петров сыграл бы так же прекрасно. А возможно, и нет. Может быть, это была бы тень того Петрова, который впервые играл с молодыми, впервые решал трудную и почетную задачу.

А на турнире в Гетеборге и Стокгольме Петров значительно усилил действия двух крайних нападающих, ибо в те дни он лучше, искуснее, нежели Жлуктов в матчах первенства страны, руководил игрой партнеров.

Замечу здесь же, что и молодые хоккеисты здорово помогли Петрову — на том турнире наш центрфорвард был так же хорош, как и в годы своего расцвета.

ТРЕНЕР ОБЪЯСНЯЕТСЯ, ТРЕНЕР РАССКАЗЫВАЕТ

Мы играем для зрителей.

Не могу представить себе хоккей при пустых трибунах. Как театр без публики.

Читал, что театральный спектакль складывается из двух начал. Из того, что происходит на сцене. И из живой реакции зрительного зала на развитие театрального действа.

Думаю, что это в полной мере относится и к хоккейному «спектаклю». И у нас крайне важна реакция публики. Мы играем для зрителей.

Корреспондент еженедельника «Футбол — Хоккей» спросил меня однажды:

— Как по-вашему, хоккею не грозит в какой-то мере утрата красоты, зрелищности и — как следствие — внимания публики?…

— Убежден, что не грозит, — ответил я. — Индивидуальное мастерство, тактическое соперничество всегда будут в цене, а значит, будут привлекать зрителя на трибуны. Проявление в игре мужества, духа борьбы — не жестокости, а именно борьбы, когда человек, не участвующий в игре, иной раз будто физически ощущает противоборство, — это только обогащает, украшает хоккей. Знаю, что многие люди, попав однажды на хоккей, потом становились горячими его поклонниками, увлеченные его мужественностью…

Тогда же журналист спросил меня, не думаю ли я о книге. Ответил, что времени нет. А если бы оно появилось, то в первую очередь написал бы о своем опыте работы. Наверное, ни один из тренеров не знал такого диапазона деятельности, какой есть у меня: начал с нижней части второй лиги, работал в первой, в высшей — с рижским «Динамо», потом — с ЦСКА; тренировал вторую сборную, затем первую. Вряд ли кто-нибудь из ведущих специалистов знаком с тренерскими проблемами в первой и второй лигах. Словом, это была бы книга для специалистов…

И вот — работаю над рукописью. И планы мои меняются. Хочу, чтобы книга показалась интересной не одним лишь специалистам, но широкому читателю, любителям хоккея. Тем, для кого мы играем.

Знаю, что интерес к игре, к игрокам, к проблемам, волнующим хоккей, сборную, клубы, велик. Сужу хотя бы по тем бесконечным вопросам, на которые мне постоянно приходится

отвечать. Знаю, что болельщику мало видеть, как проходил, как сложился тот или иной матч. Ему обычно интересно и другое — почему он так проходил, почему он так сложился.

Стараюсь, по мере сил и умения, объяснить хоккей, игру, мотивы, которыми руководствуются тренеры, когда готовят команды, в том числе и сборную страны, к соревнованиям, когда включают или, напротив, не включают в состав тех или иных игроков. Тренеры, как и журналисты, заинтересованы в пропаганде хоккея и вообще спорта, в росте популярности физической культуры, в вовлечении в игру подростков, мальчишек, а на трибуны — новых болельщиков. И потому я охотно отвечаю на вопросы журналистов, потому интервью с тренером Тихоновым печатаются в «Правде» и «Советском спорте», «Красной звезде» и «Футболе — Хоккее», «Советской культуре» и «Спортивной Москве». Иногда на беседу нет ни минуты, иногда, простите за откровенность, не до журналиста: проблемы, волнующие команду, тревоги, вызванные какими-то неладами в игре, поглощают полностью, но я не забываю, что за журналистом, стремящимся взять у тренера интервью, — газета или журнал, их читатели, интересы дела, и я все-таки нахожу время, которого нет, и рассказываю, рассказываю, рассказываю…

Приходится мне отвечать и на вопросы иностранных журналистов: внимание к нашему хоккею велико.

Работая над книгой, просматривая свои старые записи, многочисленные вырезки из газет и журналов, вторые экземпляры своих давних выступлений, интервью, которые брали у меня журналисты в разное время, я решил использовать кое-что и в книге. В частности, мне показались интересными вопросы, которые задали чехословацкие любители хоккея. В ответах на эти вопросы я рассказал о некоторых — не обо всех, конечно, — заботах тренера. Поскольку именно этому и посвящена книга, а на русском языке эта беседа не публиковалась, я решил частично включить ее в книгу.

Как родилось это коллективное интервью? На одном из международных турниров ко мне подошли журналисты из Чехословакии. Один из них, из братиславского еженедельника «TIP» (это собрат нашего «Футбола — Хоккея»), спросил, не соглашусь ли я ответить на вопросы, которые мне зададут их читатели. Я согласился. Редакция сообщила об этом на страницах еженедельника, и в «TIP», как мне сказали, посыпались письма. Отобрали пятьдесят вопросов, и я на них ответил.

С тех пор прошло время и некоторые вопросы, как и ответы на них, утратили свою актуальность. Остальные предлагаю читателям.

— Какими словами вы воодушевляете хоккеистов, когда ваша команда проигрывает?

— Как вы понимаете, в области человеческих отношений, в области педагогики и психологии, в управлении коллективом нет, да и не может быть, готовых решений, годных на все случаи жизни: в каждом коллективе свой микроклимат, свои неписаные законы. И если тренер стремится воодушевить своих игроков в трудную для команды минуту, он каждый раз призван искать новые пути к душам своих подопечных, новые аргументы и новые доказательства, новые, наконец, слова и интонации. Штамп, клише убивают мысль, губят слово. К общим рассуждениям хоккеист привыкает, и знакомые, не раз слышанные слова не могут его воодушевить. И потому каждый раз я ищу новые мысли, новые аргументы, которые могли бы убедить команду, что борьба не закончена, матч еще не проигран, что можно и нужно сражаться за победу до конца.

Я сказал «убедить команду». Но команда — это два с лишним десятка разных людей. И то, что покажется убедительным молодым хоккеистам, едва ли воодушевит многоопытных мастеров.

Были, конечно, матчи, когда нужные слова находились. Помню, мы, динамовцы Риги, проигрывали в Москве команде ЦСКА 1:4. По настроению команды я понял, что хоккеисты чувствуют себя обреченными на неудачу, — видимо, я не увидел вовремя, что мои подопечные проиграли сегодняшний поединок еще до первого вбрасывания шайбы. Не было не только жажды борьбы, не было даже готовности и желания играть. Команда сдавалась досрочно. Я уж не помню дословно свою гневную речь, помню лишь ее суть, которая отражает мое понимание хоккея: в спорте нельзя завоевать победу раз и навсегда, в спорте надо побеждать каждый день, снова и снова. Да, говорил я динамовцам Риги, ЦСКА — по сумме результатов, титулов, званий хоккеистов — выше. Но это — вообще. А сегодня? Проверьте это. Заставьте, подчеркиваю, заставьте армейцев доказать, что они и сегодня сильнее…

Мысль моя была в общем не оригинальна: в спорте не может быть авторитетов, которым победа отдается до матча. Да, ЦСКА, вероятно, сильнее. Но мы с вами узнаем это только в тот момент — и ни секундой раньше! — когда закончится последняя, шестидесятая минута матча.

Рижане начали двигаться, начали бороться. Активнее, энергичнее. Начали играть — уступая в счете — на победу. И они выиграли — 6:5.

— Почему вы решились тренировать первую сборную?

— Говорят, что каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл. Каждый тренер мечтает поработать, проверить свои возможности, занимаясь с командой более высокого класса. Я был вторым тренером московского «Динамо» в то время, когда этим клубом руководил Аркадий Иванович Чернышев. Работать было интересно, однако хотелось посмотреть, чего же стою я сам. Смогу ли добиться успеха, если не будет прикрывать меня своей широкой спиной уважаемый, маститый тренер. Решил рискнуть. Взял команду, выступающую во второй группе класса «А». Сумел помочь рижским динамовцам перейти в первую группу класса «А», а затем и в высшую. Я работал со второй сборной, с «экспериментальной» сборной. Потом получил приглашение возглавить ЦСКА и первую сборную Советского Союза, и, естественно, мне показалась чрезвычайно увлекательной перспектива работы с первоклассными мастерами и первоклассными коллективами.

— Как строится ваш рабочий день?

— Ответ на этот вопрос не может быть полным. Хотя бы потому, что один день не похож на другой. Сегодня я занимаюсь одним, а завтра — чем-то иным. День матча отличается от того дня, когда мы проводим только тренировку.

Обычно встаю я рано. Если есть возможность побегать, если есть рядом стадион, парк или бульвар, то зарядка моя продолжается около часа. Когда мы приезжаем в Прагу и останавливаемся в отеле «Интернационал», то я занимаюсь на стадионе «Дукла». Стараюсь закончить утреннюю разминку до подъема хоккеистов. Главное в моем рабочем дне — подготовка к тренировке команды. Стараюсь продумать все, не упустить ни одной мелочи. Заранее готовлюсь к каждому упражнению. Все тактические задания звеньям сначала отрабатываю на схемах и планах. Знаю, в каком составе будут проводиться, например, забеги на 100 метров, кто в какой момент будет играть как хоккеист ЦСКА или сборной, а кто — как хоккеист «Динамо» или «Спартака», команды Чехословакии, Швеции, одним словом, кто будет действовать в манере того соперника, с которым нам предстоит играть завтра или послезавтра. Потом — сама тренировка. После тренировки — анализ занятия, выводы, подготовка задания к следующему «уроку». В расписание дня входят встречи с коллегами, журналистами, участие в заседаниях тренерского совета или президиума Федерации хоккея, беседы с руководителями армейского клуба или Спорткомитета СССР, просмотр, если позволяет время, матчей или тренировок молодежных команд ЦСКА, беседы с хоккеистами. Рабочий день заканчивается около 12 ночи.

— Будут ли перемены в составе сборной СССР по хоккею?

— Это зависит не столько от тренеров, сколько от хоккеистов. Важны два обстоятельства. Во-первых, уровень игры нынешних защитников и нападающих сборной. Во-вторых, уровень мастерства кандидатов в главную команду страны. Если претенденты не будут играть сильнее, чем нынешние чемпионы мира, то скажите, какие основания у тренеров заменять ветеранов?

— Учитываете ли моральный уровень игрока при формировании сборной?

— В сборную СССР приглашаются игроки, отличающиеся не только высоким классом, но и высокой сознательностью, люди, достойные чести выступать в форме самой главной хоккейной команды страны.

— Играли ли вы в хоккей?

— Обычно тренером становится бывший хоккеист, хотя бывают и исключения, когда успеха на должности руководителя той или иной команды добивается человек, который окончил институт физкультуры и никогда не был сколько-нибудь заметной фигурой в хоккее. Я в хоккей играл. Играл много, с 1950 по 1962 год. Вместе с товарищами четыре раза становился чемпионом Советского Союза. В моей домашней коллекции кроме этих четырех золотых наград еще четыре серебряные медали и четыре бронзовые. С 1954 года по 1962-й, девять сезонов, я выступал в московской команде «Динамо», был защитником. Играл во второй сборной, привлекался к участию в тренировках и в предварительных играх накануне Олимпийских игр 1956 года и в составе первой сборной. Мне тогда даже казалось, что я попаду на Олимпиаду. Однако в последний момент тренеры олимпийской команды решили от моих услуг отказаться.

— Сколько голов на вашем счету?

— Не помню. Хоккейная статистика в пору моих выступлений на льду была не в почете: тогда мы мало обращали внимания на то, сколько и кто забил голов, практически не учитывались пасы, после которых шайбу забрасывал партнер. Во всяком случае, газеты в ту пору спискам бомбардиров места уделяли несравненно меньше. Но вообще я забивал немного.

— Что для вас хоккей?

— Хоккей для меня всё! Жизнь во всем многообразии ее проявлений. Работа и отдых. Хобби, развлечение и серьезные поводы для размышлений. И я, поверьте, никогда не жалел, что стал тренером.

— Как вы проводите свободное время? Чем увлекаетесь? Собираете ли сувениры?

— Свободного времени у меня, к сожалению, мало, очень мало. Стараюсь проводить его в кругу семьи. Но и дома мы не уходим от хоккея. Сын играл в хоккейной команде, жена — страстная болельщица. В театре бываю реже, чем хотелось бы. Кино — доступнее: в кинотеатр можно попасть и днем, когда нет матча. Фильмы смотрим чаще, когда находимся в зарубежных поездках или на учебно-тренировочном сборе. Бывая в Ленинграде, при первой же возможности снова и снова хожу в Эрмитаж и в Русский музей — живопись меня привлекает неизменно. Но самая доступная для меня муза — литература. Читать можно всюду — в самолете, в поезде, дома, в отеле.

Сувениры не коллекционирую.

— Каким видится вам идеальный хоккеист? Как бы вы составили шестерку идеальных хоккеистов?

— У меня слишком много пожеланий спортсмену, чтобы я мог раз и навсегда сформулировать те критерии, которым должен отвечать идеальный хоккеист.

Меньше всего я хотел бы заниматься составлением символических сборных, шестерок, как говорят в Чехословакии, «снов», ибо не суждено было встретиться на хоккейной площадке Всеволоду Боброву и Бобби Орру, Ульфу Стернеру и Вячеславу Фетисову, Ивану Глинке и Морису Ришару. Как сравнить мастерство хоккеистов разных поколений? Оснований — реальных, разумных — я не вижу, и потому все мои идеи будут беспочвенными домыслами.

— Кто был лучшим: Бобров или Фирсов, Борис Майоров, Александров или Балдерис?

— Эти мои размышления относятся и к следующему вопросу. Бобров или Борис Майоров? Анатолий Фирсов или Хелмут Балдерис? Каждый хорош для своего времени, для своего хоккея. Конечно же, те, кто пришел в хоккей позже, скажем Хелмут Балдерис или Иван Глинка, освоили все, что умели их предшественники, выступавшие 20-30 лет назад. И Балдерис, и Глинка пошли дальше, они больше знают в хоккее. Но эти мастера при всем их таланте в одиночку не смогли бы решить исход матча, принести победу своей команде. А Бобров мог! Вы скажете, что тогда был другой хоккей. Правильно! Поэтому я и не сравниваю спортсменов разных поколений. Каждое время требует своих лидеров.

— Назовите шесть лучших хоккеистов СССР разных лет.

— Я уже говорил, что очень не люблю составлять различного рода символические сборные. О какой бы «команде» ни шла речь: о сборной СССР, о сборной Европы или сборной мира, — все это не более чем фантазия. Но поскольку вопросы эти повторяются,

то я отвечу на один из них. Меня просят составить сборную Советского Союза, в которую были бы включены хоккеисты всех поколений. Пожалуйста: вратарь — Владислав Третьяк, защитники — Николай Сологубов и Валерий Васильев, нападающие — Всеволод Бобров, Анатолий Фирсов, Валерий Харламов.1

— Кого из хоккеистов сборной и ЦСКА вы уважаете больше всего?

— Я уважаю всех хоккеистов сборной СССР, всех хоккеистов ЦСКА, одним словом, всех тех спортсменов, вместе с которыми я работаю. Если бы не было этого уважения, то едва ли можно было бы рассчитывать на плодотворное сотрудничество.

— С хоккеистами вы на «ты» или на «вы»?

— Со спортсменами я обычно на «ты». Хоккейная команда, идет ли речь о ЦСКА или о сборной, — это семья. В семье по традиции люди на «ты». Сердечное, близкое «ты» подчеркивает дружеское отношение, показывает, что люди близки друг другу. Иногда случается, что я вынужден перейти на «вы». Это бывает редко. Перехожу на «вы» только тогда, когда хочу усилить свое требование, хочу, чтобы молодой человек, спортсмен, к которому я обращаюсь, понял, что я им недоволен.

— Какой хоккей сильнее — европейский или канадский?

— Любой ответ на вопрос о том, какой хоккей лучше — европейский или североамериканский, представленный канадскими и американскими профессиональными клубами, — будет очень условным и приблизительным. Думаю, что достаточно сильны и хоккей НХЛ, и европейский хоккей. В последние годы европейцы все чаще добиваются успехов, однако хочу предупредить, что нельзя недооценивать канадцев. У них прекрасно организованная хоккейная индустрия, более чем вековой опыт игры, давние традиции, и не считаться с этим было бы опрометчиво.

— Что предпочтительнее — иметь равные команды, как в Чехословакии, или явного лидера?

— Снова очень сложный вопрос, на который дать однозначный ответ трудно. Наверное, очень интересен чемпионат в Чехословакии, где выступают равные или примерно равные по силам клубы. Но очень интересен чемпионат и в Советском Союзе, хотя ЦСКА сильнее своих соперников. Но что значит, что одна команда сильнее других? Прежде всего то, что этот клуб может служить флагманом, за которым тянутся другие, ориентиром, по которому сверяют свой путь к высотам спортивного мастерства хоккеисты всех остальных команд. ЦСКА — многократный чемпион страны, но это не значит, что победы

армейцам гарантированы. Даже в те годы, когда ЦСКА довольно уверенно идет к золотым медалям, мы уступаем в тех или иных матчах и признанным фаворитам, которые рассчитывают на награды, и клубам, которые считаются едва ли не аутсайдерами. Если команда борется, если она, как я рассказывал в одном из своих предыдущих ответов, старается проверить сегодняшнюю подготовку чемпиона, то матч команд, силы которых поначалу представляются как будто бы неравными, тем не менее интересен. Так сложилось, что любой клуб, даже новичок высшей лиги, играет против ЦСКА с удвоенной энергией, с утроенным старанием. Именно поэтому матчи чемпионата СССР, как мне кажется, проходят достаточно интересно, хотя, повторяю, ЦСКА сильнее других команд. Я считаю, что это хорошо. Считаю, что в высшей лиге должен быть лидер, должна быть команда, которая прокладывает пути в завтрашний день хоккея, которая ведет за собой. Середнячок не может давать направления, не может показывать перспективу.

— Что чувствовали вы, когда на чемпионате мира 1978 года, который проходил в Праге в Парке имени Юлиуса Фучика, в решающем поединке команд Чехословакии и Советского Союза Иван Глинка забил гол в ворота Владислава Третьяка и счет стал 3:1?

— Не трудно было догадаться, что с этих секунд последует ожесточенный штурм ворот сборной Советского Союза. Штурм мы предвидели, и он не заставил себя долго ждать. Хоккеисты Чехословакии атаковали великолепно, разнообразно, но, к счастью, наша команда не растерялась, хоккеисты не потеряли голову, они отбивались хладнокровно, стойко и сумели удержать преимущество в две шайбы, то преимущество, которое гарантировало нашей команде золотые награды.

— Что вы думаете о матче сборных СССР и ЧССР, который вы выиграли со счетом 11:1?

— Счет 11:1, конечно же, не отражает соотношения сил, сложившегося между сборными Чехословакии и Советского Союза. Впрочем, также не отвечал истинному соотношению сил и счет 8:3, с которым сборная команда Чехословакии выиграла во время турнира на приз «Известий» в Москве у нашей национальной команды. Я считаю, что силы сторон примерно равны. Иногда побеждаем мы, иногда побеждают наши очень сильные соперники из Чехословакии. Все зависит от конкретной ситуации, от того, как выступят защитники, нападающие, вратари той или иной сборной на том или ином турнире.

— Самый счастливый момент в вашей тренерской судьбе?

— Безусловно, те минуты, когда закончился поединок команд

Чехословакии и Советского Союза на чемпионате мира в Праге весной 1978 года. Я имею в виду тот матч, который выиграла наша команда со счетом 3:1, тот матч, который принес нашей команде золотые медали. До этого, два года подряд, чемпионами мира становились чехословацкие хоккеисты. Теперь же победа досталась нам.

— Какую чехословацкую команду вы хотели бы тренировать?

— Признаюсь, что вопрос этот для меня совершенно неожидан. Никогда и в голову не приходила мысль, что я мог бы заменить кого-то из чехословацких коллег. Считаю, что тренеры у вас квалифицированные, знающие, творческие — об этом свидетельствуют постоянные успехи хоккеистов Чехословакии. Если же имеется в виду, что я буду сравнивать отдельные команды, выступающие в чемпионате лиги, то я не имею права этого делать, поскольку видел не все клубы. Те же, что видел, произвели на меня самое лучшее впечатление: это классные команды.

— Согласились бы вы тренировать сильнейший в мире клуб «Монреаль Канадиенс»?

— Во-первых, утверждение о том, что «Монреаль Канадиенс» — лучшая в мире хоккейная команда, кажется мне слишком категоричным. Этот клуб пока не выступал в Европе, на привычных нам площадках, где публика столь же страстно, как и за океаном, поддерживает «своих», где заокеанским хоккеистам потребуется испытать все трудности акклиматизации. Во-вторых, я такое приглашение получил от нескольких клубов НХЛ. Думаю, ответил тогда я, что в Канаде достаточно квалифицированных, досконально знающих свой хоккей специалистов, чтобы клубы НХЛ могли обойтись и собственными силами.

— За какую футбольную команду вы болеете?

— За отдельные футбольные команды я, пожалуй, не болею, ибо вижу их не часто.2 Что же касается общих интересов, то я страстный поклонник нашей сборной. С интересом смотрел и смотрю матчи сборных Бразилии, ФРГ, Венгрии, Голландии, то есть тех команд, которые — в разные годы — определяли направление в развитии футбола, показывали его завтрашний день, перспективу.

Если позволяет время, слежу, хотя бы по телевидению, за соревнованиями по многим видам спорта, но после хоккея для меня интереснее всего футбол. В других играх — в баскетболе, волейболе, футболе — я ищу ответы на волнующие меня вопросы. Я понимаю, что там иная методика подготовки классных спортсменов, иные тактические связи, но по ассоциации порой

возникает мысль, которая помогает мне решать и сугубо хоккейные задачи. Рациональные идеи могут быть перенесены и на другую почву, в соседний вид спорта.

— Почему результаты советских футболистов отстают от результатов хоккеистов?

— Вопрос этот, в сущности, не ко мне. Я работаю в хоккее. Хотя и очень люблю футбол, однако не берусь объяснять, почему наша сборная никак не может стать чемпионом мира. Тут могут быть разные ответы, поскольку причин много: футбол явление сложное, чрезвычайно сложное, многогранное, и судить со стороны о том, что там происходит, было бы рискованно.

— Где больше риска — в работе тренера клубной команды или в работе тренера сборной?

— Сказать трудно. Знаю только, что поклонники команды, болельщики не хотят мириться ни с поражениями клуба, ни с неудачами сборной команды. И в том и в другом случае от нас ждут только побед, только успеха.

— Опишите коротко диету игрока сборной СССР по хоккею.

— Вопрос, скорее, адресован не мне, а нашему врачу. Он продумывает диету, меню. Доктор исходит из учета энергетических затрат: питание должно быть достаточно калорийным, но не слишком обильным. Я привык доверять людям, с которыми работаю, и потому все, что связано с питанием, полностью определяет врач.

— Интересуется ли ваша жена хоккеем?

— Моя жена Татьяна, юрисконсульт по профессии, страстная болельщица хоккея. Если я не ошибаюсь, в Риге она не пропустила ни одного матча.

— Есть ли проблемы с дисциплиной игроков?

— К сожалению, есть. Думаю, руководитель каждого коллектива неизбежно сталкивается с какими-то трудностями, если речь идет о дисциплине. В хоккейной команде, как и в студенческой группе, как и в производственной бригаде, собраны разные люди — с неодинаковыми уровнями специальной и общей подготовки, с разной мерой сознательности и требовательности к себе, с несхожими характерами, с разными темпераментами, и потому тренеру, преподавателю, мастеру на производстве всегда нелегко отыскать ту линию отношений с коллективом, которая была бы верна для каждого члена этого коллектива. Тем более трудна задача тренера, работающего с командой, в которой собраны известные мастера. Но как бы ни складывались обстоятельства, я настаиваю на неукоснительном соблюдении дисциплины, ибо убежден, что без дисциплины не может быть

боеспособного коллектива, готового решать сложные задачи, не может быть коллектива единомышленников.

— Каким будет хоккей в конце века?

— Я боюсь заглядывать за рубеж 2000 года. Думаю, что за 20 лет хоккей существенно изменится. Он будет, скорее всего, не похож на тот хоккей, к которому мы привыкли сегодня. Совершенствованию в спорте нет предела, верхних границ не существует, что и доказали своими фантастическими мировыми достижениями штангисты. Я думаю, что и в хоккее к 2000 году произойдет немало изменений.

«ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ» СБОРНАЯ

Это понятие все-таки, согласитесь, загадочно.

Возможно, любители хоккея со стажем помнят, что осенью 1976 года проходил розыгрыш Кубка Канады. Тогда этот турнир был организован впервые, и никто — ни устроители, ни участники — не знали еще, есть ли у новых соревнований будущее, станет ли турнир традиционным или будет Кубок Канады событием, так сказать, единичным, уникальным. Тогда еще никто не знал, что спустя пять лет, осенью 1981 года, будет проведен второй турнир на Кубок Канады. Было решено, что в Канаду поедет «экспериментальная» команда.

Как появилось это название? Отчего родилась сама идея такой команды? Не знаю. Знаю только одно: накануне турнира за океаном тренеры сборной СССР в интервью журналистам говорили, что ведущие наши игроки очень устали и потому им не следует участвовать в Кубке Канады, разумнее сосредоточить все внимание на подготовке к чемпионату мира.

Первой сборной страны в то время руководил Борис Павлович Кулагин. Думаю, что по логике вещей он и призван был экспериментировать с командой, которая отправлялась перед началом нового сезона за океан. Ему, как старшему тренеру национальной сборной, следовало проверять молодых хоккеистов, опробовать новые сочетания игроков в условиях ответственного турнира: в конце концов, ему, а не мне предстояло ехать будущей весной с командой на чемпионат мира в Вену. Если же не нужен был этот эксперимент (кстати, разумно ли, можно ли доверять его проведение кому-то со стороны? Я бы, например, не доверил никому экспериментировать с моей командой), если требовалась победа, то нужно было ехать с сильнейшим составом.

Это не сегодняшнее мое мнение, я придерживался такой же точки зрения и в то время и, не считая нужным скрывать ее, говорил о том, что думал, вслух.

Почему же все-таки послали в Канаду «экспериментальную» сборную? Почему поставили передо мной чрезвычайно сложную задачу: подготовить за полтора месяца команду к таким ответственным соревнованиям?

Ответы могут быть разные. Один из возможных — Борис Павлович после поражения на чемпионате мира, который проходил в апреле 1976 года в польском городе Катовице, боялся проиграть еще один престижный турнир. Потому и не поехал в Канаду, потому и настоял на том, чтобы в команду,

отправляющуюся на Кубок Канады, не были включены такие мастера, как Петров и Михайлов, Александр Якушев и Владимир Шадрин.

Кулагин убеждал не только руководство Управления хоккея и Спорткомитета СССР, но и самих хоккеистов, что им нужно отдохнуть, хорошенько подготовиться к новому сезону, не форсируя эту подготовку. А объясняя свое решение игрокам, остающимся в Москве, говорил, что ехать рискованно, что этот Кубок ничего им не даст, что это рядовой турнир, славы новой он не принесет, да и, в конце концов, главное — чемпионат мира.

В этом решении старшего тренера сборной страны, по моему мнению, и были заложены причины проигрыша следующего чемпионата мира, который проводился в Вене весной 1977 года.

Ошибка кажется мне очевидной. Пропустив такое выдающееся событие, не проверив себя и соперников в деле, в боевом турнире (а там, замечу, иными, чем прежде, выглядели команды Чехословакии и Швеции), мы упустили хороший шанс скорректировать свои действия, проверить ход подготовки к чемпионату мира, где нам предстояло брать реванш. Думаю, что даже если бы и проиграла первая сборная в Кубке Канады, то польза все равно была бы несомненна: проверили бы новое соотношение сил, тренерам стало бы более ясно, что надо делать дальше. Но едва ли наша команда, поехав в своем боевом составе, уступила бы кому-нибудь первое место. В то время в строю были все сильнейшие мастера, ни один — за исключением Валерия Харламова, попавшего в первый раз в автокатастрофу, — не болел, не был травмирован.

Разумеется, я понимал, в какое сложное положение поставлены и команда, и ее тренеры. Перед отъездом в Канаду я говорил, что наша сборная — первая, где все приходится делать заново и начинать с подготовительного периода. Обычно сборная сходилась незадолго до очередного турнира, чтобы тренеры могли определить состояние хоккеистов в данный момент, кого-то подтянуть, что-то уточнить, попробовать одного-двух новичков, сравнив их с одним-двумя наименее надежными из бывалых игроков. У нас все получилось иначе. По существу, мы начинали, как начинает скомплектованная заново клубная команда, когда за короткий предсезонный период надо определить совместимость хоккеистов, сформировать звенья, восстановить утраченные за каникулы технические навыки, подготовить игроков физически, нервно и в волевом отношении к короткому и напряженному турниру, где бы они могли выложить сразу и до конца все свои козыри. И что самое сложное и важное, создать из 24 хоккеистов семи разных клубов команду в полном

смысле этого слова, создать коллектив людей, понимающих и поддерживающих друг друга, коллектив управляемый, ощущающий, что все делают одно общее дело. Наша подготовка продолжалась 40 дней. Работали мы по плану, можно сказать, сверхнапряженному. Выполнили его полностью. Но такова уж, верно, доля тренеров накануне соревнований и студентов накануне сессии — кажется: вот бы еще недельку-другую, и тогда все было бы совсем хорошо. Правда, эта самая «неделька» была: прилетев в Канаду, мы трудились до самого последнего дня, дня своего первого матча. Впрочем, и в перерывах между играми тоже…

Тренеры команды — а вместе со мной коллективом руководили Борис Майоров и Роберт Черенков — понимали, какое трудное испытание предстоит новой сборной. Инициатива проведения хоккейного турнира сборных ряда европейских стран и североамериканских (а точнее, канадских) хоккеистов-профессионалов, подчеркивал корреспондент «Правды» в Оттаве Николай Брагин, исходила от руководителей Национальной хоккейной лиги (НХЛ) и Всемирной хоккейной ассоциации (ВХА). После ряда поражений, которые потерпели профессионалы в хоккейных соревнованиях со сборной Советского Союза, а также во встречах с нашими клубными командами, стало очевидно, что претензии на некий «абсолютный приоритет» профессионалов в международном хоккее необоснованны. Кривая их авторитета резко пошла вниз, а вместе с тем и расчеты хоккейных боссов Северной Америки на получение миллионных доходов. Все это вынудило более уважительно отзываться о хоккейных командах других стран, в том числе Советского Союза и Чехословакии, о европейском стиле игры.

Канадцы, впрочем, как и тренеры других национальных сборных, в отличие от советских коллег призвали под свои знамена всех сильнейших хоккеистов. За команду «Кленовых листьев» выступали самые знаменитые мастера, и среди них величайший в истории канадского хоккея защитник Бобби Орр, его партнеры по обороне Потвин, Робинсон, Савар, Лапойнт. В числе нападающих были выдающиеся мастера Халл, Эспозито, Пит Маховлич, Кларк, Лефлер, Дионн, Перро, Гейни, Шатт, Лич, Барбер. Руководили командой несколько тренеров, во главе которых был Скотти Боумэн.

Первоклассную команду привезли в Канаду чехословацкие тренеры Карел Гут и Ян Старши. Энергия молодых удачно дополнялась расчетливостью и опытом бывалых мастеров, среди которых были вратари Владо Дзурилла и Иржи Холечек, защитники Франтишек Поспишил, Олдржих Махач, Иржи Бубла,

нападающие Иван Глинка, Владимир Мартинец, Милан Новы.

Скандинавские сборные мобилизовали всех профессионалов, выступающих за океаном, собрали всех, кто по своему классу мог усилить команду. За «Тре Крунур» на Кубке Канады играли профессионалы из клубов НХЛ и ВХА — защитники Сальминг, Бергман, Шёберг, нападающие Рональд Эрикссон, Хедберг, Уве Нильссон, Хаммерстрём, Линдстрём. Несомненно, самых лестных отзывов заслуживала игра вратаря Хегюсты, защитника Валтина, нападающих Лабраатена, Брасара, Ольберга. И в финской сборной выступали профессионалы — защитники Риихиранта и Раутакаллио, нападающие Мононен, Кетола. Сильную команду удалось собрать и тренерам сборной США. В ее составе выступали хоккеисты из профессиональных клубов.

На что в таком турнире могла рассчитывать наша команда?

Помню заседание тренерского совета, на котором обсуждался вопрос об участии сборной СССР в Кубке Канады. Тренеры нашей главной команды, как я уже рассказывал, настаивали на том, чтобы дать ведущим игрокам отдых. Говорилось даже о том, что чемпионат мира 1976 года, проходивший в польском городе Катовице, был проигран во многом оттого, что лидеры сборной отдали слишком много сил успеху нашей команды на Олимпийских играх в Инсбруке — турнир этот проводился за два месяца до мирового чемпионата.

Потом тренеров клубных команд попросили высказаться о шансах команды — тогда ее еще не называли «экспериментальной». Большинство предположило, что, скорее всего, нам достанется четвертое или пятое место. Если память не подводит, я был едва ли не единственным, кто ожидал, что нашей команде по силам третье место. Оговорюсь, что я выступал только как тренер рижского «Динамо»: тогда меня никто еще не известил, что мне поручено будет возглавить «экспериментальную» команду. Кстати, сказал я и о том, что мы можем выиграть, если решимся поехать сильнейшим составом.

Когда мы уже улетели за океан, передо мной была поставлена задача занять место не ниже третьего.

Подчеркиваю — передо мной. Однако позже возникли разговоры, а Владимир Викулов даже сообщил в печати, будто бы и я сам нацеливал команду на третье место. Но было не так.

Я всегда ставлю перед командой максимальную цель. И первая задача, которую я выдвинул перед коллективом, — участие в финале, что давало как минимум второе место.

Турнир оказался для нашей команды трудным. Не только потому, что поехали мы без ведущих своих игроков, но и потому, что сразу же выбыл из строя один из немногих опытных игроков

Виктор Шалимов, потому что и другие ведущие мастера сыграли не так, как можно было ожидать. Безупречен был Владислав Третьяк, отлично выступал Викулов, в ряде матчей выделялся Виктор Жлуктов.

Предварительный турнир ни одна из сборных без поражения не прошла. Шведы проиграли канадцам и финнам, сыграли вничью с нами. Мы проиграли первый матч — соперникам из Чехословакии (3:5) и последний — канадцам (1:3). Сборная ЧССР уступила шведам (1:2) и сыграла вничью с американцами (4:4). Канадцы проиграли чехословацким хоккеистам (1:2).

Сборная СССР неплохо сыграла в нападении, наша команда оказалась самой результативной в предварительном турнире. Впечатляющей была наша победа над американцами (5:0). Но вот что касается игры в обороне, то здесь мы заметно уступали командам Канады и Чехословакии. Эти две сборные и вошли в финал, где верх одержали хозяева турнира.

Наша команда заняла третье место.

Почему? Думаю, прав был Владислав Третьяк, передававший из Монреаля в «Комсомольскую правду», что нашим игрокам не хватило сыгранности и опыта.

С тех пор прошло много лет, немногие хоккеисты остались в составе сборной СССР, и нет нужды вспоминать ошибки, промахи игроков, просчеты в тактическом плане, недостаточно высокое техническое мастерство тех или иных спортсменов, их психологическую слабость. В конце концов, главная ответственность все равно падает на тренеров.

Конечно, досталось мне после того, как наша команда осталась на третьем месте, по первое число.

Анатолий Владимирович Тарасов писал в «Комсомольской правде»: «Считается, что тренер, придя в сборную, должен оставаться «самим собой», придерживаться стиля, проверенного в своем клубе. Это, на мой взгляд, неверное, упрощенное мнение. В сборной собраны лучшие хоккеисты страны. Они нуждаются в сложных, порой новых тренировочных упражнениях. Перед ними необходимо ставить самые высокие задачи, соответствующие их знаниям, опыту и мастерству. Виктор Тихонов хорошо работал с рижским «Динамо». Но методы эти подходили хоккеистам среднего уровня. Способствовать росту мастерства высококлассного хоккеиста они не могут».

Вывод, как видите, очевиден. Тарасов достаточно ясно высказал свою точку зрения: Тихонову не по силам руководить ведущими, высококлассными игроками. Болезненно, как и все мы, переживая неудачу, он в полемическом запале упустил важное обстоятельство — этих ведущих мне просто-напросто не дали.

И все-таки я воспринял критику Тарасова не как выпад. Скорее, как обиду за неудачу нашей сборной.

Не люблю, да и не привык жаловаться. Судьба трепала меня достаточно, чтобы характер стал стойким. Не на каждую обиду я реагирую, не на каждый выпад отвечаю. Сил смолчать, «не заметить» несправедливость, касающуюся меня лично, пока хватает. Но иногда я просто не понимаю некоторых вещей. Иные поступки, действия, слова кажутся мне настолько загадочными, далекими не только от рамок приличия, но и от здравого смысла, что я даже не знаю, как на них реагировать.

Порой на тренерском совете мы схватываемся друг с другом, порой резки, несправедливы один к другому. Бывает всякое. Грешен и я. И с Тарасовым мы то сходились, то расходились, прежде чем нашли общий язык. Знаю, что сейчас Анатолий Владимирович иначе оценивает мои возможности и методы работы. Приведу, пожалуй, еще одну цитату из Тарасова, лестную для меня, коли была приведена несколькими строками выше та, сердитая, в которой работа тренера «экспериментальной» сборной ставилась под сомнение. В беседе, опубликованной в 1983 году в латвийской газете «Советская молодежь», Тарасов говорил: «У тренера должно быть сильно развито чувство любви к молодежи, в первую очередь он — терпеливый, интеллигентный человек. Ибо каков наставник — таковы и воспитанники. А в грядущем хоккее побеждать будут коллективы единомышленников, где высокоэрудированные игроки смогут договориться с тренером, как обыграть соперника.

Что же касается идеала, то я без колебаний назову Виктора Васильевича Тихонова. Партийность — первейшее условие для работы со сборной СССР. Ведь тренеру после победы на ледовой площадке частенько приходится давать второй, словесный, бой западным журналистам.

Всем известен и тихоновский фанатизм в лучшем смысле этого слова, его преданность любимому делу. Тихонов — ярчайший пример тренера-новатора, который так строит учебно-тренировочный процесс, чтобы ни разу за год не повторилось ни одно занятие.

Обязательное условие для современного тренера — общественная деятельность: работа с молодежью, выступления перед любителями спорта».

Жизнь, спорт в частности, без споров, отчаянных споров, подчас с обидами, трудно себе представить. Но одного я не понимаю и не принимаю — обращения к игрокам, чтобы настроить их против тренера.

Когда я начинал работу с «экспериментальной» сборной, я

многого не знал. Я видел, например, что в часы подготовки к Кубку Канады Борис Павлович Кулагин подходил к борту, подзывал порой то одного, то другого игрока. На что он обращал внимание, что советовал он хоккеистам, я тогда не знал. И только позже выяснилось, что коллега говорил, например, Валерию Васильеву:

— Зачем ты так стараешься? Зачем тебе это сейчас надо?…

А ребята подходили к борту, к Кулагину, они знали, что он — старший тренер сборной, что я — временный человек, что на меня ставку делать не стоит. Долго не рассказывали всего этого мне хоккеисты. Но потом однажды не выдержали, и я узнал то, что знать мне хотелось бы меньше всего.

Твердо убежден, что тренер может говорить со спортсменами только так, чтобы его слова позволено было передать кому угодно, чтобы не было ему потом стыдно. Стоит говорить за глаза только то, что решишься сказать и в лицо.

Положение у меня было в то время… Деликатное? Неясное? Затруднительное? Двусмысленное?… Не знаю, как его и определить. С одной стороны, вроде бы тренер сборной страны. С другой — вовсе и не тренер национальной команды, ее возглавляет Борис Павлович Кулагин. Трудно было не только мне. Нелегко было строить свои отношения со мной и руководителям делегации, и хоккеистам. Вернувшись домой и прочитав все, что писалось о турнире, пришел к выводу, что точнее и откровеннее других определил мое положение корреспондент «Советского спорта» Дмитрий Рыжков. В одном из отчетов он назвал меня «старшим тренером советской команды на Кубке Канады».

Обратили внимание? Старший тренер не сборной СССР, а советской команды, посланной на этот вот конкретный турнир. Одним словом, человек с временным поручением.

И это чувствовали хоккеисты.

Да, общий язык с командой я нашел не сразу. И не только из-за собственных недостатков, как вскоре я понял. Кстати, установление тесного контакта с командой — задача непростая для любого тренера. Это объективная, если хотите, вполне закономерная трудность. И касается это, думаю, не только спорта, но отношений в любом коллективе, производственном или учебном. Работая с командой, я верил, что хоккеисты не могут не увидеть моей заинтересованности в общем деле, не могут не понять, что новый их тренер очень хочет сделать для хоккея как можно больше. И хотя Кулагин повсюду говорил, что у меня нет контакта с хоккеистами, что они мне не верят, не полагаются на меня, что мне не удастся завоевать их доверие, общий язык все-

таки был найден.

Доверие завоевать нелегко, и тем более нелегко, если поискам и установлению общего языка еще и мешают.

По возвращении в Москву было сказано, что в экстремальных условиях тренер Тихонов не может руководить командой. Забегая вперед, в начало осени 1981 года, замечу, что на втором розыгрыше Кубка Канады, когда мне никто не мешал, я, кажется, смог справиться со сборной.

«Экспериментальная» команда была для меня полезна по крайней мере в одном отношении: я впервые работал с большими мастерами, и это тесное общение с лидерами нашего хоккея (хотя и не было среди них ярчайших звезд) привело меня к мысли, что некоторые из них отвыкли как от большой работы, связанной со всеми аспектами хоккейной подготовки: технической, тактической, физической (имею в виду хотя бы тот объем, который стал нормой в рижском «Динамо»), так и от высоких требований, предъявляемых к ним не столько тренерами, сколько самим меняющимся на глазах хоккеем.

Более того, я воочию увидел, что лидеры хоккея начисто отвыкли от дисциплины. Не стану сравнивать требования, которые были в сборной при Аркадии Ивановиче Чернышеве и Анатолии Владимировиче Тарасове, поскольку знаю о них все-таки понаслышке, и потом при Борисе Павловиче Кулагине, но то, что я видел, не могло не насторожить. В команде было две дисциплины: одна для маститых, «великих», другая — для «рядовых». Однако этот печальный факт прикрывался успехами, которые приглушали всякую критику в адрес сборной команды, высоко ценимой нашими любителями спорта. Победителям прощалось все. Различных нарушений режима хватало, но, поведя с ними борьбу, я тотчас же натолкнулся на энергичное сопротивление ведущих мастеров. Некоторые лидеры команды полагали, что им дозволено больше, чем их соратникам, пребывающим в сборной на вторых ролях.

И другое, что повергло меня в изумление и уныние, — поразительная отсталость достаточно, казалось бы, искушенных в игре мастеров в тактической подготовке, их неуважительное отношение к теоретической подготовке. Невысокая тактическая эрудиция большинства игроков сборной, которые уже выигрывали по нескольку чемпионатов мира, не могла не озадачить. Остановка в спорте недопустима, немыслима, и потому чемпионам нужно постоянно учиться.

Жизнь идет вперед, не стоит, понятно, на месте и хоккей. Но судя по всему, степень тактической оснащенности игроков сборной не менялась, она явно отставала от требований времени.

Именно этим и объясняю я поражение в Вене: в «Штадтхалле» весной 1977 года наша команда, напомню, осталась на третьем месте, от которого советский хоккей уже отвык.

Однако речь сейчас идет не только о сборной, но и о команде ЦСКА, где выступало целое созвездие больших талантов. Впрочем, я давно догадывался, что прежде всего именно великолепный подбор выдающихся мастеров обеспечивал команде успехи и почти непрерывные победы в чемпионатах страны. Обилие талантов маскировало этот непростительный недостаток в подготовке прославленного армейского клуба.

Почему наша команда потерпела два поражения от «Тре Крунур» в Вене? Почему так трудно складывались наши матчи с командой Чехословакии? Вопросы, что называется, глобальные, касающиеся всего нашего хоккея — и сборной, и клубов. Думаю, неудачи объяснялись прежде всего тем, что хоккеисты сборной СССР никак не могли решить проблему преодоления оборонительных порядков этих двух ведущих европейских команд. Именно потому мы проигрывали соперникам на чемпионатах мира 1976 и 1977 годов. В Катовице мы «попутно» умудрились проиграть (4:6) и хозяевам чемпионата, которых при самом доброжелательном отношении к ним первоклассной командой не назовешь. Однако и оборону польской команды наши мастера взломать не сумели.

Назначение меня старшим тренером сборной Советского Союза состоялось в начале лета 1977 года, сразу же после поражения нашей главной команды в Вене.

Тогда же меня назначили и старшим тренером ЦСКА.

ТРУДНЫЙ ГОД ЗНАКОМСТВА

Анекдот о трех письмах

Анекдотов существует, как известно, великое множество. На все случаи жизни. Только забываются они быстро.

Но вот единственный анекдот, посвященный тренерам, помню всегда. Скорее всего, потому, что жизнь напоминает о нем постоянно.

Анекдот такой.

Тренера освободили от работы, и, прощаясь с командой, он оставляет преемнику три письма. Письма пронумерованы, и к ним приложена записка: «Вскрой, когда будет трудно».

Проходит год, команда выступает неважно, нового тренера ругают все чаще и чаще, и он вскрывает первое письмо предшественника. В конверте — записка: «Вали все на меня».

Причина неудач вроде бы найдена, и тренера на какое-то время оставляют в покое.

Заканчивается второй сезон, и снова дела плохи. Приходится открыть еще один конверт. Там всего одно слово: «Обещай». Тренер заверяет руководство, что все наладится, что команда уже перестроилась и вот-вот начнется подъем.

Проходит третий год, никаких улучшений, и тренер в поисках спасительного совета вскрывает последнее письмо. Там два слова: «Пиши письма».

Тренеров-неудачников немало, и я, начиная свою самостоятельную работу, помнил о несложившихся судьбах коллег, о том, что в спорте есть не только победы, но и поражения, помнил, что если один из соперников выигрывает матч, то второй, стало быть, его проигрывает. И для меня из этих размышлений следовал один только вывод: на удачу, на везение рассчитывать нельзя, надобно работать. Работать по-настоящему.

Жизнь сложилась так, что мне рано пришлось познать цену труду. Вырос я в Москве, детство провел на Малой Колхозной улице. Но детство закончилось рано. Отец мой, Василий Прохорович, погиб в 1942-м, под Сталинградом. Мальчишкой начал работать. Был я слесарем в автобусном парке, работал ежедневно без скидок на возраст — полную смену. Для подростков военных лет это было обычной нормой. Осознанной нормой. Все работали, как и воевали, ради общей великой цели — ради победы. Рассказывая однажды читателям «Советской

России» о своем детстве, я говорил, что именно в то суровое время уяснил истину, которая стала для меня своеобразным кредо: научишься, сумеешь, сможешь не жалея сил трудиться, непременно научишься и главному в жизни — умению одолевать трудности и невзгоды.

Уставали мы безмерно, и все-таки тянуло нас во двор, поиграть в футбол или — зимой — в хоккей. Не с шайбой, конечно, с мячом, в русский хоккей.

В футбол гоняли бесконечно. Играли тряпичными мячами, набитыми опилками, гоняли все, что попадалось под ноги, — консервные банки, пустые папиросные коробки.

Однажды по совету взрослых поехали в Сокольники, где на Четвертом Лучевом просеке тогда находился стадион армейцев (видите, какой я давний цеэсковец!), и попробовали записаться туда. Меня взяли в команду, но ездить из района Мещанских улиц в Сокольники было нелегко, и спустя год я записался в другую футбольную команду, которая была совсем рядом с домом — на стадионе «Буревестник», расположенном в Самарском переулке, на том самом месте, где вырос накануне XXII Олимпийских игр в Москве спорткомплекс «Олимпийский».

Когда я уже выступал за юношескую команду «Буревестника», мне удалось оценить одно совершенно необходимое для настоящего тренера качество — энтузиазм. Учил нас Владимир Ильич Соколов. Не знаю, где черпал он силы и вдохновение, но Владимир Ильич тренировал пять футбольных и пять хоккейных клубных команд. Согласитесь, с такой супернагрузкой без душевного огня, без подлинного энтузиазма не справиться.

Очень многое для представления о личности тренера дало мне знакомство с другим замечательным человеком и специалистом — Матвеем Иосифовичем Гольдиным. Это был прирожденный педагог. Не случайно он всегда находился в курсе всех наших забот, радостей и печалей. Одним словом, занимаясь у Матвея Иосифовича, я получил наглядный пример того, как должны складываться чисто человеческие взаимоотношения тренера с игроками, особенно с молодежью, которая едва вступила в большой спорт.

Потом, спустя десятки лет, в журнале «Физкультура и спорт» я прочитал интервью с ныне покойным заслуженным мастером спорта по академической гребле, известным ученым А. М. Шведовым. Отвечая на вопрос о достоинствах, которые, по его мнению, должны быть присущи настоящему тренеру, Александр Михайлович как бы одним мазком нарисовал картину, которая годами складывалась у меня в образ из отдельных, подмеченных у разных специалистов штрихов. «Тренер — отличный тренер,

естественно, должен иметь целый ряд специфических качеств. Прежде всего он обязан быть психологом, воспитателем. Знающим, грамотным специалистом. Желательно — ученым. Конечно, человеком с большой буквы. И еще — философом, потому что философия помогает понять других людей, строй их мышления, образ жизни. Вот этим комплексом истинный тренер должен или обладать, если он прирожденный тренер, или воспитывать его в себе».

На мой взгляд, это самая удачная характеристика тренера, которую доводилось когда-либо слышать и читать.

Выступая в дискуссии о подготовке тренеров хоккея, я говорил, что почти каждое интервью с известным хоккеистом заканчивается примерно так:

— Ваши планы на будущее?…

— С хоккеем не расстанусь, хочу стать тренером.

И самое удивительное, большинство игроков считает, что этого «хочу» вполне достаточно. И многие руководители клубов уверены, что хоккеист высшей лиги, особенно если он играл в сборной, — готовый тренер. Это заблуждение довольно широко распространено.

Но поверьте и фактам, и моему опыту: «хочу» — этого мало. Чрезвычайно мало. И человек, захотевший стать тренером, обязан решить, по крайней мере для самого себя, другое: «А готов ли я? Готов ли идти на лишения? Готов ли бороться за свои убеждения до конца?» Именно бороться: не секрет, что иные руководители иногда диктуют тренерам не только, как он обязан тренировать команду, но и кого ставить на место, скажем, правого крайнего в третьем звене.

Впрочем, и твердость характера решает хотя и многое, но не все. Для того чтобы работать с людьми, необходимо призвание.

Что же это за штука — тренерское призвание? Не буду скрывать, я и сам даже сегодня, имея уже немалый опыт, не в состоянии точно ответить на этот вопрос. Могу лишь поразмышлять, так сказать, вслух.

Казалось бы, если тренера любят в команде — это прямое свидетельство того, что человек нашел свое призвание. Однако всегда ли тот, кого любят, добивается многого? Нет, есть достаточно примеров, опровергающих это. И чаще всего неудача приходит тогда, когда тренер ради этой самой любви идет на поводу у игроков. А игроки, как, впрочем, и все люди, любят, когда их гладят по шерстке…

Признаюсь, после двух лет работы в московском «Динамо» в качестве второго тренера я испортил отношения со всеми бывшими партнерами. Будучи игроком, я мог только убеждать

партнера, спорить с ним. Когда я оказался в роли наставника, мне пришлось «заставлять», если методы убеждения не помогали. Отсюда и ворчание за спиной: «А ты что, больше моего знаешь?»

Трудно перешагнуть через этот барьер. Игроки начинают жаловаться начальству. Начальство, увы, порой становится на их сторону: мол, тренер не сумел завоевать авторитета. И, бывает, человек сдается. Но будьте уверены, в этот самый момент он перестает быть тренером. Требовательность необходима. Но еще более необходимо знать, чего же ты требуешь от подопечных.

Тренировочные нагрузки! Они в современном хоккее велики, и физиологи предупреждают, что подход к нагрузкам должен быть индивидуальным. Психологи же предостерегают: не только объем, но и характер тренировок должен быть индивидуализирован. Этот список представителей наук, которые в состоянии принести пользу хоккею, можно продолжить.

Много лет главным в работе тренера была интуиция — наука жила сама по себе. Тренеры пользовались методом проб и ошибок, в определении нагрузок например. Но если этот метод приемлем в физике, то там, где речь идет о людях, необходимо не семь, а семьсот раз отмерить, прежде чем один раз отрезать.

Приведу курьезный факт. Мы в рижском «Динамо» в начале 70-х годов начали использовать для работы видеомагнитофон. Казалось бы, что тут может быть вредного? Но если сначала игроки воспринимали просмотр видеозаписей как забаву, то вскоре видеомагнитофон стал их злейшим врагом — тут уже не отговоришься, не скажешь: «Я ни при чем». Пришлось убеждать: это — попытка найти типичные ошибки и ничего более. Кстати, и я вынужден был тщательнее следить за собственными высказываниями и оценками во время игры, ведь на просмотре могло оказаться, что характеристика того или иного эпизода была неверной.

Однако от одной вещи мне хотелось бы предостеречь: слепо верить даже в науку нельзя. Чтобы сотрудничать с учеными, тренер должен хотя бы в общих чертах представлять их труд, их поиск. Вот почему я, например, чувствуя нехватку специального образования, сижу над книгами — учусь даже в кардиограммах разбираться. И сейчас, разумеется, поверхностно, но разбираюсь.

За годы, когда рижское «Динамо» выступало в низших лигах, я видел много тренеров. Все они работали в поте лица своего. Работали с интересными игроками, помню, я многим даже завидовал. Но и их ученики растворились в общей массе, и команды застыли в своем развитии. Почему? Видимо, потому, что застыли сами тренеры. Совершенствуют, как известно, свое умение врачи. Учатся учителя. Должны учиться, несомненно, и

тренеры.

Но вернемся к исходной точке: как узнать, есть ли тренерское призвание у человека? С выпускниками инфизкульта все ясно: они слишком молоды, чтобы ответить на этот вопрос, слишком молоды, чтобы работать со взрослыми, 25-30-летними людьми.

Вот почему искать будущих тренеров следует, по-моему, среди спортсменов, уже подумывающих о том, чтобы оставить хоккей.

Я представляю себе такую идеальную картину. Игрок (имярек) — человек с характером. Имеет задатки педагога. И тренер начинает исподволь поручать ему проведение занятия, разбор игры и так далее. Причем делает хоккеист это самостоятельно, как студент в школе на практике. Если этот эксперимент идет удачно в течение одного-двух лет, тренер рекомендует хоккеиста в вуз. После вуза — стажировка. И опять — не месяц-другой, а годы. Лишь после этого бывший игрок получает звание «тренер».

Один только в этой схеме изъян. Но изъян серьезный. Новых тренеров нам нужны десятки. Следовательно, десятки нынешних наставников должны отбирать претендентов, обучать их. А есть ли у тренеров класса «А» время для этого? С убежденностью говорю: нет.

Но какие бы планы, схемы, варианты подготовки тренеров ни возникали, самым важным и принципиальным остается неизменно одно — желание начинающего тренера учиться. Учиться постоянно. Осваивать и теорию, и практику. Анализировать, творчески перерабатывать то новое, что увидел сегодня или вчера.

Учусь постоянно. Читаю, кажется, все, что связано с хоккеем. И специальную литературу, и репортажи журналистов: порой репортеры подмечают интереснейшие вещи, наталкивают на неожиданные размышления. В дни чемпионата мира бываю не только на играх своей команды. Если я в Москве, не пропускаю ни одного матча. С таким же вниманием наблюдаю за встречами клубов первой и второй лиг, если вдруг оказываюсь в городе, где проходят их матчи.

Привык к этому давно, еще работая в Риге, когда «Динамо» выступало в низшей лиге. Приобрел любительскую камеру «Кварц» и летал с ней на матчи соперников рижан.

Охота пуще неволи…

Вспоминаю такую историю.

Киевляне, выступавшие тогда в первой лиге, изумили серией побед. Выиграли они 10-12 матчей подряд и заинтриговали нас невероятно. Перед приездом в Ригу играли они в Минске, и я

решил посмотреть их игру, выяснить для себя природу «чуда».

Утром поехал в аэропорт, но оказалось, что Минск из-за непогоды закрыт. Полетел в Вильнюс, схватил такси, примчался на вокзал, но поезд только что ушел. Следующий меня не устраивал, матч назначен на 5 часов, и я не успевал к игре.

Уговариваю таксиста отвезти меня из Вильнюса в Минск. Тот отказывается. Далеко. Плохая дорога. За границы республики выезжать не может. Наконец, за двойную цену (оплачиваю и дорогу назад) везет меня на последнюю станцию на территории Литвы — может быть, догоню поезд. Опоздал. Но водитель довез меня до первого города на территории Белоруссии, и оттуда — снова на такси и снова за двойную цену — помчался я в Минск. К матчу успел.

Разобрался, что к чему. В нелегкой борьбе рижане сумели спустя три дня обыграть своих соперников.

Руководство клуба удивлялось. Зачем такие поездки, наша команда и так впереди. И отрыв от всех остальных претендентов на победу солидный. Еще более удивительным казалось то, что в такие поездки я отправлялся за собственный счет.

Становление тренера — процесс сложный, длительный, он связан порой с болезненным пересмотром сложившихся принципов, с отказом от того, что недавно казалось единственно верным и разумным. И задачи, которые решает тренер в одной команде, порой совсем непохожи на те, которые встают перед ним в другой.

Сужу об этом не понаслышке.

Переход из рижского «Динамо» в ЦСКА потребовал от меня новых, иных по своему характеру усилий.

Перед первой встречей

Готовясь работать с командой ЦСКА и сборной, размышляя о закономерностях игры, о процессах, происходящих в сегодняшнем хоккее, я намечал какие-то практические меры, которые позволили бы мне вместе с командой решать те задачи, которые выдвигает перед нами время. Был у меня уже немалый опыт работы, на который я и собирался опираться.

Пишу об опыте потому, что конкретных, расписанных по дням и часам планов занятий у меня быть, конечно же, еще не могло: судить со стороны о команде — и о ЦСКА, и о сборной — рискованно. Да и не серьезно.

Мне предстояло познакомиться с хоккеистами ЦСКА ближе.

Знал, уверен был, что работать будет непросто. В команде большие мастера. Сложившиеся мастера, за плечами которых огромный авторитет ЦСКА. Мне предстоит убеждать их отказываться от чего-то привычного, привыкать к чему-то новому. Многие уже, скажем, не юноши. Значит, нужны специальные усилия, чтобы продлить их спортивный век.

Но одновременно не мог не считаться и с тем, что наступает смена поколений, которая, как известно, приходит в каждую команду почему-то в самый неподходящий момент, хотя это естественное, закономерное явление, хотя ни один тренер никогда не забывает о том, что его команда, его игроки не вечны.

Хорошо, что в команду порой вливается одновременно сразу большая группа одаренных молодых хоккеистов одного примерно возраста. Хорошо, что они долго, несколько сезонов играют вместе. Но плохо, когда эти мастера и сходят одновременно. Тем более это тяжело для команды, когда речь идет о больших спортсменах, о выдающихся игроках, на которых держалась команда, на которых привык опираться коллектив.

Далее. Я знал, что в ЦСКА традиционно серьезное отношение к физической подготовке мастеров, что атлетизм издавна ставился здесь — и об этом подробно рассказывал в своих книгах Анатолий Владимирович Тарасов — во главу угла. Теперь же мне предстояло познакомиться с работой армейцев ближе. Мне казалось, что в этой работе есть и определенные минусы. Знал, в частности, что до самых последних лет весьма несущественную роль играла беговая программа, та основа, на которой, по моим представлениям, строится весь фундамент разносторонней подготовки хоккеиста.

Казалось бы, что может быть проще: тренер, понимающий роль атлетизма, приходит в команду, где это качество всегда считалось главным в подготовке спортсменов высокого класса, где все его предшественники — и Тарасов, и Кулагин, и Локтев — серьезно работали именно в этом плане. Однако сложности обнаружились. И немалые, к моему огорчению. Почему? Да потому, что моя концепция, мои принципы, методика атлетической подготовки имели немного точек соприкосновения с тем, к чему привыкли хоккеисты, работая с предыдущими тренерами.

Оказалось, что атлетическая подготовка в моем понимании отличается от того, что принято было в ЦСКА. Я трактовал ее как всестороннюю подготовку, считал, что не отдельные снаряды и упражнения вырабатывают атлетизм. Что в занятие надо включать и сложную скоростно-силовую подготовку, в том числе

и насыщенную, хорошо спланированную беговую программу. Подготовка должна носить комплексный характер. Для моей новой команды оказался откровением «тихоновский городок» (так назвали его хоккеисты ЦСКА), в которой уложено все комплексное совершенствование атлетизма, всех его качеств в определенном временном режиме. Занятия в «городке» дополнялись широкой программой игр на земле, на грунте.

Хоккеистам ЦСКА, когда началась наша совместная деятельность, была предложена постоянно обновляемая и очень трудная программа. Переход на такую работу — во всех отношениях вещь непростая. И для спортсменов, и для тренеров. Я давно привык работать над атлетизмом в предложенном много режиме. И новички, приходящие в рижское «Динамо», воспринимали его как должное: так работал весь наш коллектив. Здесь же мне надо было перестроить не одного-двух хоккеистов, но целую команду на новый режим работы. Перед тренерами армейцев стоял вопрос: как выводить хоккеистов на новый уровень деятельности — постепенно, поэтапно, исподволь готовя спортсменов к предлагаемым нагрузкам, или сразу? Пришел к выводу: сразу. Времени на раскачку не было.

Кому-то надо было изменять традиционные навыки. Кому-то надо было отказаться от привычного, сложившегося. Но кому? Команде, где два с лишним десятка спортсменов? Или одному тренеру? Ответ не так прост, как представляется на первый взгляд. Один подчиняется остальным, подстраивается под всех — это непреложный закон жизни спортивного коллектива. Так, по крайней мере, привыкли считать многие, очень многие. На мой взгляд, это неверно, даже если речь идет об одном игроке — мало ли какой это игрок, мало ли о чем может пойти речь. Но тем более это неверно, если разговор касается тренера.

Что значило для меня отказаться от собственных принципов? Только то, что я перестал бы существовать как тренер. В конце концов, тренер — это прежде всего специалист с определенными принципами работы, с определенными взглядами на подготовку спортсменов и команды, с определенными концепциями игры. Меня пригласили в сборную страны, а вместе с тем и в ЦСКА. Почему? Динамовцы Риги не были чемпионами страны, не составляли костяк сборной СССР. Значит, на тренера рижан обратили внимание по каким-то другим соображениям. Видимо, показалась интересной, перспективной моя работа. Видимо, заинтересовало отношение к делу.

Так зачем же мне отказываться от того, что и позволило мне добиться определенных успехов, когда я работал с другими командами?

Но если я сохраняю приверженность своей методике, своим принципам подготовки хоккеистов, то это неизбежно означает только одно: игрокам придется отказываться от привычного, придется меняться, подстраиваться под нового тренера. Всем. В том числе и самым великим. Признанным чемпионам и лидерам команды. Да что там команды — всего советского хоккея.

Легко ли им это? С большим ли энтузиазмом согласятся ведущие мастера перестраиваться, начинать во многом сначала?

Добавьте к этому, что новый тренер пришел с идеей, которая тоже не казалась поначалу привлекательной — с идеей игры в четыре звена, о трудностях претворения которой в жизнь я рассказывал раньше.

И наконец, еще одно. Личность тренера. Его известность или, если хотите, популярность. Если бы в ЦСКА пришел специалист, скажем, с авторитетом Тарасова или Боброва, все равно команде было бы трудно начинать работу с новым человеком. Но пришел тренер из рижского «Динамо», где не было больших мастеров за исключением Балдериса. Сможет он работать с хоккеистами высокого класса? Сможет помочь им подняться еще выше? По силам ли ему это? Сумеет ли новый тренер предложить такие игровые идеи и такие упражнения, которые покажутся интересными и полезными искушенным мастерам? Одно дело, простите за сравнение, учить грамоте первоклассника и совсем другое — старшекурсника высшей математике.

Сейчас, годы спустя, я особенно хорошо понимаю, что команде было не совсем ясно, что происходит. Почему Тихонов, который только что пришел из Риги, из клуба, занимающего в лучшем случае четвертое место в первенстве СССР, вдруг решается так резко перестраивать команду, которая и до его прихода добивалась многих славных побед? Почему тренер берет на себя смелость все начинать едва ли не заново? Ведущим мастерам ситуация казалась крайне обидной: их учит какой-то Тихонов.

Нелегкая это задача — найти свое место в сложившемся коллективе. А если речь идет о коллективе знаменитом, где каждый знает себе цену, новичку особенно трудно. Но еще труднее тренеру.

Такая же картина может сложиться и в любом другом коллективе. В конструкторском бюро, куда приходит новый начальник. В бригаде, куда назначают нового бригадира. В редакции, изнывающей от нетерпения: кто же он, новый шеф, как поведет себя? Или в больнице, где вводит свои законы новый главврач.

Моя критика сложившихся порядков, как и мои идеи насчет

переустройства жизни в команде, встречались, прямо скажем, без энтузиазма.

Читатели могут подумать, что Тихонов сгущает краски, преувеличивая значение и остроту внутренних коллизий в спортивном коллективе, возводит свои субъективные переживания в степень глобальной проблемы.

Но ведь проблема эта и вправду носит общий характер. Касается не меня одного, а многих тренеров и в разных видах спорта. Не только в хоккее.

Вспоминаю историю, случившуюся несколько лет назад. «Спартак», бывший в ту пору чемпионом страны по хоккею, неудачно начал новый сезон. Не помню, какое место и после какого тура он занимал, это неважно, сезон был впереди еще долгий, но пока «Спартак» терпел неудачи, и вот в уважаемой газете появились критические стрелы в адрес тренера спартаковцев Карпова.

Критика тренеров при первой же неудаче возглавляемой ими команды, увы, неотъемлемая черта нашей жизни, и в ней, в такой критике, нет ничего страшного, хотя, понятно, и приятного мало. Но в той статье критика приобрела слишком острый характер: прямо ставился вопрос, по силам ли работать тренеру Карпову с чемпионом.

Помню, как изумила меня такая постановка вопроса. Можно было подумать, что Николая Ивановича пригласили в команду, носившую титул чемпиона страны и что именно при нем команда эта утратила свое высокое звание. Да, бывает, что и чемпион приглашает нового тренера. Так, кстати, случилось и в истории со мной: меня пригласили в ЦСКА, который за неделю до этого под руководством Константина Борисовича Локтева стал чемпионом страны в очередной раз. Однако здесь было свое объяснение: традиционно тренером сборной работает старший тренер армейцев, и если принято решение о назначении Тихонова тренером главной команды страны, то не имеет он права — так объяснили мне — отказываться от работы с ЦСКА. А я, замечу попутно, отказывался, но об этом речь дальше.

Иная ситуация была в случае с Карповым. Николая Ивановича пригласили в «Спартак» в пору неудач этой команды. И именно под его руководством стал «Спартак» чемпионом СССР. Карпов был организатором этой победы, он привел спартаковцев к успеху. Николай Иванович умеет ладить с людьми, находить с ними общий язык. Он умеет объединить коллектив, в котором выступают и игроки сборной, и новички. Дважды «Спартак», руководимый Карповым, становился чемпионом страны. И вдруг — по силам ли тренеру команда? Та самая, которая во многом

именно благодаря его, Николая Ивановича, усилиям и поднялась на верхнюю ступень пьедестала почета.

Каждому тренеру суждена своя команда, и всякой команде надо находить общий язык с тренером, как и тренеру с командой. Не всегда искусство тренера соответствует уровню команды, с которой он работает. Иногда команда сильнее тренера, а иногда и тренер сильнее, но это в том случае, когда он не успевает поднять коллектив до своего уровня.

Совсем не убежден, что все тренеры работающие с первоклассными командами, справились бы и с работой в команде первой или тем более второй лиги, где условия работы, тренировок, формирования коллектива далеки от идеальных и куда не так-то легко пригласить хоккеиста с именем.

Эти и похожие мысли обуревали меня, когда думал я с беспокойством о первой своей встрече с хоккеистами ЦСКА.

Сейчас, по прошествии многих лет, мне уже трудно вспомнить в деталях, в частностях те чувства, которые я испытывал, принимая эту команду. Трудно рассказать о тех мыслях, которые тревожили, лишали покоя и сна.

Я шел на встречу с хоккеистами команды, которая имеет поистине уникальные спортивные достижения и столь же необычно богатые традиции.

Тренеру, работавшему прежде с коллективом другого уровня, с командой, перед которой ставились иные, безусловно, не столь высокие задачи, нужно было психологически перестраиваться. Мне теперь предстояло определять не только те методы, формы и средства работы, которые годятся для более классной команды, но и находить, устанавливать — сначала для себя — те принципиальные требования, те направления работы, какие позволят ЦСКА, а вместе с тем и сборной СССР, соответствовать времени, оставаться лидерами не только отечественного, но и мирового хоккея.

Прежде всего надо было мгновенно сориентироваться в том наследстве, что досталось мне от моих предшественников, определить, что следует взять из опыта работы Тарасова, Кулагина, Локтева, возглавлявших ЦСКА на протяжении четверти века. Опыт жизни, и спортивной в частности, показывает, как легко утрачиваются традиции и как медленно накапливаются и восстанавливаются они. А традиции, верность им определяют во многом душевное здоровье команды, ее спортивные достижения.

Нетрудно понять, что речь идет о традициях в самом высоком значении слова, а не о дурных привычках, которыми порой обладают не только отдельные люди, но и целые коллективы.

Что сохранить из опыта моих предшественников? И вместе с

тем что привнести в жизнь команды ЦСКА из собственного опыта?

Это был сложный и мучительный период. Ошибаться я не имел права. Потерять команду ЦСКА — значит нанести советскому хоккею удар, оправиться от которого будет трудно. Вот почему я должен был сразу, без прикидок и черновых набросков, определить те стратегические линии моей работы, следовать которым нужно будет не дни и недели, но годы.

С благодарностью вспоминал трудную работу с «экспериментальной» сборной, которая дала мне возможность познакомиться с хоккеистами ЦСКА: в общей сложности мы тогда работали вместе более двух месяцев.

Лето 1977 года было, несомненно, самым тяжелым и нервным периодом моей жизни.

Внутренняя психологическая перестройка, в чем-то даже ломка, критический пересмотр собственного опыта — удел не только спортсмена, переходящего в новую для него команду, но и тренера. Только в этом случае нужна еще и поправка на меру ответственности. Неудача спортсмена — не сложившаяся спортивная судьба одного игрока. Неудача тренера — крах команды, двух с лишним десятков игроков.

С тревогой думал, как воспримут хоккеисты предлагаемую им программу подготовки, внутренней дисциплины.

Я надеялся, что на первых порах программу примут, поскольку исходит она от нового тренера, ссориться с которым поначалу никто, естественно, не собирается, но вот что будет потом, позже, когда пойдет повседневная нелегкая работа, когда требования будут постепенно возрастать… Я понимал, что новая — для этой команды — программа подготовки (от общефизической до тактической) с ее внутренними высокими требованиями, со строжайшей дисциплиной потребует от хоккеистов огромных усилий, самоотверженной работы, и потому знал заранее, что у меня возникнет немало проблем при ее реализации, предвидел, что придется принимать самые радикальные решения в тех конфликтных ситуациях, избежать которые мне едва ли удастся.

Мы живем и работаем в постоянном общении с другими людьми. Связи эти имеют разные формы. Как говорят социологи, выстраиваются они в двух направлениях — по вертикали и по горизонтали. У нас есть руководители, порой кем-то руководим и мы. В спорте такие связи особенно многочисленны, пересечены с десятками других. У тренера обычно немало опекунов и руководителей. Не помнить о них, не считаться с ними нельзя, и, размышляя о предстоящей работе, тревожась за завтрашний день

команды, я, вполне понятно, думал и о том, как воспримет мои меры руководство ЦСКА, Спорткомитета Армии, ибо знал, что возможны и такие ситуации, когда руководству будет трудно поддержать мои решения.

Почему я так много внимания уделяю дисциплине? Потому что в моем истолковании дисциплина имеет всеобъемлющий характер. Дисциплина, безукоризненно корректное отношение хоккеистов друг к другу, к делу, которому они служат, стремление максимально и полно выполнять планы и задания на тренировку, на игру, — одна из основ нравственного здоровья команды.

Давайте отойдем на время от воспоминаний о том, что переживал новый, только что назначенный тренер ЦСКА, и заглянем на несколько лет вперед — в самый конец 1982-го и начало 1983 года, когда сборная клубов СССР совершала турне по Северной Америке, встречаясь с шестью клубами Национальной хоккейной лиги.

Местные газеты много и охотно писали о нашей команде.

В моем архиве хранится текст телекса, который передали корреспонденты ТАСС из Канады в Москву. Обозрение называлось «Хоккей в зеркале прессы». Прошу прощения, что вставляю в книгу слова о собственной персоне. Но сейчас станет ясно, почему я это делаю.

«Сборная клубов СССР заметно отличалась от наших команд, приезжавших в прошлые годы, своей „открытостью“. С разрешения тренеров игроки давали интервью сразу после матча корреспондентам телевидения, тренеры выступали на традиционных пресс-конференциях, давали интервью в свободные минуты… Интересный материал журналиста Пэта Дойла был опубликован в газете „Калгари сан“ под заголовком „Мастер дисциплины“:

«Глядя на него, представляешь себе, что он только что получил плохое известие. Морщины бегут по высокому лбу, а глубоко посаженные глаза то и дело вспыхивают, хохолок волос топорщится, а по бокам хорошо видна седина… Тем не менее создается впечатление, что он держит все нити управления в своей цепкой руке твердой хваткой. Является ли это впечатление верным? Нет. Вне льда он вполне дружелюбный человек, который к тому же с уважением разговаривает с представителями средств массовой информации. Просто он очень серьезно относится к обязанностям главного тренера в советском хоккее. Откровенный и простой, Тихонов резко отличается от тренеров по нашу сторону океана. Он хочет только выигрывать. Только это.

…Говорят, никто не видел, как Тихонов улыбается. Однако

кто видел улыбающимся Скотти Боумэна? Говорят, что Сазер последний раз смеялся в 1963 году. А много ли раз улыбнулся в нынешнем сезоне Арбур (тренер команды «Нью-Йорк Айлеидерс»)?

Тренерская философия Тихонова вращается вокруг одного слова — «дисциплина».

Цитируя Тихонова, Дойл привел следующее высказывание: «Я хотел бы тренировать до тех пор, пока буду чувствовать, что могу дать еще что-то хоккею. Когда тренер перестает быть новатором, когда у него нет новых идей, тогда это становится плохо для хоккея. Тогда надо уходить».

Пришло ли такое время для Тихонова?

«Нет, комрад, нет» — таким ответом на собственный вопрос завершил материал о советском тренере корреспондент.

Слово «дисциплина» действительно часто звучит в моих разговорах с командой, и сейчас, кажется, хоккеисты разделяют отношение своего тренера к делу.

К этому вели годы напряженного труда.

Как начиналась моя работа в прославленном коллективе?

Помню ли, что было сказано в первый день? Пожалуй, помню. Помню и то, что этому предшествовало.

Позвонил Тарасов. Посоветовал:

— Ты, Виктор, должен им сразу сказать, что… Посмотреть на них так, чтобы… Команда должна при первой же встрече почувствовать, что…

Одним словом, предлагалось говорить то, что сказал бы при знакомстве с командой сам Анатолий Владимирович.

Попытался последовать совету Тарасова. Но не получилось. Прежде всего потому, что я не Тарасов. И то, что кажется естественным в устах маститого тренера, было, скажем, не совсем подходящим для меня. И хоккеисты мои слова не воспринимали.

Что должен был сказать я в тот день?

Думаю, мне вообще тогда не следовало говорить. «Тронная речь» в таких случаях неуместна. Слова остаются словами, особенно если произносит их малознакомый или вовсе не знакомый человек. И что бы он ни говорил, судить о нем, о его работе будут по делам, результатам — по очкам, если речь идет о тренере хоккейной команды.

Но самое главное — я был вообще против этого собрания. Ибо назначено оно было на следующий день после торжеств, посвященных очередной победе команды в чемпионате страны.

Мое отношение к таким торжествам?

Не устаю повторять: мы не можем позволить себе не только успокаиваться на достигнутом, но и долго радоваться даже самым большим победам. На радость отводится один день, всего лишь

один день, а за ним — снова творческий поиск. Это не мной придумано, не мной изобретено. Так относились и относятся к победам, даже самым радостным, самым счастливым — на олимпийских играх, на чемпионатах мира, многие наши спортсмены.

То была двадцатая победа хоккеистов ЦСКА. Они добились ее под руководством Константина Локтева, старшего тренера команды, одного из славных армейских бойцов, которые составляют гордость и честь ЦСКА. Локтев был своим, близким человеком в команде, в клубе, работал он достаточно успешно, и его воспитанников не могло, естественно, не озадачить назначение нового тренера.

Узнали хоккеисты о решении руководства сразу после победы в чемпионате и были искренне удивлены. Не скрывая говорили:

— Мы — за Константина Борисовича, мы с ним будем и двадцатидвухкратные чемпионы страны и двадцатитрехкратные, и вообще проигрывать не собираемся, как не хотим расставаться и с тренером, вместе с которым пришли к победе…

Откровенно говоря, мне позиция игроков понравилась. Ведь в этом настроении было, думаю, не столько нежелание работать с новым тренером, сколько верность прежнему, «своему» наставнику.

И читатель, надеюсь, поймет, что мне такой настрой хоккеистов показался достойным уважения и обрадовал. Да, обрадовал. Уж если мне предстоит работать с командой, то хорошо, что в ней собраны люди неравнодушные, имеющие определенные позиции, люди, готовые защищать то, что им кажется правильным.

Итак, собрание было созвано и слово предоставили новому тренеру.

Говорил немного. О том, что считал важным. Говорил, что передо мною задача не просто дальнейшего усиления ЦСКА, ведущей нашей команды, но прежде всего такого усиления команды, которое позволило бы решить главную задачу — восстановление высокого авторитета советского хоккея. А роль хоккеистов ЦСКА в этом, естественно, преувеличивать невозможно.

Мне возразили, сказали, что я неверно расставляю акценты. Нельзя ни в каких вариантах отводить в своих планах и заботах армейцам второе место.

Теперь уже я не согласился.

— Меня, — доказывал я убежденно, с излишней, может быть, горячностью, — перевели сюда не только для того, чтобы ЦСКА в двадцать первый раз стал чемпионом страны. Это, конечно, как

нетрудно понять, весьма важно для меня, для тренера, который тоже мечтает об успехе. Но еще важнее — именно потому и направили меня сюда, — чтобы сборная страны прервала серию поражений на чемпионатах мира.

Кажется, меня не очень поняли.

Кстати, как раз заботой об интересах сборной команды было продиктовано решение Спорткомитета о переводе в ведущий армейский клуб Хельмута Балдериса и Сергея Капустина.

Это звено только-только заявило о себе в Вене. Новая тройка не была там лидером, сильнейшей, но показалась звеном, обещающим многое, именно потому и решено было собрать вместе этих талантливых мастеров, дать им возможность найти общий язык с центральным нападающим Виктором Жлуктовым.

Но почему тройку сформировали не в команде «Крылья Советов», где играл Капустин, и не в рижском «Динамо», а в ЦСКА, где тоже играл только один хоккеист из будущей тройки?

Очевидно, потому, что к Жлуктову добавили и старшего тренера сборной. Ну а с Балдерисом дело понятное. Думаю, никто не упрекнет меня в нескромности, если я выскажу предположение, что Хелмут пошел бы в любой клуб, куда направили тренера, вместе с которым он работал много лет.

Что же касается Сергея Капустина, то здесь все было непросто.

Я разговаривал с ним о переходе в ЦСКА, предлагал попробовать играть постоянно в течение всего сезона с Жлуктовым и Балдерисом. Сергей не принял мое приглашение, аргументы мои не показались ему убедительными. И я отказался от мысли о переводе его в армейский клуб, считая, что насильно мил не будешь. С таким настроением и уехал в отпуск.

Тащить спортсмена в новую для него команду вопреки его желанию нельзя. Толка из такой затеи не будет. Потом этот спортсмен свою плохую игру будет легко объяснять, напоминая бесконечно, что он, как известно, и не хотел идти в эту команду, что он, дескать, заранее знал, чувствовал, что игра не будет получаться. А потом настроение одного хоккеиста переходит и к другим спортсменам, и к добру такая история не приводит.

Когда же я вернулся из отпуска, меня ждал сюрприз. Капустина убедили в необходимости создания звена для сборной страны, как мы говорим, «на базе» Жлуктова. Убедили руководители Спорткомитета СССР. Доказали ему, что это отвечает интересам сборной.

Но о том, как играла эта тройка, как она восходила и как спускалась с вершины, я расскажу позже.

При первой же встрече лишь коротко рассказал о плане действий и очертил круг задач, стоящих перед нами. Они, признаюсь, не были оригинальны или хотя бы новы для команды ЦСКА. Те же самые, ежегодно повторяющиеся задачи — выиграть Кубок европейских чемпионов, чемпионат страны, дать максимум игроков в сборную команду страны, которой предстоит последовательно выиграть турниры на призы газет «Руде право» и «Известия», а потом и главное соревнование года — чемпионат мира 1978 года в Праге. Но эти задачи были новыми для… тренера. Они не были привычны для меня: я впервые начинал сезон с командой, которая не может позволить себе занять второе место хотя бы в одном турнире.

Обо мне говорят, что по натуре я максималист. Что на полпути не останавливаюсь и «половинками» не довольствуюсь. Что максималист не только в требованиях, в задачах, но и в отношении к делу. Пожалуй, это верно.

А поскольку в ЦСКА задачи всегда были максимальными, то здесь никакого расхождения между мною и командой не ожидалось.

Начало оптимистическим при всем желании назвать не могу. Встретили меня настороженно. Поначалу проверяли на крепость.

В первые недели работы я не знал еще толком, какую тяжкую ношу принимаю на себя.

Регулярно бывая на матчах армейцев, я, видимо, замечал больше, чем рядовой болельщик, наблюдающий за матчем с трибуны. В частности, я видел, что в последние годы армейцы играют, как правило, всего полтора периода, что не так, как кажется на первый взгляд, велика атлетическая мощь команды, что не всегда хоккеисты умеют сменить по ходу матча тактику, что…

Припомните чемпионаты страны тех лет.

Команда ЦСКА, имея неоспоримое преимущество по многим компонентам игры, по подбору игроков, дважды уступает первое место. Сначала «Спартаку», а через год — «Крыльям Советов». Почему? В игре ЦСКА в целом и ведущих хоккеистов тех лет в частности четко просматривается тенденция — действовать так, чтобы сохранить преимущество, добытое в первом периоде. Если же соперник «раскроется», пытаясь сравнять счет, отыграться, то можно «наказать» его, используя стремительные контратаки, благо в мастерстве армейцы заметно превосходили соперников.

Лидеры команды не играли матч в полную силу с начала и до

конца. Не играли они с максимальной отдачей и весь сезон, нарушая тем самым лучшие традиции своего клуба.

Появилась вредная, с моей точки зрения, философия (кстати, ее поддерживали и некоторые журналисты, не критически, очевидно, прислушивающиеся к тренерам), суть которой заключалась в том, что лидеры устают, что их надо поберечь, что талантам требуется особый, индивидуальный режим.

Я вспоминал уже, как были освобождены от участия в первом Кубке Канады ведущие игроки сборной.

Читатели, видимо, помнят, сколько раз писалось о том, что устал Владислав Третьяк, что нельзя выставлять его на матчи так часто, что ему нужен отдых. К счастью, ни двадцатидвухлетний, ни двадцатишестилетний Третьяк отдыха, насколько я знаю, не просил, и, конечно же, правы были и Тарасов, и Кулагин, и Локтев, что не заменяли Владислава без нужды. Выдающийся вратарь так и не приучился играть вполсилы.

Но Третьяк был исключением. Счастливым исключением. Другие ведущие игроки настаивали на своем, что и привело в конечном результате к тому, что выдающиеся мастера стали выступать неровно, нестабильно.

Создалось ложное, неверное в своей сути впечатление, что во всесоюзном чемпионате возросла конкуренция, что на звание первой команды претендуют несколько клубов.

А дело было в ином. Исчез общепризнанный лидер хоккея.

На кого следовало равняться хоккейным командам высшей лиги? На чемпиона тех лет — на «Крылья Советов»?

Лидер, как я понимаю, это команда, которая воплощает в себе, в своей игре лучшие черты и сегодняшнего, и завтрашнего хоккея, команда, которая открывает будущее, приближает его. И если соперники побеждают такого вот мощного лидера, то тогда можно говорить о силе и других команд.

Одним словом, работы новому тренеру ЦСКА, по моим впечатлениям, было часов на восемнадцать в сутки.

Команда ЦСКА призвана оставаться лидером нашего хоккея. Она должна быть бесспорным лидером. На нее ориентируются уже и по традиции. От нее постоянно ждут нового слова. Но какими должны быть ориентиры, которые призвана показывать всем остальным клубам ведущая армейская команда? Отличная физическая подготовка. Высочайшее техническое мастерство и постоянное его совершенствование. Безукоризненная тактическая грамотность, превосходное тактическое образование всех игроков. Характер, воля, иными словами, умение сражаться на льду до конца, не опуская руки при неудачно складывающемся матче. Психологическая готовность каждого игрока

выкладываться в каждом поединке. Настрой только на победу — в каждом, повторяю, матче.

Наверное, кто-то из читателей удивится: получил Тихонов команду, о которой можно только мечтать, и тем не менее постоянно выражает недовольство то тем, то другим. А ведь это тот самый знаменитый клуб, на котором всегда держалась сборная. Почему же специалист, работавший прежде лишь с одной командой высшей лиги — с рижской, все время чем-то недоволен? А ведь, наверное, ЦСКА все-таки посильнее, чем рижский клуб.

ЦСКА и в самом деле знаменитый клуб, прекрасная, первоклассная команда. И я долго сомневался, переходить ли мне в ЦСКА. Тревожила мысль: смогу ли я справиться с двумя первоклассными командами? Ведь у меня не было опыта постоянной работы ни с одной из них.

Когда после окончания чемпионата мира 1977 года меня пригласили в Москву и сообщили, что решено поручить мне работу со сборной командой Советского Союза, я отказался. Я считал возможным совмещать две другие должности — старшего тренера сборной СССР и старшего тренера рижского «Динамо».

Я не хотел покидать команду, с которой работал девять лет. Ну а кроме того, боялся не справиться с двумя новыми для меня чрезвычайно сложными коллективами. Опасался, признаться, что «завалю» обе первоклассные команды. Но в конце концов после долгих размышлений, сомнений, переговоров согласился на обе новые должности.

1 июня 1977 года газета «Советская молодежь» поместила мое открытое письмо латвийским любителям хоккея:

«Дорогие друзья!

Я обращаюсь к вам в трудную для меня минуту.

Девять лет мы с вами делили радости и печали. На всем девятилетнем пути становления и роста нашей команды вы своей преданностью, требовательностью, пониманием современного хоккея помогали нашему рижскому «Динамо». В стремительном взлете команды от второй лиги к четвертому месту среди сильнейших команд страны заслуга принадлежит не только нашим замечательным, преданным своему клубу и спорту ребятам, но и вам, болельщикам. Ваш активный отклик на все, что происходило в команде, способствовал росту наших хоккеистов, не позволял нам останавливаться на достигнутом…

Все наши достижения — это и ваши достижения, друзья!

Для меня эти девять лет — самые плодотворные, самые интересные, самые счастливые годы жизни. В Риге я впервые стал старшим тренером команды, получил широкие возможности для

по-настоящему самостоятельной творческой работы.

И вот настала трудная для меня минута: я уезжаю из Риги. Спортивное руководство страны сочло необходимым доверить мне пост старшего тренера первой сборной Советского Союза. Одновременно я назначен старшим тренером ЦСКА. Последнее решение вызвано тем, что ЦСКА является базовой командой сборной. Решено также перевести в армейский клуб и Хелмута Балдериса. Цель этого перевода — создание нового ударного звена для сборной страны.

Трудно передать, как больно мне расставаться с родной командой. Это все равно, что расстаться со своим ребенком, в жилах которого течет твоя кровь, которого вынянчил, вырастил, в которого вложил свою душу, сердце, ум — все лучшее, что у тебя есть. Можно ли вот так просто оставить свое дитя? Конечно, нет. Когда я был на приеме у руководства в Москве, я так и заявил. Я сказал, что отныне у меня три команды: сборная, ЦСКА и рижское «Динамо». Мое заявление о том, что я буду поддерживать постоянную связь с моим родным коллективом, регулярно приезжать в Ригу для консультаций и помощи новому руководству команды, встретило понимание и одобрение. Больше того, я получил заверения в том, что рижскому «Динамо» будет оказана поддержка и помощь со стороны спортивного руководства страны на самом высоком уровне.

В команде остается тренером Эвалд Грабовский. Вы его хорошо знаете. Не сомневаюсь, он сделает все возможное, чтобы продолжить и развить прекрасные традиции рижского «Динамо» — самой трудолюбивой, самой дисциплинированной команды нашего хоккея (поверьте, это не громкая фраза, а бесспорный факт).

Но все усилия нового руководства коллектива могут оказаться бесплодными, если вы, болельщики хоккея, не окажете ему поддержки. Вы даже не представляете себе, как много значит для игроков и тренеров ваше участие! Как окрыляет команду ваша помощь! Так будьте же настоящими патриотами рижского «Динамо», славного своими традициями латвийского хоккея!

Что же касается меня, то можете считать меня нештатным тренером команды. Сердцем я остаюсь с вами».

Не принимал и не принимаю иронии по поводу того, что, работая в Риге, я как будто бы привык к чему-то особому… Нет, не к особому. К норме. Привык к норме. К тому, что хоккеисты могут играть равно хорошо и начальные минуты матча, и остаток последнего периода. Одаренность Петрова или, скажем, Гусева была несравненно выше, чем у лидеров рижан. Но если бы Петров и Гусев не только в молодости, а из года в год, в течение многих сезонов, работали так, как требует этого сегодняшний хоккей,

они играли бы еще сильнее и дольше, — в этом я абсолютно уверен.

Как и все люди, связанные с хоккеем, я немало слышал, разумеется, о «железном» Тарасове, о его неслыханно твердом характере, о «железной» дисциплине в армейском клубе. Впрочем, не только слышал о Тарасове, но и знаю его уже много лет.

Уверяю читателя, что ничего этого не было в том ЦСКА, в который попал я. Не было не только «железной» дисциплины, но и элементарной — с точки зрения требований, принятых в современном спорте.

Для меня, повторяю, дисциплина — это и поведение в быту, и дисциплина игровая.

Все эти проблемы тесно связаны одна с другой, и вычленить их можно только в послематчевом анализе. Они нерасторжимы в практике. В спорте. В жизни.

Тактическое образование — это не только тактическая эрудиция игроков, их умение разобраться в том, что происходит на льду. Не только готовность найти ключи к любой тактической схеме, предложенной соперником, но и неукоснительное, точное исполнение заданий на матч, строгая игровая дисциплина, исключающая казацкую вольницу, какой-либо анархизм на поле.

Разумеется, следование плану, выполнение тактического задания не только не исключает, но и предполагает импровизацию, творчество, неустанный поиск.

В спортклубе ЦСКА все, кажется, соглашались, что Тихонов занял в общем правильную позицию. Именно в общем. Ибо когда речь шла не об общих декларациях, не о перспективных планах и принципах, которым, по мнению тренера, должна следовать команда, но о конкретных людях, в том числе знаменитых, нужных команде для ее боеспособности, взгляды руководителей менялись. Мои решения вызывали недоумение и протесты.

Я убеждал хоккеистов, уговаривал их, просил подумать о судьбе команды и о собственной судьбе. Терпел многое. Долго терпел. Но наступало время, когда просьбы и уговоры уже не действовали, когда терпение было исчерпано.

И тотчас же возникали сложности. Меня не понимали. Друзья, далекие от спорта, спрашивали не раз:

— Ну почему вы, в ЦСКА, должны выносить сор из избы, когда рядом, в команде ваших соперников, за такие же проступки игрока наказывают тихо, стремятся все-таки сохранить его для команды, хотя проступки бывают там и более тяжкие?…

Отвечал:

— А может быть, и они возьмут с нас пример? Кто-то же должен начать?… Мы будем наводить порядок, даже если все об

этом будут знать, даже если нас за это будут не просто критиковать, но и ругать. Даже если надо мною станут насмехаться… Но мы добьемся, что с нас будут брать пример…

Я был непреклонен, ибо убежден, что сильный коллектив может себе позволить выносить сор из избы, его нравственному здоровью не опасны никакие критические перетряски и переоценки. Что же касается позиции тренера… Стараюсь не забывать, что тренер отвечает не только за очки, набранные его командой, не только за сегодняшнюю игру и поведение спортсмена вне площадки, но и за то, каким этот спортсмен будет в будущем, каким человеком он станет.

Было бы неверно рассматривать мою работу в ЦСКА как деятельность, направленную на некую кардинальную ревизию, на решительный пересмотр всего того, что было найдено, накоплено, создано прежними тренерами. Конечно же, нет! Я опирался на лучшие традиции ЦСКА, где на протяжении десятилетий спортсменов приучали трудиться самоотверженно, истово, с полной отдачей сил, где со времен Тарасова существовал закон — играть с первой и до последней минуты, где молодежь воспитывалась в духе патриотизма, истинного товарищества, где, наконец, многие годы стремились не останавливаться на достигнутом, но неустанно искать возможности и пути усиления игры.

Говоря о недостатках в игре армейцев, вовсе не собираюсь упрекать за это кого-то из тренеров, работавших в ЦСКА. Тем более Анатолия Владимировича Тарасова: ко времени моего перехода уже несколько лет команда готовилась к сезонам и играла без него.

Дело в ином. На мой взгляд, в мировом хоккее самые большие изменения происходили именно в середине 70-х годов. Между прочим, и потому, что именно тогда начались регулярные встречи с профессионалами. Успехи советского хоккея, приумноженные в матчах с соперниками из канадо-американских клубов, еще более повысили интерес к нашей школе игры. Нас внимательно изучали, стараясь определить, за счет каких качеств побеждают сборная СССР и московские клубы.

К сожалению, мы не обратили внимания на этот пристальный интерес к нашему хоккею. Непрерывные победы успокоили и игроков, и тренеров, и требовательность к своей подготовке, к совершенствованию игры была снижена.

Замечу здесь же, что резко сдали наши игроки, в том числе и многие ведущие, и в морально-волевом плане, этом важнейшем компоненте современного хоккея.

Пожалуй, наиболее заметным было отставание в тактической

подготовке хоккеистов, даже и ведущих.

Команду ЦСКА издавна упрекали, что она играет только в тактике силового давления: мнет, как паровой каток, соперников с самого первого вбрасывания, и мастерство игроков, в конце концов, решает исход матча. Так бывало. Но это высокое мастерство порой само по себе успеха не приносило. Наталкиваясь на хорошо организованную оборону, армейцы не могли ее сломить, а умения для ее преодоления не хватало.

Терялась уверенность, действия приобретали хаотический характер, все бросались «спасать» команду, брали игру на себя, сбиваясь на индивидуальные действия.

Летом мы проводили занятия по тактике — в классе и на льду — и хоккеисты выражали неудовольствие вслух:

— Мы все это знаем… Все умеем… Теория важна, но важнее практика, а мы пока — сильнейшие в мире…

Приходилось напоминать, что сильнейшие — чемпионы мира, а мы два раза подряд уступали этот титул. Возражения не заставляли себя ждать:

— Это — игра. В игре случается всякое… А если бы Балдерис забил, когда выскочил один на один с чехословацким вратарем, то… А если бы мы не проиграли второй матч шведам, где мы были не хуже, то…

Спорил. Говорил, что в спорте исход борьбы решают реальные факты. Забитые голы. Выигранные матчи.

Помог мне первый же выезд на товарищеские матчи. Как и летом 1983 года, летом 1977-го ЦСКА провел серию контрольных поединков в ФРГ. Там устроили турнир, приглашены были и чехословацкие хоккеисты.

И вот встречаемся с соперниками из ЧССР.

Первый период. Чехословацкая команда играет в тактике силового давления. У нас ничего не получается. С трудом выходим из своей зоны. Не успеваем раскатиться. Нет первого паса.

В перерыве разбираем ход борьбы. Подсказываю, как, в каком ключе надо играть против соперника, чтобы прорвать его оборону.

Начинается второй период. И сразу же выясняется, что соперник изменил тактику. Отказался от силового давления. Взял на вооружение прессинг.

Следующий перерыв ушел на анализ и выработку плана действий в условиях прессинга.

Начался третий период, и соперник снова заиграл иначе. Видимо, сил уже было меньше, и чехословацкие хоккеисты, откатившись назад, выстраивали рубеж обороны на синей линии,

пытались поймать нас на контратаке.

Это была помощь мне словно по заказу. Армейцы воочию, на собственном опыте убедились, насколько тактически искусен соперник (и не сборная страны, а рядовой клуб!), насколько трудно отыскать ключи, которые позволили бы приоткрыть оборону соперника, легко и весьма квалифицированно меняющего по ходу матча рисунок своей игры.

Перечитываю и в пятый, и в десятый раз то, что написано, отредактировано, поправлено и снова отредактировано, понимаю читателя, который недоумевает, но ничего исправлять не хочу, да и не могу.

Все было точно так, как рассказано на этих страницах. У знаменитого, славного своей историей клуба, двадцатикратного чемпиона страны были проблемы. Немало проблем. Уточнять, выправлять надо было многое.

В команде играли опытнейшие хоккеисты, давно сложившиеся мастера, с устоявшимися воззрениями, и переубедить их, переговорить было, пожалуй, невозможно. Разговоры грозили быть бесконечными и безрезультатными.

Изменить ситуацию, настроения игроков, не склонных что-либо менять, могли только реальные факты. Только серьезный и вдумчивый анализ положения дел в команде, анализ каждого матча, выигранного и проигранного, анализ действий в каждом периоде, в каждом игровом отрезке. Анализ убедительный, доброжелательный, аргументированный.

Предстоял солидный объем работы. Не с одним каким-то «трудным» хоккеистом. С командой, которую никто и никогда, в том числе и я, не относил к числу «трудных».

Программа, предложенная команде, стала серьезным испытанием, и не все с ним справлялись. Были тому разные причины. И разные объяснения. Молодым хоккеистам, недавним новобранцам команды, справиться с предложенным объемом работы было трудно, поскольку им недоставало подготовки. Многоопытным мастерам тяжко было из-за возраста. Некоторые могли справиться с любыми заданиями тренера, но не хотели тренироваться с полной отдачей сил и потому порой увиливали от работы.

Тон здесь задавал Владимир Петров. Едва начались серьезные тренировки, как он обратился к врачу. Я слышал, что Володя и раньше не проходил полностью подготовительный период. Как только начинался базовый цикл подготовки, он тотчас же жаловался на недомогание.

Согласитесь, это не могло не вносить в работу тренеров определенные трудности. Легко ли управлять коллективом, в

котором кто-то желает со стороны наблюдать за подготовкой, за учебной деятельностью товарищей. Нагрузки солидны, и еще у кого-то может появиться искушение последовать примеру более опытного товарища.

Позже Петров, хоккеист, щедро одаренный природой, наверстывал, добирал на площадке, в матчах чемпионата страны упущенное летом и в начале осени, но в скольких матчах он играл значительно хуже, чем мог бы, в скольких матчах его слабую предсезонную подготовку должны были компенсировать Борис Михайлов и Валерий Харламов, «отрабатывавшие» за своего центрфорварда.

Такая позиция игрока, стремившегося быть «над всеми», порождала конфликтные ситуации в команде.

Владимир говорил мне: «Я знаю лучше всех, сколько мне надо тренироваться». Или: «Я могу нарушать спортивный режим, на мне это не отражается». И выдвигал главный, с его точки зрения, аргумент: «У меня свои взгляды на хоккей, на тренировки».

Замечу, что у всех выдающихся хоккеистов есть свои взгляды на хоккей, которые они горячо отстаивают. Это хорошо. И если кому-то из игроков удается убедить меня в своей правоте, я соглашаюсь, ничуть не опасаясь, что это подорвет мой авторитет. Собственное мнение может и должен иметь каждый. Но истинность мнения всегда проверяется практикой. И если практика не подтверждает особую точку зрения, то, кажется мне, есть смысл взглянуть на нее более критически, есть смысл прислушаться к мнению другой стороны.

Петров вел себя в коллективе как отдельный коллектив.

Конечно, все выдающиеся спортсмены, а Владимир, безусловно, был прекрасным хоккеистом, — сложные личности. Их необычность и создает их неповторимость. Но в любом коллективе есть свои законы, нарушать которые не позволено никому, даже самым ярким личностям, даже лидерам этого коллектива. Для Петрова же всегда самым интересным и самым главным было его «я».

Работать с Петровым оказывалось непросто.

Не потому, что трудно было с ним справиться, приструнить его. Главная задача заключалась в ином — Петров был нужен тренеру как помощник. Он призван был играть важнейшую роль в жизнедеятельности коллектива: вместе с Борисом Михайловым и Владиславом Третьяком, с Валерием Харламовым и Геннадием Цыганковым, с Владимиром Лутченко и Владимиром Викуловым ему предстояло опекать, учить молодых, передавать им традиции ЦСКА, сохраняя за командой из года в год звание чемпиона.

Убежден, что сейчас, работая вторым тренером ленинградского СКА, он не позволит кому-либо из своих воспитанников занимать такие позиции, которые отстаивал он сам, играя в ЦСКА. Понятно, что для публичного признания в пересмотре своих взглядов требуется немалая смелость, но я верю, что Владимир рано или поздно такой шаг сделает. Большому мастеру многое по плечу.

Работая уже с новым тренером, армейцы какое-то время по-прежнему мысленно возвращались в прошлое. Вспоминали прежних своих тренеров.

Не раз слышал я, как меня сравнивают с Тарасовым.

Странная затея!

Как бы ни был силен Тарасов, я ведь не могу его повторить. Мы — разные. Да и не может быть уже возвращения к принципам и методам работы Анатолия Владимировича. Время ушло. И хоккей сегодня иной, и требования к хоккеистам иные. И если бы вернулся я в Ригу, то команда работала бы с новым Тихоновым, не с тем, с каким прощалась она в 1977 году.

Команда постепенно привыкла к новому тренеру и — главное — к новым принципам и требованиям, к новому режиму работы. Неожиданно у меня появились и союзники. Правда, стараясь помочь мне, поддержать меня, они порой перегибали палку.

Когда один из руководителей перешел в «мой лагерь», поверил, что требования тренера не причуды, что и вправду хорошо бы навести в команде порядок, он с изумлением спросил меня:

— Что же, вы и с Петровым воевать собираетесь? Зряшное это дело и неперспективное. С ним сражались и Тарасов, и Кулагин, и Локтев, и все впустую… Так что если вы действительно хотите решительных мер, то вам надо именно Петрова в первую очередь гнать… Тогда и остальные, менее знаменитые, задумаются…

Признаться, я тогда даже чуть опешил.

— Нет, — объяснил я, — вопрос так не стоит… Прежде чем принять решение о судьбе того или иного спортсмена, я должен ближе познакомиться с ним. В повседневном общении. Не на собрании. Отношения нового тренера с командой складываются в работе. В черновой работе. Пройдет несколько месяцев, проведем мы десятки тренировок — тогда и решать можно будет, не боясь ошибиться… А первые впечатления могут быть и обманчивыми…

Думаю, это очевидно: прежде чем судить о человеке, надобно разобраться в нем. Самому. На основе личных наблюдений и собственных отношений с этим человеком, а не на основе рассказов, пусть и самых достоверных.

Ну а если тот или иной человек не может не насторожить,

если и вправду дурные его качества очевидны? Расставаться с ним? Стоп! Подождем с выводами. Тем более с «оргвыводами».

За время работы в должности тренера у меня накопился немалый уже опыт, которому я и следую. Стремлюсь максимально использовать в интересах команды всех игроков, пусть даже с трудным или просто с дурным характером. Характер не есть что-то данное раз и навсегда, бывает, и характеры меняются, мягчают, улучшаются.

О своих требованиях я говорил команде не потому, что хотел с кем-то расстаться, а потому что должен был познакомить ребят с собственными взглядами на отношение к делу.

Конечно, я с самого начала слышал дурные отзывы о двух-трех игроках, но я хотел разобраться с ними сам. Все то же правило: если не будет к ним претензий, то вся их прежняя дурная репутация останется для меня не более чем печальным эпизодом из их прошлого, которое сегодня они сумели преодолеть.

Равная ответственность

Начиная работать в ЦСКА, не уставал напоминать, что тренер и хоккеисты — единое целое. У них равная ответственность за все, чем живет коллектив и что в нем происходит.

Если команда проиграла, то виноваты в этом, считаю я, не только те, кто был на поле, но и тренеры.

Часто спортсмены крайне болезненно воспринимают оценку, которую их игре дают в печати тренеры. Как правило, это происходит, если тренер непоследователен в своих суждениях. Если неясны критерии его оценок. Если он руководствуется в своей оценке только результатом: выигран матч — все хорошо и все хороши; проигран — надо отыскать «стрелочника» среди спортсменов — главного виновника неудачи.

Полагаю, что такое отношение тренера к делу свидетельствует о его недостаточной квалификации в целом и о том, что он неважный педагог в частности. Оценки, конечно же, должны быть неизменно объективными. В них должны отражаться общее направление и цель работы тренера и коллектива. Плохие оценки за игру в матче не должны быть жестом отчаяния тренера, выражением его разочарования или дурного настроения. Тренеры ЦСКА стараются всегда точно оценивать действия отдельных игроков и всей команды. Невысокий балл свидетельствует, что

хоккеист допускал ошибки, тактические или технические, что он дрогнул, испугался соперника или не сумел, не заставил себя бороться, играть через «не могу». Плохие оценки могут быть выставлены даже при крупной победе команды, даже тому спортсмену, который не проиграл свои микроматчи, но действовал с промахами или просто ниже своих возможностей, ниже своего уровня игры.

Говорят, победителя не судят. Мне эта формула не по душе.

Но в то же время тренеры должны признавать и собственные ошибки. Тогда исчезнет почва для мрачного афоризма: выигрывает команда, проигрывает тренер. Тогда ответственность будет равной.

Идет матч. И нервная, и физическая энергия, расходуемая тренером за матч, сопоставима с той, которую тратят спортсмены. Во время чемпионата мира я, например, худею на 5-6 килограммов. Журналисты писали об этом едва ли не с удивлением. Но удивляться, право же, нечему. Я — тоже на льду, в борьбе. А если я не играю, не живу тем, что делают игроки на площадке, то и они не играют.

Глубоко переживаю все, что происходит на льду. К сожалению, миллионы телезрителей имеют возможность это наблюдать, ведь в последние годы едва ли не каждый матч ЦСКА (про сборную страны и не говорю) транслируется по Центральному телевидению. Мне кажется, что телевидение поступает не слишком корректно, показывая в такие моменты тренера, да еще крупным планом.

Эмоции тренера понятны: они сродни эмоциям спортсменов. И может быть, я понимаю игроков прежде всего поэтому.

Как-то один журналист спросил меня, почему я стою не сбоку или сзади своих игроков, как, например, канадские тренеры, а всегда впереди. Дело в том, что мне надо видеть глаза хоккеистов. По ним я могу многое определить. Иной раз только посмотришь на хоккеиста и сразу понимаешь: он может сделать то, что необходимо сейчас.

А бывает ли так, что ошибка тренера влияет на исход матча или турнира? К сожалению, бывает. И часто. Неверная методика подготовки команды, неправильно выбранный на матч, на турнир состав, ошибочная тактика, предложенная тренером… Одним словом, у нас немало возможностей проявить, зарекомендовать себя с самой лучшей стороны, но еще больше поводов для ошибок. Вот почему я считаю, что тренер в равной мере ответствен и за поражение, и за победу: именно он сформировал команду, подготовил ее к сезону, определил наилучшую, с его точки зрения, тактику для каждого хоккеиста и каждого звена,

составленного им по своему усмотрению. Именно он, тренер, нашел (или не нашел) пути к воротам соперника и изыскал (или не изыскал) возможности создать неприступные бастионы около собственных ворот.

Распределение заслуг должно быть справедливым, тогда и будут понимать хоккеисты своего тренера, будут принимать его критику. И хотя всегда неприятно выслушивать критику, хотя нелегко согласиться даже с явно справедливыми упреками, с самыми правильными оценками, задевающими самолюбие, — так уж человек устроен, но в конце концов, честную, справедливую оценку игроки понимают и принимают.

НА ПОЛПУТИ К СЕБЕ

Четыре звена сборной

Однажды меня спросили:

— Вы старший тренер двух команд — ЦСКА и сборной страны. С какой командой легче работать?…

Ответить я не смог. Работа со сборной неизмеримо ответственнее. А где легче, где труднее…

Объяснял уже не однажды, что мне трудно разделить эти заботы: я еще со сборной, а мысли уже тянутся в ЦСКА. И наоборот, ЦСКА играет в чемпионате, но приближается работа со сборной, и я невольно отвлекаюсь от сегодняшних забот и начинаю задумываться о делах сборной, смотрю за кандидатами из других клубов.

В сборной я решаю те же проблемы, что и в армейской нашей команде.

Сборная СССР переходила на игру в четыре звена уже после того, как костяк ее, хоккеисты ЦСКА, в течение нескольких недель тренировались, а затем и играли в четыре звена.

Подготовительный этап работы сборной строился именно на таких принципах ведения матча. Но на подготовительные сборы приглашается больше игроков, чем требуется национальной команде. Потому здесь тренировки и прикидки в четыре звена были в какой-то мере даже более понятными: шло соперничество за право попасть в сборную и естественным представлялось желание тренеров попробовать, проверить как можно больше кандидатов. Тем более что в сборную пришел новый тренер.

Количество звеньев — целых пятерок, в которых вместе с тройками нападающих постоянно играли определенные пары защитников, превышало четыре. Тренировались мы в новом режиме, планируя игру не в три, а в четыре звена. На общих собраниях и беседах с отдельными игроками, на теоретических занятиях, в тренировках на льду, где обсуждались и уточнялись задачи и цели, которые ставятся как перед всей командой, так и перед тем или иным звеном, разъяснялись, естественно, и мотивы, которыми руководствуются тренеры, стремясь перейти к игре с четырьмя звеньями.

Я напоминал ребятам, что система эта проверялась на всех этажах нашего хоккея — в командах, с которыми я работал и во второй, и в первой, а затем и в высшей лиге, проверялась и

утверждалась сначала в рижском «Динамо», позже в армейском клубе, однако игроки сборной, как и несколькими месяцами ранее игроки ЦСКА, сомневались в полезности новой для них идеи. Но был у хоккеистов главной команды страны и другой аргумент: то, что позволительно ЦСКА в матчах первенства страны, где армейцы могут выигрывать, когда надо, и в два звена, невозможно использовать в рамках чемпионата мира, где соперники у сборной сильнее и опаснее, чем у ЦСКА во внутреннем нашем первенстве. Во-вторых, говорили мне, допустимо, что чаще, чем обычно, остаются на скамье запасных игроки не самого высокого класса, так сказать, «середнячки», но если речь идет о хоккеистах сборной, то это неправильно, расточительно: нельзя не использовать мастерство ведущих. Оппоненты мои забывали, что именно в ЦСКА играют самые высококлассные мастера и тем не менее мы уже с ними условились, что и они будут играть в том же режиме, что и остальные хоккеисты.

Подчеркиваю, речь идет об игровом режиме, а не только об очередности выхода на лед. Не о формальном «равноправии», но о существе дела. Ведь бывает и так, что все четыре звена поочередно выходят на лед, но четвертая пятерка проводит на льду по 15-20 секунд, а первая — более чем полторы минуты.

Другие аргументы против игры в четыре звена были уже хорошо мне знакомы. Первый — «не наигрываемся», второй — «остываем», третий — «ведущие игроки привыкли играть в клубах чаще и потому, выходя на лед реже, не успевают показать сполна свою игру».

О последнем аргументе мы поговорим позже, ибо одна из моих целей заключалась и заключается как раз в том, чтобы не было такого понятия — «ведущие игроки», «ударная тройка». Мечта тренера — иметь такую команду, где все звенья ударные. Все хоккеисты, выходящие на лед, должны приносить результат: забивать голы и надежно защищаться.

Ключ к успеху — тактика

Как начинал я разговоры о том, что у хоккеистов сборной страны мал багаж тактических знаний?

Понятно, что я не мог прямо вот так взять и заявить об этом во всеуслышание спортсменам. Они бы меня просто не поняли. Не поверили. Сказали бы или подумали про себя, что тренер

чудит. Они, многократные чемпионы, и вдруг чего-то не знают в тактике игры.

Нет, не поверили бы.

У болельщиков принято считать, что в тактике хоккея особых секретов нет. Подумаешь нашли хитрость — взял шайбу да мчись к воротам. Что тут изобретать!

Таких взглядов придерживаются, к сожалению, не только люди, малосведущие в хоккее. Оценкам тактической подготовки команды иногда можно диву даваться. Приведу одну цитату.

Рассказывая на страницах газеты «Советская Россия» в «Хоккейном обозрении» о матчах команд первой (специально подчеркнул это слово) лиги, мастер спорта международного класса Валентин Козин, анализируя игру команд, пишет, в частное и, следующее: «Не избежала турнирных потерь и «Сибирь», клуб, который в принципе обладает совершенной тактической и технической подготовкой».

Вот и нашлась идеальная команда! Мне ни разу не приходилось видеть команду, обладающую совершенной тактической и технической подготовкой. Хотя видел я и сборную СССР, и команду «всех звезд» НХЛ, и национальные команды Чехословакии и Швеции.

Да и может ли существовать такая команда? Всем овладели в совершенстве, — стало быть, и тренироваться, работать более незачем, не так ли?

Иронизировать над такими рассуждениями можно сколько угодно, но, право, не стоит. Это, увы, распространенная точка зрения.

Еще только начиная свою самостоятельную работу, я внимательно следил за тем, что происходит на верхних этажах мирового хоккея. Ездил туристом на чемпионаты мира, иногда пробивался в группу журналистов, отрабатывая свое место в группе регулярными репортажами в республиканскую газету. Смотрел, кто как играет, прикидывал, у кого что следовало бы взять. Смотрел критически. Это непременное условие работы, иначе попадешь под чье-то влияние и успеха ни за что не добьешься — копия и останется копией, как бы превосходно ни была она выполнена.

Приезжая на чемпионаты мира, смотрел матчи не только лидеров, но и аутсайдеров. Важно ведь не только заметить то, что можно принять, важно точно знать, что для тебя, для твоей команды неприемлемо. И даже матч команд, ни на что, в сущности, не претендующих, чему-то учил меня, заставляя думать, сравнивать, делать выводы. В этих наблюдениях вырабатывались весомые аргументы для критики.

Наша сборная не только в самые печальные для нее два подряд года, когда были проиграны чемпионаты мира, но и раньше, в середине 70-х, в годы радостных побед, не раз попадала в тупик, обнаруживая неумение преодолеть грамотно построенную оборону соперника. Любители хоккея без труда вспомнят матчи с командами Чехословакии и Швеции.

Хочу процитировать Вячеслава Колоскова, кандидата наук, знатока нашей игры, работавшего в то время начальником Управления хоккея Спорткомитета СССР. Колосков писал в газете «Советский спорт» от 1 октября 1977 года:

«Одна из главных причин наших поражений на двух последних чемпионатах мира — тактическая бедность. Как правило, все звенья сборной СССР и в Катовице, и в Вене играли в одном тактическом ключе, не ставя перед соперниками никаких загадок, в то время как команды Швеции и ЧССР гибко использовали различные тактические варианты. Например, в Вене в первом матче с нашей командой шведы умело прессинговали по всей площадке. Не отказались они от прессинга и в повторной встрече, хотя на этот раз, учитывая усталость своих игроков, тренер Линдберг ограничил их активные действия двумя зонами — своей и нейтральной.

Разнообразили игру и хоккеисты ЧССР: не отказавшись от излюбленной тактики игры от обороны, чемпионы мира, кроме того, в зависимости от хода матча прибегали и к прессингу, и к тактике силового давления.

Естественно, возникает вопрос: как же случилось, что советские хоккеисты, долгое время диктовавшие моду в мировом любительском хоккее, вдруг оказались на вторых ролях? Прежде всего, думается, наши игроки и тренеры несколько самоуспокоились: мы, мол, сильнейшие, так что пусть соперники учатся у нас, а не мы у них. И соперники действительно стали пытливо изучать наш хоккей — и тактику игры, и организацию учебно-тренировочного процесса, и физическую подготовку, и психологический настрой. И, главное, все новое творчески использовали у себя: кропотливейший анализ позволил им выявить не только достоинства, но и недостатки в игре советских хоккеистов, сделать из этого правильные выводы, найти противоядие.

Наши же тренеры сборной и клубов просмотрели новые тенденции в мировом хоккее, не заметили изменений в игре основных конкурентов. А изменения оказались существенными. Это и повышение атлетической подготовки игроков, и широкое использование новых тактических вариантов.

Во время пражского турнира (речь о турнире на приз «Руде

право». — *В. Т.*) в игре сборной СССР наметилось разнообразие. За основу была взята тактика силового давления. Однако в случае потери шайбы игроки тут же переходили к прессингу. В матчах с хозяевами были моменты, когда хоккеисты сборной СССР умело использовали игру на контратаках: встречая соперников у своей синей линии, они вынуждали их в основном пробрасывать шайбу в зону нападения. Защитники же нашей команды уже ждали этого приема, поэтому легко перехватывали шайбу и без задержки начинали острые контратаки.

Кроме того, тренеры сборной СССР в этом турнире попробовали вариант игры в четыре звена.

Но это только начало. Для того чтобы вернуть утраченные позиции, чтобы научиться уверенно побеждать любого соперника, надо решить еще много задач.

Прежде всего необходимо добиться, чтобы каждое звено имело свое тактическое лицо, причем могло бы в ходе матча перестраиваться, переходить от одного тактического варианта к другому».

Я видел в дни чемпионатов мира, с каким колоссальным трудом удавалось нам пробивать оборону не только сборной Чехословакии, но и сборной Швеции. Мы, конечно, побеждали чаще, порой и без особых трудностей. Особенно если нам удавалось сразу повести в счете, тем более с преимуществом в две шайбы. Соперник вынужден был в таких ситуациях «раскрываться», идти вперед и в образовавшиеся щели в оборонительных порядках наши хоккеисты проникали уже значительно легче. Порой же мы выигрывали лишь за счет того, что в нашей сборной было больше игроков высокого класса. Порой решающим аргументом в схватке становилась наша более высокая психологическая подготовка, наш характер. Еще раньше исход борьбы предопределяло наше преимущество в атлетической подготовке команды.

Но с каждым годом все труднее давались сборной победы, все чаще не могли советские игроки преодолеть сопротивление других претендентов на медали чемпионов мира.

Почему же наши мастера не могли подобрать ключи к оборонительным порядкам соперника? Да прежде всего потому, что мы не готовились заранее к штурму плотной, эшелонированной обороны. Не изучались и не наигрывались варианты преодоления защитных бастионов соперника.

Я рассказывал уже, как начиналась работа, направленная на повышение тактической грамотности хоккеистов ЦСКА, как нелегко было расширить и углубить тактическое «образование» игроков. Это было трудное время, потребовалось семь месяцев

непрерывной работы, чтобы армейцы смогли привыкнуть к тем заданиям, которые были продиктованы требованиями современного хоккея. Такого объема, связанного с изучением тактики игры, хоккеистам ЦСКА никогда прежде одолевать не приходилось. Но практика, факты заставили игроков взглянуть на этот компонент хоккея иначе. В предыдущей главе я вспоминал матч, сыгранный в ФРГ против одного из чехословацких клубов, в котором наши соперники продемонстрировали три варианта тактических построений в трех периодах одного матча в зависимости от задач, которые они перед собой ставили. Затем уже во встречах чемпионата страны армейцы не раз убеждались в том, насколько важно им знание тактики, умение грамотно и разнообразно строить свою игру.

«Повторением пройденного» стала для меня и работа со сборной страны. Здесь часто возникали те же самые проблемы.

Важно было, чтобы и сами игроки увидели, что тактика им необходима. Жизненно необходима. Можно, говорят, хотя я с этим не согласен, не обращать внимания на теорию, если команда выигрывает один турнир за другим, если преимущество ее и так очевидно. Но говорить более о превосходстве нашей сборной не приходилось.

И мы усердно учились.

Тактика — в основе своей — это коллективное мышление всей пятерки хоккеистов, находящихся на льду. Опаздывает на один только ход нападающий или защитник — передерживает он шайбу, отдает пас не тому партнеру, не успевает «открыться» для получения передачи, — и все пропало, атака сорвана, шайба потеряна. Снова надо начинать атаку с самого начала.

Построение атаки, возможности вскрытия хорошо организованной обороны мы изыскивали, отрабатывали, готовили на тренировках, в матчах первенства страны.

Удалось что-нибудь в этом плане тренерам сборной страны?

Думаю, да.

Уже после Кубка вызова, после чемпионата мира, который проходил весной 1979 года в Москве, тренер сборной Чехословакии Ян Старши и профессор Владимир Костка говорили, что они не предполагали, что сборная СССР за такой короткий промежуток времени сможет не только ликвидировать существенное отставание в тактике игры, но еще и сумеет выйти вперед.

Вообще, разговоры с Яном Старши оказались для меня любопытными. Неожиданными были, признаюсь, его наблюдения.

Однажды мой чехословацкий коллега сказал мне, что когда-то ему казалось, что наши тренеры серьезно работают над

шлифовкой искусства силовой борьбы, но потом он понял, что игра корпусом, смелость наших хоккеистов, их готовность ввязаться в жесткую борьбу — не плод закономерной тренировочной работы, а проявление русского характера, мужества наших хоккеистов.

Верное замечание. Я бывал и на тренировках сборной страны, и на занятиях своих коллег в других клубах, но ни на одной тренировке не видел, чтобы отрабатывались силовые приемы, — не думаю, чтобы коллеги «темнили» в те минуты, когда я заглядывал к ним. Скорее, у всех нас не хватает времени на отработку этого элемента хоккея.

Превосходство сходит на нет

Любители хоккея со стажем помнят многие матчи, выигранные нашей командой именно за счет преимущества в атлетизме. Не однажды случались ситуации, когда мы проигрывали, уступая соперникам в тактической подготовке, однако конечный итог матча был все-таки в нашу пользу. Объяснялось это тем, что советские хоккеисты просто-напросто «укатывали» соперника, превосходили его в объеме движения: в конце матча у грозных соперников не оставалось сил. А если к этому добавить наше замечательное умение бороться до конца, стойкость, то станет понятен оптимизм болельщиков: они верили, что, как бы ни складывалась игра, сборная СССР, в конце концов, переиграет любого соперника. Так и случалось. И происходило это потому, что советские тренеры, стоявшие у истоков отечественного хоккея, закладывавшие основы будущих побед, сумели разработать цельную и превосходно продуманную систему физической подготовки спортсменов.

Размышляя о современном хоккее, Анатолий Владимирович Тарасов писал недавно в «Советском спорте»: «Было время, когда мы опережали главных соперников лишь в отдельных компонентах и все же добивались успеха. Так, нашим исконным преимуществом был высокоразвитый атлетизм, что позволяло добиваться превосходства в сумме скоростного маневра и в игровой выносливости. На этом основывались и командные тактические построения».

Нет нужды рисовать наши достижения в розовых тонах, но тем не менее можно утверждать, что в этом слагаемом хоккея мы значительно опережали всех. Возможно, в нашей системе

атлетической подготовки и были какие-то слабые места, но у соперников в те давние уже времена подобной системы вообще не было, и равняться с нами не мог никто.

Победы сборной СССР стали отличным примером для наших соперников. Нас, как известно, внимательно изучают, наш опыт перенимают. Прошли годы, и чехословацкие, и шведские тренеры начали уделять столь же серьезное внимание этому важнейшему компоненту хоккея. Наконец, настало то время, когда соперники наверстали упущенное. А вот когда наверстали, то решающим аргументом в споре фаворитов мировых чемпионатов стала их тактическая подготовка, смышленость хоккеистов, умение игроков разобраться в том, что происходит на льду. Умение, с одной стороны, увидеть слабости в бастионах, которые возводит соперник на подступах к собственным воротам, а с другой — квалифицированно разобраться в том, как строит он атаку.

Преимущество в атлетизме наших мастеров сошло на нет. Уже на Кубке Канады в 1981 году мы встретились с новой, неожиданно непривычной для нас командой Чехословакии. Все, что традиционно составляло ее силу и мощь, сохранилось. Но появилось и нечто новое, что в первом матче и застало наших ребят врасплох. Новое поколение, пришедшее в команду ЧССР, ни в чем не уступало нам, если говорить об атлетической готовности команды. Пришли парни, которые начинали свой путь в большом хоккее семь-восемь лет назад. Они с 13 лет тренировались по хорошо продуманной системе физической подготовки, новые тренеры сборной Чехословакии стали смело вводить в свою систему подготовки и силовую борьбу, и этот, еще в юности заложенный фундамент стал тем основанием, на котором и возведено новое здание нынешней чехословацкой команды.

Наше былое преимущество в атлетизме исчезло не потому, что мы работали плохо, меньше, хотя, наверное, и в этом нас можно упрекнуть, а потому, что отлично работал соперник.

Но ведь так же удивили спортивный мир на последних чемпионатах мира и молодые финские хоккеисты, причем, как выяснилось, это еще далеко не все, чем располагают наши соперники из Финляндии.

В дни чемпионата мира 1983 года я встретился со старшим тренером сборной хозяев поля Алпо Сухоненом в нашем посольстве. Мой коллега рассказал, что он будет решительно менять состав национальной сборной. «По вашему примеру», — подчеркнул он. Сухонен работал с молодежной командой своей страны, она победила на чемпионате мира среди юниоров, с этими ребятами тренер и пришел в главную сборную, но на чемпионат мира 1983 года он везти их не рискнул, сделал ставку

на профессионалов, играющих за океаном, и ошибся. Потом свою ошибку признал.

Когда тренеров финской команды спросили, откуда вдруг такой высокий уровень атлетической подготовки, как объяснить эти скорости, умение команды вести борьбу до конца, выдерживать высокий темп до последней минуты, наставники сборной Финляндии ответили, что в национальную команду приглашены молодые ребята, тренеры которых 11 (!) лет назад стали уделять пристальное внимание разносторонней, в том числе и атлетической, подготовке юных спортсменов, что позволило им сегодня и каждый отдельный матч, и сезон в целом проводить на новом уровне.

В Финляндии перестроена вся система работы в детском хоккее. И это объясняет происшедшие перемены. Действительно, атлетическая мощь хоккеистов рождается не в десятке тренировок, она закладывается годами.

Но все это — в большей или меньшей мере — я замечал и ранее. Думал обо всем этом, разумеется, и прежде. Однако до сих пор я судил о мировом хоккее с точки зрения тренера клубной команды. С точки зрения тренера, работающего с рижским «Динамо». С клубом, который по принятым у нас меркам относился к разряду середняков. Правда, эта команда порой на равных играла с ЦСКА, делила с ним поровну в течение сезона очки. Подчас она доставляла немало огорчений и другим признанным лидерам нашего хоккея — столичным динамовцам и спартаковцам. Однако всерьез рижане на призовые места все-таки не замахивались, хотя, убежден, через пару сезонов мы могли бы составить настоящую конкуренцию лидерам.

Но сейчас речь идет о другом. О том, что не только команде, с которой я начинал работу, приходилось что-то менять. Менялся и я.

Мне надо было привыкать к иным критериям, к иным возможностям. К иной ответственности.

И если уходила в прошлое былая наша привилегия — отменная физическая подготовка игроков, то надо было думать о компенсации ее чем-то другим. Это была моя первоочередная задача.

Разумеется, атлетизм не единственный аргумент в современном хоккейном споре. Атлетическая подготовка лишь база, фундамент здания игры. Не менее важную роль играют, понятно, техническая и тактическая подготовка хоккеистов, их психологическая и волевая готовность к испытаниям.

Когда я начинал работу со сборной страны, то перед командой и мною стояла и эта задача — психологическая перестройка коллектива.

Во избежание недоразумений, уточню сразу — команда наша была всегда настроена на победу. Однако в последние годы образовалась в броне щель: в середине 70-х годов нашей сборной было утрачено психологическое превосходство над командой Чехословакии. Более того, у некоторых хоккеистов, выступающих в сборной, возникло даже ощущение, что чехословацкую команду нам теперь в ближайшее время не обыграть. Эту слабость надобно было срочно преодолевать.

Впервые со всей остротой этот вопрос перед командой я поставил осенью 1977 года в Праге, перед матчами, в которых разыгрывался приз газеты «Руде право». Я считал, что мы должны обыграть соперника во что бы то ни стало, обыграть сейчас, потому что в конце этого сезона, весной, очередной чемпионат мира будет проходить именно здесь, во Дворце спорта в Парке культуры и отдыха имени Юлиуса Фучика.

Важно было поколебать уверенность соперника в его преимуществе, повлиять на тот игровой настрой, с которым он начинает в последние два-три года матчи с нашей командой.

Взаимоотношения команд, их традиционно складывающееся соотношение сил сказываются на каждом матче. Именно психологическим преимуществом армейцев, а не только более высокой тактической эрудицией или более отменной физической подготовкой команды объясняю я многие победы ЦСКА над «Спартаком» и московским «Динамо» — главными соперниками армейцев в чемпионатах страны.

Мы выиграли тогда в Праге. Приз, учрежденный газетой «Руде право», достался сборной СССР.

Кстати, в самом конце августа 1983 года, когда мы собирались ехать в Чехословакию, Сергей Макаров напомнил ребятам, что ни разу пока наши соперники не завоевывали приз своей газеты.

Хотя в сентябре 1977 года победа досталась нам, задача не была решена окончательно и бесповоротно. Анализируя на страницах печати итоги тех баталий в Праге, в интервью журналистам, наконец, в беседах с игроками я говорил, что нам предстоит еще работать и работать, что команда Чехословакии, чрезвычайно сильная и по-прежнему уверенная в себе, постарается взять реванш.

Слабости, недостатки в действиях команды, в ее волевом настрое, копившиеся три сезона, нельзя устранить за три месяца. Они остались, победа на турнире в Чехословакии была только первым шагом на пути к реконструкции сборной команды.

Да, работать после выигрыша трунира «Руде право» легче не стало. Скорее, наоборот. Как это, увы, часто случается, многие игроки сборной, да, кстати, и не только хоккеисты, решили, что с приходом нового тренера, под руководством которого команда сумела обойти чемпионов мира на их поле, цели достигнуты. Дело сделано — новая команда создана.

Но мы-то, тренеры, видели, что работы еще непочатый край — и попробуй определить, что важнее: то ли дисциплина команды, то ли ее тактическая подготовка, то ли проблемы психологии, волевого настроя коллектива.

Но поражение в Москве, на турнире «Известий», проходившем в декабре 1977 года, спустя всего три месяца после радостной победы в Праге, стало холодным, освежающим душем, той встряской, которая так нужна была нашей команде, охотно принявшей первые успехи за окончательное доказательство силы.

В первые часы после нашего сокрушительного поражения — 3:8, самого крупного в истории советского хоккея, и спортсмены, и тренеры были огорчены донельзя. Потом, успокоившись, поняли, что ничего трагического не произошло. Рано или поздно такое должно было случиться: команда должна была дойти до той последней черты, отступать за которую просто нельзя. Краски были сгущены до предела, все акценты расставлены. Иногда преувеличения тоже полезны. Особенно если исходят они не от тренеров.

Отчего проиграли? Кто и в чем ошибался: игроки или тренеры, неправильно сформировавшие сборную и предложившие ей не ту тактику?

Тренеров обвиняли в неверном подборе игроков, в ошибочной тактике, в неумении сформировать характер команды. Наконец, даже в том, что нас — двое, в то время как сборной Чехословакии руководят три тренера. Правда, потом выяснилось, что и там два наставника: за третьего приняли массажиста, который издалека и вправду похож на известного чехословацкого тренера Владимира Костку.

Вернемся, однако, на лед. Что там происходило? Кто был сильнейшим и кто, напротив, самым слабым? Подвели команду, как ни странно, опытные игроки. Те, кто выступал в ее составе не первый год. Слабость ветеранов проявилась прежде всего в волевой подготовке: они бросили играть задолго до конца матча. Сказалась та психологическая ущемленность, которая родилась

после серии неудач в матчах против чехословацкой команды и которую, как теперь выяснилось, мы своей победой в розыгрыше приза «Руде право» преодолели не до конца.

Я с радостью заметил, что новички оказались более настроенными на жесткую, непримиримую борьбу.

Этот ужасный для тренеров матч стал новым подтверждением той очевидной для меня истины, что молодые игроки чаще проводят трудные поединки сильнее, ибо они не боятся соперника, который несколько раз подряд побеждал нашу команду. Не боятся, между прочим, может быть, и потому, что у них маловато опыта, чтобы оценить в полной мере силу соперника. Они не знают, что он непобедим, не верят в это, но отчаянно верят в себя, в свои возможности и потому ведут сражение до конца.

Поражение команда переживала болезненно. Проиграли в Москве, на глазах у своих болельщиков.

Разбирали тот матч жестко. В конце концов, сумели сделать правильные выводы, ведь и поражение может оказаться полезным. Мы увидели собственные сильные и слабые стороны, трезво оценили мастерство чехословацких хоккеистов, которых мы три месяца назад переиграли на их поле. Но увидели мы и негативные стороны в подготовке нашего главного соперника. И, наконец, главное — тренеры, да и некоторые игроки поняли, что наше уязвимое место — психологическая подготовка.

Обновляя сборную, я не менял «Иванова на Петрова», не менял игрока, который мне «не нравится», на того, кто «нравится», кто более послушен и вежлив, кто, как грубовато говорят в таких случаях, «смотрит в рот тренера». Нет, я приглашал в сборную мастеров с более сильным характером.

Может быть, кому-то из поклонников спорта покажутся несправедливыми, неверными, даже жестокими мои замечания, но я твердо убежден, что воля, как и физические силы спортсмена, стирается, слабеет. Воля, неистовое прежде стремление великого чемпиона к победе со временем сходит на нет.

Четвертые олимпийские игры в жизни спортсмена — величайшее исключение. Редчайшее исключение. Чемпионов с неиссякаемой волей, таких, как, скажем, Виктор Санеев, трижды выигрывавший Олимпиады в тройном прыжке и завоевавший серебряную медаль на четвертых Играх, — единицы. В хоккее к числу таких бойцов можно отнести, не опасаясь обвинения в преувеличении, пожалуй, только Владислава Третьяка да Бориса Михайлова.

Опытные спортсмены пресыщены успехами и победами. Они

уже не рвутся в бой с прежним горением. Кстати, ведущие мастера, многократные чемпионы, знают, что и в случае неудачи они не будут виноваты в поражении. Они увенчаны такими лаврами, их репутация так высока, что они уже вне критики. И если молодой хоккеист, не умеющий — по неразумению своему — оценить верно силы свои и соперника, отчаянно борется за победу, то искушенный в борьбе в сотнях матчей мастер знает, что сегодня ему соперника не одолеть.

После турнира в Москве до чемпионата мира, первого моего чемпионата мира, оставалось четыре месяца.

Четыре месяца напряженной работы, рассказ о которой в следующей главе.

И вот — апрель.

Мой первый экзамен «на высшем уровне».

Просматриваю старые записи. Возвращаюсь в солнечную весеннюю Прагу 1978 года.

Схема в подарок тренеру

Парк культуры и отдыха имени Юлиуса Фучика. Дворец спорта.

Балдерис, тяжело перевалившись через борт, зло выдохнул:

— Бьют…

Я «не услышал» реплику. И только спустя минуту, когда уже и следующее звено вернулось со льда, подошел к Хелмуту. Поймал его взгляд и сказал только одно слово:

— Терпи!

Тренерам тоже тяжело, тоже в конце матча не хватает дыхания. И тренерам больно, когда бьют их хоккеистов. Но что еще мог сказать я Балдерису?

И после второго, и после третьего выхода звена на лед Хелмут повторял: «Бьют! Прицепился ко мне и бьет… Что делать?…» И снова я просил, уговаривал: «Терпи! Терпи и ищи выход… Сыграй, попробуй так…»

В предыдущем матче, с командой Швеции, Балдерис действовал превосходно. И, видимо, потому канадцы сегодня с самого начала игры «приклеились» к опасному и удачливому нашему форварду. Не просто не давали ему играть. Били. Не стесняясь, били. Едва шайба приближалась к нашим воротам, едва судья матча убегал вслед за хоккеистами на другую половину площадки, как канадцы снова и снова «цепляли»

Хелмута, били по самым болезненным местам.

Люди — не ангелы, и терпение не безгранично.

Первым взорвался Борис Михайлов, которому тоже порядочно досталось в этом матче. Едва я вошел в раздевалку — я обычно не спешу, даю мастерам возможность остыть, успокоиться, самим разобраться в происходящем, — как наш капитан крикнул:

— Может, хватит? Может, пора постоять за себя? Ведь перебьют всех…

Я понимал Бориса. Понимал Хелмута. Понимал их партнеров, которым пришлось испытать на себе в этом втором матче с канадцами всю грубость профессионального хоккея. Сильного, интересного хоккея, но слишком жестокого. Я все это понимал, сочувствовал игрокам всей душой, и однако… Как разрядить страсти? И что в конце концов ответить Борису?

— Хорошо, Борис! Хорошо. Тебе одному, как самому опытному, я позволяю действовать как хочешь. Отмахивайся, давай сдачу. Можешь отвечать на любую грубость. Но только ты один. Надо, чтобы остальные твоему примеру ни в коем случае не следовали. Проигрывать нам больше нельзя, а почему мы проиграли команде Чехословакии, ты знаешь ничуть не хуже меня…

Причину неудачи в матче с чемпионами мира знали не только капитан и тренеры Тихонов и Владимир Владимирович Юрзинов. Знали все. Видеозапись самого трудного для нас поединка показала, что играли мы не хуже, играли так же интересно, как и могучий соперник. Игра шла на равных до того момента, когда в нашем составе начались удаления, когда снова и снова оставались мы в меньшинстве. Не знаю, поверят ли мне читатели, но хоккеисты сборной страны в тот день, даже проигрывая 4:6, были уверены, что они сумеют спасти матч, смогут отыграться, сил хватало и настроение было подходящим. Но когда уже казалось, что наша команда берет инициативу в свои руки, несдержанность какого-нибудь игрока снова приводила к удалению с поля.

Вот почему вместе с Юрзиновым мы напоминали, настаивали и требовали строжайше соблюдать дисциплину, говорили, что недопустимы ни малейшие намеки на попытку дать сдачу с нарушением правил игры.

На мое неожиданное предложение наш капитан, успокоившись, ответил:

— Будем терпеть, а рассчитаемся голами… Нам надо серьезно подготовиться к матчу со шведами.

То была важнейшая победа капитана, драгоценная победа

команды. Нравственная победа, которая не замедлила превратиться и в победу на льду. 5:1 — с таким убедительным счетом закончился матч между сборными СССР и Канады.

«Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны» — эта знаменитая реплика из «Витязя в тигровой шкуре» приходит на память всякий раз, когда кто-либо — тренер, или спортсмен, или журналист, разбирая игру команды — хоккейной, футбольной или, скажем, баскетбольной, — находит в действиях тренера великое множество просчетов и промахов и замечает осторожно или, напротив, изрекает безапелляционно: «Я бы на его месте…»

В венском «Штадтхалле», огорчаясь неудачам нашей команды, я не спешил с критическими замечаниями. Понимал, как трудно руководить командой, которая многое упустила в своей подготовке. Тогда же, в Вене, я понял, как трудно будет тренеру сборной (не зная еще, что этот пост суждено занять именно мне) быстро изменить настроения в главной команде страны.

Сомнения мои, к сожалению, не были лишены оснований и подтвердились позже наблюдениями специалистов-психологов. Команда не была сплоченным коллективом, единым в своих устремлениях.

Игроков высокого класса было в общем достаточно. Но не было команды в том высоком смысле этого слова, когда можно говорить, что общая цель, стремление к этой цели объединяют хоккеистов в коллектив, готовый решить самые ответственные задачи. Видимо, этим во многом и объяснялся тот «комплекс неполноценности», о котором я говорил выше.

В сборной страны по хоккею спортсмены по-разному относились к своему спортивному долгу. Одни, как, скажем, Борис Михайлов, приглашение в сборную, не первое и само собой разумеющееся, воспринимали как сигнал к усиленной работе — они стремились подняться к вершине. Другие, чьи имена называть мне сейчас не хотелось бы, довольствовались самим фактом включения в сборную — цель им казалась достигнутой. Они, эти хоккеисты, согласны были находиться и у подножия высокого пика. Разумеется, им тоже хотелось стать чемпионами, они прекрасно понимали, что золотая медаль более почетна, чем серебряная или бронзовая, но вот трудиться через «не могу», заставляя себя, им хотелось уже меньше.

В сборной было как бы два слоя: лидеры и те, кто полагал, что лидеры вытянут игру. Два слоя — это разные требования к себе, к своей игре, к работе на тренировочных занятиях.

По многолетнему опыту работы я уже знал, что перестроить методику тренировок, научить хоккеистов готовиться к матчу, к

турниру, к сезону иначе, чем прежде, чем их учили, чем они, наконец, привыкли, все-таки легче, чем создать коллектив, в котором бы каждый чувствовал свою ответственность перед товарищами, равную для всех ответственность. Нам важно было, чтобы Зинэтула Билялетдинов или Сергей Макаров, братья Александр и Владимир Голиковы стремились к тому, чтобы их вклад в общее дело был не меньшим, чем вклад Михайлова или Геннадия Цыганкова.

Самое страшное в спорте, в жизни вообще — психология и настроение «запасного». Того, кто рассчитывает, что товарищи сделают больше, лучше. Сделают главное.

В сборной были ярко выраженные лидеры. Первая тройка нашего хоккея: Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов. Они стали первой тройкой давно. Десять лет назад. С тех пор они были неизменно первыми. Столько, сколько написано и сказано о Петрове и его партнерах, не говорилось ни о ком. Ни о тройке Александра Альметова, ни о трио Вячеслава Старшинова, ни о звене Анатолия Фирсова. И все это лидеры заслужили. Все это — отражение реального положения дел в нашем хоккее тех лет. Сколько раз именно Борис, Владимир и Валерий обеспечивали золотые медали команде, сколько раз именно благодаря их усилиям становились первыми сборная страны и ЦСКА. Но достижения лидеров привели к тому, что на них стали смотреть как на волшебную палочку-выручалочку. Как только матч не складывается, как только ЦСКА или сборная проигрывает, на лед направляется первая тройка. В хоккее появился даже такой термин — «кормильцы», попавший потом и в роман А. Голубева о хоккеистах «Убежать от себя». «Кормильцами» называли когда-то звено Фирсова, а впоследствии, долгие годы, звено Петрова. И остальные хоккеисты постепенно привыкли сначала к тому, что если трудно, то тройка «А» выручит, а потом, к сожалению, и к тому, что если Михайлов, Петров и Харламов не выиграют, то, значит, команде не суждено стать чемпионом. Чемпионом страны. Чемпионом мира.

С этим уже нельзя было мириться. Нельзя уже было рассчитывать только на одно звено!

Осенью 1977 года казалась осуществимой надежда на то, что собранные вместе Сергей Капустин, Виктор Жлуктов и Хелмут Балдерис образуют наконец-то еще одну первоклассную тройку, которая тоже может нести на своих плечах ношу, достающуюся обычно признанным лидерам. Увы…

Прошел сентябрь, промчался октябрь, календарь отсчитывал неделю за неделей, сезон катился к финишу, чемпионами страны

снова стали московские армейцы, но опять самым заметным, наиболее весомым, поистине решающим стал вклад звена Петрова, а тройка, возглавляемая Жлуктовым, так и осталась на вторых ролях.

Не раз и не два пытался я в ходе сезона — и в матчах первенства страны, и в международных встречах — вести игру так, чтобы все хоккеисты ЦСКА, составляющие основу сборной, все хоккеисты сборной чувствовали свою личную ответственность за исход матча. Я направлял на лед в критические секунды (например, при игре в меньшинстве или в большинстве, в тот момент, когда соперник перехватывал инициативу) второе и третье звенья. Определенные сдвиги были, но первая тройка слишком уж очевидно оставалась первой.

Отступать было, как говорится, некуда, когда сборная накануне пражского чемпионата мира поехала на последние контрольные матчи в Швецию и Финляндию. Напомню, что первую встречу с финнами мы выиграли легко и уверенно — 9:0. А вот во втором матче игра не пошла. Финские хоккеисты оборонялись упорно и умело, при случае шли в контратаку, и потому борьба получилась напряженной и острой. Долго сохранялся ничейный счет — 2:2. А в этом матче лидеры, по нашему плану, не должны были играть, ведь их проверять не требовалось, они, вне всякого сомнения, попадали в состав сборной. Поэтому Михайлов, Петров и Харламов, одетые на всякий случай в форму, сидели на скамье запасных и на лед не выходили. Они были готовы еще раз переломить ход матча, еще раз принести сборной победу. А победа была нужна, чтобы соперник не сомневался накануне чемпионата мира в том, что сборная СССР сильнее. Ждали распоряжения о выходе на лед не только хоккеисты первой тройки, но и их партнеры по команде. И вот именно поэтому во втором перерыве, перед последним периодом, нашим ведущим хоккеистам было сказано, что они могут переодеваться: играть сегодня им не надо.

У нас не было иного выхода. За неделю до чемпионата мира следовало наглядно и убедительно показать остальным звеньям, что нельзя бесконечно рассчитывать на то, что их кто-то выручит. Они и сами должны чувствовать свою ответственность за команду, в том числе и за первую пятерку. В конце концов, и у лидеров может наступить спад, и лидеры могут выйти из строя: от травм, от болезней не застрахован никто.

Так ведь потом и произошло. Уже в первых матчах не смог принять участия опытнейший Геннадий Цыганков, много лет играющий в первой пятерке ЦСКА и сборной, потом был травмирован Петров. Читатели, может быть, помнят, что на

чемпионате мира 1978 года на сборную страны обрушилась эпидемия травм: не могли играть Александр Голиков и Виктор Жлуктов, Сергей Капустин и Валерий Васильев, Александр Мальцев и Владимир Лутченко. Нам приходилось выставлять тройки, да и целые звенья все в новых и новых сочетаниях. Но если не шла игра у лидеров, то инициативу брали на себя другие звенья, и, пожалуй, не будет преувеличением, если я скажу, что все пятерки были у нас ударными. И глубоко символично, что в последнем, решающем матче чемпионата мира — в игре со сборной Чехословакии — каждое из трех звеньев забило по шайбе. Пятерка Жлуктова открыла счет, звено Петрова увеличило разрыв, а братья Голиковы закрепили успех товарищей…

Но я забежал вперед, пытаясь объяснить свое решение, поддержанное, кстати, Владимиром Юрзиновым, не выпускать на лед во втором матче с финнами тройку Петрова. Напомню попутно, что наша команда все-таки сумела тогда вырвать победу со счетом 4:2.

Перед последним этапом подготовки к чемпионату мира я, пожалуй, говорил уже больше не о тактике игры с тем или иным соперником, а об отношении к игре:

— Если кто-то устал, если нет сил, если боязно, если кажется, что не хватит терпения, скажите, прошу, об этом сейчас… Все в рамках собственных возможностей должны отвечать за команду, только тогда можно говорить об остальном — о тактике игры, о стратегии турнира…

Наверное, в каждом коллективе есть свои главные проблемы. Одна из важнейших в сборной тех лет заключалась, по нашим представлениям, как раз в том, чтобы все хоккеисты верили в себя, а не только в ведущих. Конечно, первое звено и Третьяк многое могут, однако плохо, когда команда считается командой одного звена. Но мало было понять все это, надо было заставить себя иначе работать.

За месяц до чемпионата мира Сергей Капустин играл откровенно слабо. Медики не находили никаких оснований для снижения нагрузок, и тренеры в резкой форме потребовали от Капустина изменения отношения к тренировкам, к игре, к партнерам. Былые заслуги — это репутация игрока, не более, а сборной нужны хоккеисты, хорошо играющие сегодня. Сергей видел, что несколько знаменитых мастеров, еще вчера украшавших наш хоккей, приглашения в сборную не получили, и, кажется, понял, что и для него исключения никто не сделает.

Капустин пришел в ЦСКА вместе с Хельмутом Балдерисом, оба по праву считались безусловными лидерами в своих прежних клубах — в «Крыльях Советов» и в рижском «Динамо», оба

привыкли быть на острие атаки, привыкли, что партнеры играют на них, а нередко и за них. Теперь же надо было перестраивать свою игру, а это было связано и с ломкой характера: то, что формировалось годами, не изменишь за неделю. Не все шло гладко, блистательные крайние форварды, на опеку каждого из которых требуются усилия, скорее, не одного, а двух соперников, в сумме, казалось, могут сковать действия целой пятерки, играющей против них, однако Хелмут и Сергей долго не находили общего языка, хотя и центрфорвард их звена — мастер высокого класса, и защитники с ними играли превосходные. Не хватало малого — самого легкого и самого трудного одновременно: желания и готовности «наступить на горло собственной песне». К счастью, и Капустин, и Балдерис сумели себя обуздать, сумели с помощью партнеров и тренеров построить игру так, что главным стали интересы команды, а не соображения личного престижа. Оба почувствовали, поняли личную свою ответственность за всю сборную и вновь стали лидерами команды. Но у них была уже иная психология — лидеры, но не премьеры. Лидеры, ведущие за собой товарищей, старающиеся взвалить на свои плечи ношу потяжелее, чтобы легче было партнерам.

Свой лучший в последние годы чемпионат мира провел Александр Мальцев. Он не капризничал, как бывало прежде, играл не так, как получалось, а стремясь превзойти собственные возможности. Он бился на льду, не экономил силы, не щадил себя, и оттого росли на глазах тянувшиеся за вожаком Александр и Владимир Голиковы. Их не устраивала роль игроков третьего звена, они старались сыграть на том высоком уровне, с той высокой и щедрой самоотдачей, что отличает подлинных лидеров. И это у них получалось. И потому соперники, выходящие на матч со сборной СССР, не знали, какими силами нанесем мы главный удар. Иногда исход матча решали Петров и его партнеры, иногда — звено Жлуктова, где блистали в решающих поединках то Капустин, то Балдерис, иногда — динамовская пятерка.

У нас были три звена-лидера. А это то, о чем мечтают тренеры!

Дебютанты сборной быстро и легко вписались в ансамбль.

Зинэтула Билялетдинов неудачно сыграл осенью в турнире на приз газеты «Руде право», и я, признаюсь, не слишком надеялся на него как на игрока сборной. Всю зиму он играл ровно, но без блеска, выступал за вторую сборную, и когда начинался последний этап подготовки к чемпионату мира, Билялетдинова мы рассматривали как запасного. Но заболел Сергей Бабинов, и

Зинэтула поехал в Прагу. Уже там простудился Геннадий Цыганков, и Билялетдинов вместе с еще более молодым защитником Вячеславом Фетисовым был прикреплен к первой тройке. И именно это обстоятельство стало, как мне кажется, причиной быстрого возмужания Зинетулы: он почувствовал уверенность, у него появились то настроение и то отношение к игре, к партнерам, к себе, что отличают не запасного, а игрока основного состава.

Снова употребил это слово — «запасной». Ох, как я боюсь спортсменов с психологией запасного! Лучше такого игрока в команде не держать. Он не только не сыграет так, как нужно, как можно было бы ждать от него, но, тренируясь вполнакала, он пагубно будет влиять и на игроков основных, ведущих, составляющих костяк команды.

Принимая сборную страны, я мечтал о таком коллективе, где не было бы «запасных», где все хоккеисты чувствовали бы себя равно нужными команде, где все близко к сердцу воспринимали бы заботы и интересы команды.

Близко к сердцу — не пустая фраза. Помню, как в одном из матчей у вратаря Александра Пашкова и нападающего Юрия Лебедева, участия в игре не принимавших, действительно прихватило сердце, — оказывается, на скамье запасных переживать сражение труднее, чем на льду, в жаркой схватке, требующей максимума физических сил и нервного напряжения. Пашков и Лебедев не были запасными, хотя они не входили по первоначальным замыслам тренеров в число игроков стартовых пятерок. Они не были запасными не потому, что играли так же часто, как и остальные хоккеисты (Лебедев участвовал почти во всех матчах). Они не были запасными по своему отношению к делу.

С равной похвалой могу отозваться и о Лебедеве, ставшем чемпионом мира в третий раз, и о Сергее Макарове, получившем тогда первую золотую медаль.

Когда мы собирались ехать в Финляндию и Швецию, мне задали вопрос: «Зачем вы включаете в команду Макарова? Ведь он все равно не поедет в Прагу?»

— Почему? — удивился я, — Да, он четвертый по счету запасной — вслед за Анатолием Емельяненко, Владимиром Шадриным и Лебедевым. Но он может оказаться в лучшей форме, более готовым к чемпионату мира. Мы, тренеры, должны проверить его в деле на высоком, на серьезном уровне…

В общем-то я понимал вопрос — представлялось очевидным, что мы включим в команду Шадрина и Лебедева, игроков сложившихся, проверенных, надежных. Но ведь я объявил, что

былые заслуги не в счет. Что же теперь — делать исключение для кого-то? Нет, пусть все решит игра.

Знаю сейчас, что и Володя Шадрин, человек умный, добрый, серьезный, был удивлен решением тренеров. Казалось, что ему-то, при нехватке центрфорвардов, место в сборной забронировано. Но понятия «бронь» в нынешней главной команде страны не существует. Критерий истины — практика, а наша практика — игра. Ей и решать споры.

В дни чемпионата и Юрзинов, и я, и руководители делегации старались сохранять — по возможности — душевное равновесие, избегать шараханья из стороны в сторону, не переводить без крайней необходимости игроков из одного звена в другое.

Мы верили в своих игроков и хотели, чтобы эту нашу веру в их силы хоккеисты видели. Чаще, чем обычно, ошибался поначалу Третьяк, но мы по-прежнему верили, что Владислав обретет по ходу турнира нужную спортивную форму и в финале сыграет так, как только один он умеет. Так, к счастью, и получилось. Если на старте чемпионата в ворота Третьяка влетело в одном матче пять, а во втором четыре шайбы (и это с командами США и ФРГ), то на финише чемпионата, где мы встречались со сборными Швеции, Канады и Чехословакии, Владислав пропустил всего по одному голу.

Мы не охали, не дергались сами и не дергали игроков, когда команда проигрывала, но и не восторгались никем, когда сборная побеждала. Известно, что в день последнего, решающего матча Сергей Капустин проснулся с высокой температурой, но мы попросили его выйти на матч, только выйти, быть на представлении игроков, не более, — этого уже достаточно, чтобы соперник увидел, что у нас все в порядке, все игроки в строю. Сергей согласился. Больше того, он провел на площадке несколько коротких смен. Но… Но ведь Сергей только повторил то, что в предыдущем матче сделал травмированный Жлуктов. Виктор тоже выходил на лед, чтобы показать канадцам, что у нас все в строю. Капустин проявил несомненное мужество, но ведь в этом же матче играл, не имея никаких сил, Валерий Васильев. В третьем периоде он просто лежал на скамье запасных, пропустив две смены, а потом опять начал играть. Мы сказали Валерию, что он может отдыхать, но Васильев снова вышел на площадку, ведь из-за удара в глаз покинул лед его коллега по обороне Владимир Лутченко.

Команда устояла. Команда победила. Несмотря на то, что перед решающим матчем великолепную чехословацкую сборную устраивала не только ничья, но и поражение с разницей в один гол. Несмотря на то, что первый матч хозяевам чемпионата мы

проиграли, пропустив шесть голов. Несмотря на то, что преследовали нас травмы и болезни. Несмотря на то, что началось решительное обновление состава и в наших рядах не было ни Владимира Шадрина, ни Александра Якушева, пи Виктора Шалимова. Несмотря на то, что…

Впрочем, довольно.

Психологи, работающие с хоккеистами сборной команды, оставили мне на память схему: в аккуратных прямоугольниках слова: «цель», «моральные ценности», «коллектив». Все линии и стрелы на схеме ведут к прямоугольнику «коллектив». Мнение психологов подтверждало мои наблюдения.

Победой на чемпионате мира я не обольщался. Мы немало сделали, но еще больше нам нужно было сделать. Мы были еще только на полпути к себе. Впереди нас ждали не только счастливые победы. Вовсе не исключены были и неудачи, поражения. Но мы знали, что идем к высокой цели. Видели, понимали, что не стоим на месте. Команда формировалась и укреплялась. Команда закаляла свой характер.

А как был воспринят наш успех в Праге на мировом чемпионате 1978 года коллегами-специалистами, да и журналистами?

Многие посчитали его случайностью. Напоминали, что первый матч команде ЧССР мы проиграли, что так же мог закончиться и второй.

Ничего не исключаю. Могли мы проиграть и второй матч, спорт всегда остается спортом, игрой, не производством, где все можно просчитать и проверить. Но не вправе ли я в таком случае задать и встречный вопрос: а не могли разве мы выиграть и первый матч?

Гадать, право же, нет смысла. И хотя, повторяю, все могло быть, я все-таки настаиваю на том, что поединок тот принес нам закономерную победу. Заслуженную. Заработанную. Времени после неудач в Катовице, Вене, Москве прошло немного. Но объем работы по всем разделам подготовки был увеличен резко, и это принесло свои плоды: команда была готова хорошо и в тактическом плане, и в психологическом. Мы сохраняли до конца нелегкого чемпионата и силы, и веру в себя.

Следующая победа была, напротив, воспринята как нечто само собой разумеющееся. Наш успех в Москве был безоговорочным. В те дни никто из соперников практически так и не смог вмешаться в борьбу за звание первой команды мира.

Но перед этим была блистательная победа на Кубке вызова.

Эти матчи проходили в феврале 1979 года в Нью-Йорке на льду «Мэдисон сквер-гардена».

Потом мне не однажды довелось анализировать те три поединка, которые потрясли хоккейный мир. Я выступал в ряде газет, в том числе в «Советском спорте», в журналах с рассказом об этом мини-турнире, но сейчас, работая над книгой, я хочу не только вспомнить то, о чем уже когда-то рассказывал читателям, но и добавить какие-то штрихи, раскрывающие «секреты» работы тренера, в частности, объяснить, почему на решающий матч выставил не Третьяка, а Мышкина, до тех пор мало кому в Канаде и в США известного вратаря.

Крушение легенды

Матчам сборная СССР — «Олл Старз НХЛ» придавалось большое значение. Это естественно. Ибо встречались лучшие представители двух хоккейных школ, каждая из которых имеет свой стиль, отличается своим подходом к игре, трактовкой хоккея, наконец, историческими условиями развития (что сказалось на размерах площадок, специфике судейства).

Национальная хоккейная лига включила в состав своей команды всех сильнейших игроков. Национальная принадлежность спортсмена в расчет не бралась: приглашались все лучше хоккеисты из всех клубов. Потому, кстати, и попали в состав команды НХЛ шведы Сальминг, Хедберг и Нильссон.

Интересен был принцип формирования команды «всех звезд НХЛ». К тем хоккеистам, которых рекомендовал Комитет менеджеров клубов Национальной хоккейной лиги, была добавлена пятерка игроков, выбранных болельщиками. Включались в состав не просто сильнейшие или самые популярные, но только те сильнейшие и популярнейшие, кто умеет играть против советских хоккеистов.

Выбор был, по мнению канадской и американской печати, облегчен тем, что эта серия матчей проводилась в разгар сезона, когда все игроки приобрели отличную физическую форму.

На первый матч, который начался, когда в Москве была глубокая ночь, хозяева льда выставили такой состав: вратарь — Драйден из клуба «Монреаль Канадиенс»; защитники — Робинсон и Савар из того же клуба, Сальминг из Торонто и Бек из Колорадо; нападающие — Лефлер, Шатт и Гейни из Монреаля, Дионн из Лос-Анджелеса, Босси, Троттье и Жиль из «Нью-Йорк Айлендерс», Барбер и Кларк из Филадельфии, Хедберг и Нильссон из «Нью-Йорк Рейнджерс», Перро из Буффало,

Макдональд и Ситтлер из Торонто. Две пары защитников, четыре тройки нападающих и еще два запасных форварда.

У нас тоже было четыре звена форвардов, но три пары защитников. Состав выглядел так: вратарь — Владислав Третьяк; защитники — Геннадий Цыганков и Сергей Стариков, Валерий Васильев и Юрий Федоров, Василий Первухин и Зинэтула Билялетдинов; тройки форвардов: две армейские — Борис Михайлов, Владимир Петров, Валерий Харламов и Хелмут Балдерис, Виктор Жлуктов, Сергей Капустин, одно звено «сборное» — динамовцы братья Александр и Владимир Голиковы и Сергей Макаров из ЦСКА, наконец, четвертое звено составляли торпедовцы из Горького — Александр Скворцов, Владимир Ковин и Михаил Варнаков. Кроме того, в следующих матчах принимали участие Ирек Гимаев, Виктор Тюменев, Сергей Бабинов и Владимир Мышкин. Тренер профессионалов Скотти Боумэн в следующих матчах использовал еще двух защитников — Потвина из «Айлендерс» и Лапойнта из Монреаля, вратаря Чиверса из Бостона.

Состав нашей команды вызвал массу комментариев, в частности, печать строила немало догадок по поводу «таинственного отсутствия» Вячеслава Фетисова, «известного, писала «Интернэшнл геральд трибюн», как советский Бобби Орр». Никаких тайн, конечно, не было: Вячеслав был травмирован.

Прогнозы по поводу исхода серии были разные. Опрос тренеров НХЛ показал, что большинство отдает предпочтение своим игрокам: считалось, что команда НХЛ выиграет или два, или все три матча. Но были и два тренера, которые отдали преимущество нам — 2:1.

Один из руководителей команды НХЛ — Гарри Синден, возглавлявший в 1972 году, в первой серии встреч профессионалов с нашей командой, сборную Канады, писал перед началом игр, что существует огромное различие в подходе к хоккею в Северной Америке и в Советском Союзе. Для советских команд, продолжал Синден, характерен культ коллективной игры, а у канадцев все построено на суперзвездах, и встречи сборных СССР и НХЛ должны определить: кто есть кто.

Каков был ответ, уже известно всем. Мне же хочется подчеркнуть, что канадцы возводили значение встреч в абсолют, тогда как мы рассматривали их как важное, но не важнейшее спортивное событие: для сборной СССР матчи с командой НХЛ были одним из этапов подготовки к апрельскому чемпионату мира.

На первой пресс-конференции, проходившей еще перед началом серии, меня спросили, как я расцениваю значение Кубка

вызова — выше, чем чемпионат мира? Я ответил, что это выдающееся спортивное событие, но преувеличивать его роль мы не хотим, для нас это экзамен на пути к мировому чемпионату, который через два месяца будет проводиться в Москве.

После первого матча мне снова был задан этот же вопрос, и я повторил свой ответ. Но поскольку мы проиграли, то, видимо, на этот раз мои слова были восприняты журналистами иронически.

После первого матча канадские и американские обозреватели, констатировав, что преимущество в силовой борьбе, как и ожидалось, было на стороне «звезд НХЛ», с некоторым даже удивлением писали о том, что не увидели в игре сборной СССР той комбинационной игры, которую они ожидали увидеть. И это было справедливо. Я не мог не признать этого и сказал на послематчевой пресс-конференции: «Мы сыграли не сильно. Чтобы побеждать лучших игроков НХЛ, вся команда обязана действовать на пределе возможного. У нас же, по сути, не сыграло, как должно, ни первое звено, ни второе. Петров, Балдерис, Жлуктов, Капустин не проявили тех волевых качеств, которые необходимы для победы в матчах такого ранга. Но в последующих встречах мы выступим лучше».

Как мне кажется, эти слова были восприняты журналистами скептически. Но мы, тренеры сборной, знали, что говорим.

Боумэн в первом матче использовал четырех защитников и четырнадцать нападающих. И если перед встречей ряду обозревателей этот шаг — играть с четырьмя защитниками — представлялся рискованным, то после победы знаменитый Бобби Орр, комментировавший встречу, заявил: «Наши (то есть канадские) лучшие защитники привыкли находиться на льду примерно по 40 минут чистого времени даже в напряженных матчах на Кубок Стэнли. Семь матчей со сборной СССР четверо игроков обороны, конечно, не выдержали бы, но на три игры сил у них хватит».

Так думал Орр. Мы с Юрзиновым думали по-иному. Еще в первом матче мы увидели, что если бы все наши игроки проявили лучшие волевые качества, мужество, то оборона из четырех защитников рухнула бы. Ведь четырех могучих, выносливых, с безупречной техникой защитников НХЛ и в первой, неудачной для нас, встрече не хватило на третий период. А ко второму матчу мы заготовили соперникам еще один сюрприз.

Перед первой игрой мы решили, что нашим форвардам ни к чему тягаться в силе с рослыми защитниками соперников у ворот сборной НХЛ. Соответственной была и установка нападающим: врываться на «пятачок», но долго там не задерживаться. Однако матч показал, что такие рейды не эффективны. Вот почему мы

потребовали от наших нападающих иного: стоять и биться на «пятачке». Выбросили, вытолкнули тебя оттуда — вернись, хоть ползком, но вернись… вернись и снова бейся!

Показав недюжинный характер, наши форварды выполнили эту установку. И такая битва на «пятачке» отняла у защитников команды НХЛ столько сил, что в двух последних матчах они под занавес встреч выглядели значительно слабее, чем в первой игре. Да, слабее, несмотря на то, что Боумэн во втором и третьем матчах использовал уже шесть защитников.

С удовольствием вспоминаю сейчас упорнейший характер наших хоккеистов, и не только, понятно, форвардов. Ибо, начав с поражения, начав крайне неудачно, наша команда проявила психологическую устойчивость, мужество и сумела переломить ход борьбы за Кубок вызова.

А начало было удручающим. Первый гол в наши ворота был забит Лефлером на 16-й… секунде матча.

Готовились к матчам, ждали их — вдруг такой удар.

Добавьте к этому, что матч этот судил местный арбитр — Майерс. Канадцы атакуют, и судья удаляет Жлуктова. Выстояли, играя в численном меньшинстве. Но спустя несколько минут наша команда снова остается в меньшинстве, и на шестой минуте хоккеисты НХЛ забивают нам второй гол.

К концу периода мы проигрываем — 1:3, к концу второго — 1:4. Окончательный итог матча — 2:4.

Почему мы проиграли? Не вдаваясь в сугубо деловые, профессиональные детали, замечу сейчас только одно. Некоторым нашим хоккеистам в первом, только в первом, матче не хватило стойкости. Это замечание не противоречит утверждению, высказанному несколькими строками выше, о мужестве и стойкости команды. Исход кампании определяет не одно сражение, а весь ход борьбы. Но в первом поединке кое-кто не устоял. Все знали, что в начале серии нас, как обычно, будут запугивать, бить, играя не только жестко, но и жестоко, чтобы затем перейти к достаточно корректному хоккею. Все это знали, но не у всех хватило мужества и терпения, умения переносить боль.

Третий период первого матча мы выиграли — 1:0. И поняли, что под прессом наших атак уставшие канадские защитники будут ошибаться чаще. Это был важный вывод.

И еще один вывод, причем не без помощи прессы, сделали мы из проигранной встречи. Один из канадских обозревателей, критикуя наших защитников за действия в эпизоде, когда Жиль забросил четвертую шайбу, писал: «В подобных случаях наши защитники «вырубают» форварда до окончания опасного эпизода,

тогда как защитник сборной СССР безуспешно выгребал шайбу из-под клюшки Жиля». Этот совет мы тоже учли — во втором и третьем матчах игроки обороны сборной СССР больше «не выгребали» шайбу.

Словом, после неудачи мы сделали выводы. На собрании серьезно и глубоко проанализировали, в чем мы уступали соперникам, за счет чего можем выиграть. Провели тактическую тренировку, проверив выводы на льду. Интересно, что на этой тренировке впервые не присутствовал никто из канадцев, не пропускавших до того ни одного нашего занятия. Правда, на этот раз мы тренировались на катке в 50 километрах от Нью-Йорка, на базе местного клуба «Рейнджерс». Но думаю, не только расстояние отпугнуло наблюдателей. Просто канадцы, убаюканные победой, не ожидали, что за такой короткий — всего лишь один день — срок мы сможем так кардинально перестроиться. Более того, руководители сборной НХЛ переоценили достигнутое.

Так, Боумэн и его штаб советников думали (об этом писала местная пресса), что «звезды НХЛ» нейтрализовали форвардов звена Жлуктова, что именно канадцы, так сказать, перекрыли среднюю зону, лишив тем самым сборную СССР возможности вести привычную комбинационную игру. Внешне это так и выглядело. Но выглядело только потому, что по упоминавшимся уже мною причинам наш план на первый матч не выполнен был и наполовину. Когда же во второй встрече каждый игрок сборной СССР вложил в игру душу, волю, мужество, все свое мастерство, когда каждый выполнил свою задачу, то все замыслы Боумэна, все его разработки оказались несостоятельными. В третьем периоде, кстати, по-моему, самом интересном и напряженном из всей серии, сборная СССР показала почти все, на что она способна. Почему «почти все»? Да потому, что даже после этого матча мы, тренеры, игрой ряда хоккеистов до конца все же удовлетворены не были.

Начался второй матч для нас трудно. И хотя Капустин открыл счет, уже в первом периоде Босси и Троттье вывели профессионалов вперед.

В перерыве, проанализировав ход матча, я, кажется, сумел доказать нашей команде, что мы играем сегодня сильнее, что если мы сумеем действовать так и далее, то непременно выиграем.

С таким настроением и пошли на лед. Но на первой же минуте второго периода Перро забросил в ворота Третьяка третью шайбу.

Критическая ситуация.

Команда, к счастью, не дрогнула. Варнаков сократил разрыв в счете, но тут же Робинсон забросил нам четвертую шайбу — 4:2. Однако сборная СССР по-прежнему играла уверенно, настойчиво раскачивая оборону соперника. На 38-й минуте Михайлов и Капустин, забросив две шайбы, сравняли наконец счет.

В начале третьей двадцатиминутки Владимир Голиков вывел нашу команду вперед — 5:4. Этот счет сохранился до конца игры.

Любопытная деталь. Соотношение бросков по воротам в этом матче — 31:16 в нашу пользу.

Полагаю, ход поединка представить себе нетрудно.

Третий матч серии должен был назвать обладателя «Челлендж Кап». Однако после победы во второй игре на игроков сборной СССР обрушилось столько похвал, что у меня возникло сомнение: а не удовлетворится ли кто-нибудь достигнутым? В беседах с хоккеистами мы убеждали их, что они должны не просто хорошо сыграть последнюю встречу, а обязательно выиграть ее. Все условия для этого были.

На собрании команды перед матчем я сказал ребятам:

— У меня сложилось впечатление, что некоторые из вас не смогут играть сегодня в полную силу. Почему? Потому что появилось чувство, будто главное уже сделано. Вы понимаете, что нас не будут критиковать в Москве, даже если мы проиграем, поскольку в одном матче уже победили. Это — опасная мысль. Деморализующая мысль. По вашим глазам вижу, что угадал. Что вы согласны довольствоваться малым…

Нужно выбросить эту мысль… Отказаться от нее…

Сегодня вам предстоит особый матч. Исторический матч. Такого в вашей жизни еще не было. И, может быть, никогда больше не будет. Вот почему обидно упускать возможность проявить себя, свои возможности. Обидно, если мы упустим шанс доказать здесь, что наш хоккей действительно лучший в мире. Повторяю, второго такого матча может и не быть… Сегодня вы можете выиграть, двумя предыдущими матчами мы уже подготовили победу… Вы можете победить, и вы победите…

Настроение команды было таким, что я без колебаний поставил в состав на третий, решающий матч молодого нашего вратаря Мышкина и тройку: Тюменев, Макаров, Гимаев.

Был ли риск в таком решении? Безусловно, был. Однако тренер должен иметь право на риск. Разумеется, на риск обоснованный. А у меня основания для такого риска были достаточно серьезными: Мышкин не раз в этом сезоне показывал отличную игру, в том числе и против команд НХЛ, верил я и в молодых форвардов. Конечно, можно было их поставить (а перестановки были необходимы из-за травм нападающих

Харламова и Владимира Голикова) в сочетаниях с опытными хоккеистами, и такие варианты были предусмотрены, но мы решили, что если уж доверять, то до конца.

И уже после первой смены я увидел, что все идет нормально. А если учесть, что для канадцев появление такого количества молодых, и в первую очередь Владимира Мышкина, было явной неожиданностью, то мы убили сразу двух зайцев. Ошеломили соперника еще и психологически.

Небольшое отступление от рассказа о последнем матче Кубка вызова.

Размышляя о том, какие требования предъявляет спорт к современному тренеру, я ссылался на высказывание заслуженного мастера спорта, известного тренера, доктора технических наук, профессора, лауреата Государственной премии Александра Михайловича Шведова, скоропостижно скончавшегося 22 сентября 1980 года. Уже после смерти ученого в журнале «Физкультура и спорт» была опубликована беседа, подготовленная журналистом на основе многократных встреч с Александром Михайловичем. В этой беседе было уделено место и мне, моей работе на Кубке вызова. Жалею, что не был знаком с этим интереснейшим человеком. Он угадал, что произошло в те дни в Нью-Йорке.

Вот что говорил Шведов:

«Помните, наши проиграли первую встречу канадцам? А на следующий день на хоккейную площадку вышла совсем другая советская команда. Человек, который хоть мало-мальски разбирается в спорте, знает: за один день игроки не могли внезапно улучшить свою технику, научиться грамотнее играть тактически, увеличить скорости, улучшить двигательные навыки и т. д. И все же один — самый, может быть, важнейший, победный! — компонент настоящий тренер всегда может совершенствовать. Бесконечно, если хотите. Этот компонент — воля каждого спортсмена и всей команды к победе, вера в свои силы, способность победить любого соперника. И вот Тихонов — без сомнения, обладающий прекрасными способностями психолога, философа, педагога, — сумел заставить хоккеистов поверить в себя. И команда преобразилась и дважды (один раз с поразительным счетом — 6:0) положила на лопатки честолюбивых канадцев-профессионалов. Конечно, Виктор Васильевич рисковал, когда поставил на решающую игру малоопытного вратаря Мышкина. Но риск этот оказался оправданным, так как базировался он на умении Тихонова вдохновлять, настраивать спортсменов на один матч, как на матч единственный, быть может решающий в биографии спортсмена. И

Мышкин «перепрыгнул самого себя».

Что же произошло? Почему вдруг вместо Владислава Третьяка на последний, решающий матч был поставлен Владимир Мышкин?

Когда говорят, что вратарь — это половина команды, то имеют в виду в первую очередь Третьяка. Своей фантастической игрой Владислав доказал, что невозможного в хоккее нет.

Наш вратарь — явление в спорте, не только в хоккее. И потому, что он играет почти без замен полтора десятка лет. И потому, что действует едва ли не в каждом матче безукоризненно. И потому, что это единственный, кажется, вратарь, который умеет «собираться» после пропущенной шайбы и проводить оставшуюся часть матча еще лучше: он не «разваливается» после неудачи. Чем сложнее ситуация, чем ответственнее игра, тем увереннее и надежнее защищает Владислав ворота.

У нашего вратаря громадная слава, но он по-прежнему скромен, трудолюбив, по-прежнему стремится к совершенствованию своего мастерства. Неиссякаемая воля к победе, любовь к хоккею, наконец, высочайшая ответственность перед командой, зрителями, самим собой, совестливость Третьяка заставляют его трудиться на тренировках так же, как работал он, только начиная свой путь к вершинам спорта.

Владислава отличает счастливый дар — умение делиться опытом так, что уроки его становятся полезными каждому, кто учится у него. Замечу, что делиться опытом — немалый труд, но наш вратарь не знает усталости.

Почему же я решил заменить его в последнем матче Кубка вызова? Профессионалы великолепно знают Владислава. Побаиваются его. Но я опасался, что они подметят одну его слабость, которая неожиданно появилась в двух первых матчах (очевидно, Третьяк был не в лучшей своей форме — больше я эту слабость не замечал ни разу!), — он не был готов к мгновенной реакции на второй бросок, на добивание.

Мышкин, если судить по тренировкам, был в тот период подготовлен лучше. После завтрака я спросил Мышкина:

— Сможешь сегодня сыграть?… Решающий матч — не побоишься?… Скажи честно…

— Смогу!

Перед матчем я объявил о своем решении.

Ни Владимир Владимирович Юрзинов, ни хоккеисты, ни руководители делегации разубеждать меня не стали — видимо, верили в мое чутье.

Мышкин сыграл превосходно.

Ко многим проблемам у Боумэна добавилась еще одна.

Проблему введения свежих сил Боумэн решил просто: в состав были включены шведы Хедберг и Нильссон, не выступавшие во втором матче, а также Маркотт из «Бостона». Второй проблемой был выбор тактики.

Как известно, Боумэн — один из немногих канадских тренеров, чьи взгляды в чем-то сходятся со взглядами на хоккей европейцев. И совсем не случайно его команда «Монреаль Канадиенс», да и сборная НХЛ, в первом и втором матчах с нами порой показывали комбинационную игру — игру скорее европейскую, чем канадскую. Однако решающий матч Боумэн решил играть в типично канадском стиле — так, как играют «Филадельфия» или «Бостон».

Сами канадцы характеризуют этот стиль так: 60 процентов острых ситуаций у ворот соперника мы создаем за счет силового давления, жесткого прессинга, заставляя соперника ошибаться в собственной зоне, и только 40 процентов создаем сами. У советских хоккеистов эти показатели обратные. В условиях узких площадок канадский стиль более рационален. И, видимо, Боумэн принял совет быть более рациональным.

Судя по всему, тренер дал указание своим игрокам вести игру предельно жестко, используя вовсю силовые, а точнее, болевые приемы. Все это должно было создать у наших хоккеистов дефицит времени — дефицит времени на прием, обработку, передачу шайбы. И накинув эту «сеть», Боумэн рассчитывал, что мы из нее уже не выпутаемся.

Однако все это мы, тренеры, предвидели. Приняли контрмеры, и уже не мы, а сами канадцы запутались в собственной «сети». Ни на йоту не уступая соперникам в силовой борьбе, наши хоккеисты то и дело пользовались, и весьма успешно, «длинной атакой». Сборная СССР была как пружина: чем сильнее ее сжимают, тем быстрее она распрямляется, тем больнее бьет. И когда мы повели 3:0, «звезды НХЛ», убедившись, что переломить ход игры они не в состоянии, просто сникли. Кстати, только этим, а не разницей в классе, как пытались заявить некоторые горячие головы, и объясняется счет 6:0.

Сборная НХЛ была укомплектована лучшими игроками лиги. Время матчей для профессионалов было идеальным — сезон у них в полном разгаре. Однако, по-моему, «звезды НХЛ» сыграли хуже, чем могли. Не берусь объяснять, почему, в силу каких причин это произошло, но потенциал сборной НХЛ, убежден, выше, чем могло показаться.

На очередной пресс-конференции, проводившейся после третьего матча, мне не был задан вопрос, на который я отвечал уже несколько раз. Я напомнил журналистам о нем сам. И снова

пояснил, что турнир лишь этап в подготовке к чемпионату мира. Сегодня мы оказались сильнее, но ответ на вопрос об истинной расстановке сил можно получить только на чемпионате мира. Там будут все сильнейшие. Приезжайте — сыграем…

Скотти Боумэна спросили, согласен ли он отдать Кубок Стэнли советской команде.

Мой коллега ответил:

— Тихонов правильно сказал: у них свой турнир, а у нас — свой…

Несмотря на победу, нашим хоккеистам не грех поучиться у «звезд» и мощным броскам, и нацеленности на ворота при добивании. А таких защитников, как Робинсон и Сальминг, я смело поставил в пример для подражания нашим игрокам обороны. Вспомните хотя бы, как незаметно, словно бы из тени, вырастал не раз Робинсон у ворот сборной СССР. И это несмотря на все тренерские предупреждения и предостережения: глаз с него не спускать! Причем атаковал Робинсон без ущерба для своей основной, оборонительной деятельности.

Особенно подчеркнуло опасность шапкозакидательства наше посещение тренировки «звезд НХЛ». Мы воочию убедились, насколько хорошо поставлен у Боумэна учебно-тренировочный процесс. А еще больше — после всех разговоров о своеволии асов НХЛ — удивили нас хоккеисты: они проявляли исключительную сознательность и дисциплинированность в выполнении всех тренировочных упражнений. Причем после поражения в «Челлендж Кап» очень самолюбивые канадские хоккеисты удвоили старания: ведь именно игроки, а не руководство НХЛ, потребовали после этих матчей новых встреч со сборной СССР. Но не секрет (и серия матчей 1972 года тому подтверждение), что канадцы чрезвычайно быстро извлекают уроки из поражений.

Что же принесли матчи «Челлендж Кап»?

Канадцев они, с моей точки зрения, подхлестнули, заставили пересмотреть некоторые их взгляды.

Выиграл от этой серии встреч и мировой хоккей. Эти матчи еще раз подтвердили, что любой национальной сборной следует сохранять свой стиль, не чураясь при этом и заимствования лучшего из опыта соперников.

Для кандидатов в сборную СССР матчи с канадцами были проверкой их мастерства, мужества, характера в условиях жесткой, но, скажем прямо, несколько прямолинейной борьбы. Однако европейский, и в первую очередь чехословацкий, хоккей более гибок, более, я бы сказал, коварен. Вот почему при отборе игроков в состав на чемпионат мира мы, тренеры, учитываем качество выступлений хоккеистов на всех этапах подготовки — в

турнирах «Руде право» и на приз «Известий», в матчах со «звездами НХЛ» и во встречах чемпионата страны.

Нет предела совершенствованию, и каждый игрок должен помнить об этом. Помнить и совершенствоваться. В каждом матче, в каждом тренировочном занятии.

НЕУДАЧА

Победы нашей сборной следовали одна за другой. После успеха в Кубке вызова, после чемпионата мира 1979 года мы успели выиграть без особых затруднений и турнир на приз «Руде право», и традиционный предновогодний турнир «Известий».

Мы мчались на полной скорости к победе на Олимпийских играх. Казалось, что ничто не может помешать нам выиграть эти главные старты четырехлетия, тем более что наши традиционно трудные соперники хоккеисты Чехословакии, как вскоре выяснилось, подготовились к Играм неважно и выступили за океаном значительно ниже своих возможностей. Неожиданно слабое выступление было расценено в Чехословакии как провал. И в самом деле, впервые хоккеисты этой страны не попали в финальную часть турнира, где и разыгрывались олимпийские медали.

Все, кажется, сулило нам победу, все обещало успех, и абсолютно все были уверены в нашей победе, но, увы, сборная СССР оступилась.

Разумеется, серебряные медали — заманчивое достижение для многих спортсменов и многих команд, но только не для сборной Советского Союза по хоккею. Наши цели были очевидны: команда призвана была выиграть пятую Олимпиаду подряд, этой победы ждали, на нее рассчитывали, ее планировали все, и оттого итоги выступления команды были признаны неудовлетворительными. Надо ли напоминать, что это было первое поражение наших хоккеистов на Белых олимпиадах за последние 20 лет.

Должен признать, что прежде всего вину за эту неудачу несут тренеры команды. И в первую очередь я.

Можно выделить несколько обстоятельств, пагубно сказавшихся на нашей подготовке к Играм и на выступлениях команды в Лейк-Плэсиде. Некоторые ошибки были на моей, и только на моей, совести. О них — немного дальше. А пока о том, что было не совсем в моей власти, не во власти тренеров главной нашей команды.

Наверное, все любители спорта знают, что в последние годы костяк сборной составляли хоккеисты ЦСКА и столичного «Динамо». Армейцы — главный источник пополнения национальной команды, динамовцы тоже направляют в сборную немало игроков. Именно поэтому казалось мне разумным, что во главе сборной были поставлены старшие тренеры этих двух московских команд. Мы работаем в полном контакте с

Владимиром Владимировичем Юрзиновым, и нам, не скрою, помогало в работе то обстоятельство, что 17-18 хоккеистов находились под нашим постоянным контролем, тренировались с нами на протяжении всего сезона, поскольку один из нас изо дня в день работал с армейцами, а другой — с хоккеистами московского «Динамо».

В сборной 10-12, а то и 15 игроков ЦСКА, динамовцы же были представлены в 1979 году в сборной вратарем Владимиром Мышкиным, защитниками Василием Первухиным, Валерием Васильевым и Зинетулой Билялетдиновым и тремя нападающими — братьями Александром и Владимиром Голиковыми и Александром Мальцевым. Рассказывая о первых двух чемпионатах мира, на которых сборной руководили мы с Юрзиновым, я подчеркивал, какую большую роль сыграли в наших успехах динамовцы.

Но вот закончился сезон, завершился очередной чемпионат страны, «Динамо» заняло второе место, и Владимира Владимировича Юрзинова с работы сняли.

Разумеется, я не имею права вмешиваться в дела клуба, конкурирующего с нами, нет у меня, понятно, никаких оснований рассчитывать на то, что соперники прислушаются к советам и рекомендациям моим, да и не чувствую себя вправе поучать кого-либо, но не могу не заметить, что такие меры, как правило, успеха команде не приносят. Так случилось и в этот раз: в следующем сезоне динамовцы снова отстали от ЦСКА. А затем отступили и дальше. Начиная с весны 1981 года, уже не только ЦСКА, но и «Спартак» опережали «Динамо», и три сезона подряд после ухода Юрзинова динамовцы не могли вернуться на второе место в нашем хоккее. Напомню, кстати, что в мае 1983 года московское «Динамо» набрало 66 очков, в то время как армейцы — 81. Чемпион опередил третьего призера на 15 очков, забросив при этом на сто с лишним шайб больше.

Юрзинова сменил Виталий Семенович Давыдов. Но и его год с небольшим спустя освободили от должности старшего тренера. На его место назначили Владимира Борисовича Киселева. Однако спустя какое-то время и он был заменен: на его место пригласили Игоря Николаевича Тузика.

Решение о замене тренера в ведущем клубе должно было неизбежно задеть и сборную страны. Но об этом руководители общества не подумали.

И вот в сборную пришли вроде бы те же самые хоккеисты «Динамо», что выступали в национальной команде в прошлом сезоне в матчах Кубка вызова и на чемпионате мира. Однако это, в сущности, были уже другие хоккеисты. Обиженные, капризные

и, главное, плохо подготовленные. А объяснялась плохая подготовка команды прежде всего, как я считаю, тем, что команда отказалась от принципов работы, принятых при Юрзинове.

Снижение потенциальных возможностей игроков «Динамо» было очевидным: и функциональный, и игровой уровень оказались явно недостаточны. Динамовцы, приглашенные в сборную страны, плохо сыграли в турнире «Руде право», команда не слишком хорошо выступала в чемпионате страны, а результаты турне, которое совершило «Динамо» на рубеже Нового года по Северной Америке, оказались просто катастрофическими. Но когда армейцы и динамовцы вернулись в январе из-за океана домой, времени на переформирование сборной уже не оставалось: в отличие от чемпионатов мира, проходящих в апреле-мае, Олимпийские игры проводятся в начале февраля.

Здесь мы подходим ко второй ошибке. В допущенном просчете был виноват и я. Дело в том, что накануне Нового года наши ведущие хоккеисты поехали за океан, разбившись на две команды. Единой сборной на этот раз не было: ее игроки разошлись по разным командам.

С клубами Национальной хоккейной лиги соперничали ЦСКА и «Динамо», причем хоккеисты ЦСКА пригласили с собой тройку из горьковского «Торпедо», в которой были объединены Владимир Ковин, Михаил Варнаков и Александр Скворцов, кандидаты в сборную страны, а с динамовцами поехали игроки других клубов, которых мы тоже хотели проверить как кандидатов в сборную.

Сыграли мы за океаном неудачно. Особенно, как я уже говорил, плохо выступили динамовцы. Если судить только по спортивным меркам, то у армейцев все вроде бы было в порядке. Команда выиграла три матча из пяти, но… Но ведь не за победами в товарищеских матчах ехали мы за океан. Мы ехали готовиться к Олимпийским играм, и вот с этой точки зрения визит оказался малопродуктивным.

В первую очередь потому, что я не сделал очевидных, более того, необходимых выводов. Мне, пожалуй, не хватило решительности.

Матчи в Монреале и особенно в Буффало показали, что наши ветераны, прошедшие свой «пик» или достигшие его — согласен с любой формулой, — напряженную серию матчей или напряженный турнир, где матчи следуют друг за другом каждый день или через день, выдержать уже не могут. Играть в таком режиме им не по силам. В этой серии поединков с клубами НХЛ наша первая тройка проиграла свои микроматчи, в том числе команде в городе Буффало со счетом 0:4.

Канадская печать много писала о возрасте нашей «парадной»

тройки: в начале 1980 года им, вместе взятым, было уже больше… 100 лет.

В той поездке Петров и его партнеры выступали неудачно, игра не клеилась. Наблюдения эти огорчили меня. Огорчены итогами выступлений были и сами хоккеисты — и Борис Михайлов, и Владимир Петров, и Валерий Харламов, хотя все трое полагали, что, когда придет час решающих матчей, они сыграют на пределе собственных возможностей и снова подтвердят свой класс. Я попытался убедить неразлучных друзей в том, что целесообразнее — это будет отвечать интересам и команды, и их личным — одного из трех, например Бориса, или Валерия, или даже Володю, перевести в другое звено, а на его место поставить молодого хоккеиста. Я напоминал своим лидерам, что однажды они уже разлучались. Было это, кстати, тоже на Олимпийских играх, в 1972 году, в Саппоро, и команда оказалась там первой, и все трое получили по первой золотой олимпийской медали. Там Харламов играл вместе с более опытными Анатолием Фирсовым и Владимиром Викуловым, а с Петровым и Михайловым выступал Юрий Блинов, хоккеист ЦСКА, который был моложе знаменитых мастеров. Тренер ЦСКА и сборной страны Анатолий Владимирович Тарасов считал это решение исключительно удачным.

Но экскурс в историю не убедил наших лидеров. Они мне в ответ напомнили другое важнейшее соревнование того года — чемпионат мира, где они опять были разлучены и где наша команда впервые после девяти побед подряд на чемпионатах мира, уступила мировую корону хоккеистам Чехословакии.

Чем руководствовался я, начиная разговор с ведущими мастерами?

Канадское турне напомнило мне прямо и настоятельно, что нельзя больше откладывать то, что запланировано было еще года два назад, — реконструкцию знаменитой тройки. Мне хотелось ввести в звено свежие силы и тем самым, во-первых, продлить хоккейный век больших спортсменов, а во-вторых, максимально полно использовать в интересах команды их богатейший опыт.

Журналисты, да и тренеры не раз подчеркивали, что эта тройка представляет собой громадную силу именно как единое целое. Это было, несомненно, так. Но Михайлов, Петров и Харламов были сильны и как три первоклассных мастера. Каждый и сам по себе мог творить чудеса. Рядом с ними мог бы сыграть с очевидной пользой для команды хоккеист любого таланта и любого масштаба.

Но три друга настаивали на том, что они хотят выступить на Олимпийских играх вместе, говорили, что это, может быть, их

последний турнир такого уровня, и просили меня дать им возможность еще хоть раз сыграть в одной тропке. Первое звено команду не подводило.

Я не был согласен, что сходить Борис, Владимир и Валерий должны одновременно, но в споре с ними у меня не хватало одного аргумента: они и вправду на чемпионатах мира играли, как правило, отлично, не давая поводов для критики. И особенно хорошо тройка выступила на последнем перед Играми чемпионате мира, в 1979 году. Да, у них случались в сезоне срывы, в частности, в некоторых матчах чемпионата страны, в международных турнирах, но вот в главном…

И я уступил настоятельным просьбам знаменитых мастеров.

И потому считаю, что только один виноват в том, что первая тройка дала нашей сборной в Лейк-Плэсиде меньше, чем могла, меньше, чем ждали от нее тренеры, команда, болельщики. В матчах с финнами и канадцами Петров и его партнеры не забили ни одного гола. Впрочем, этого можно было ожидать: силы замечательных мастеров не беспредельны, а опекали наших лидеров соперники так же внимательно, как и прежде. Не хватило сил им и на решающий матч — с американцами: в этот день Борис, Владимир и Валерий тоже не сумели забросить ни одной шайбы.

Так команда была наказана за то, что ее тренер не проявил достаточной твердости в претворении в жизнь своих принципов в формировании сборной в целом и отдельных ее звеньев. Надо было, конечно же, в январе, перед выездом за океан, действовать решительно, заменить некоторых игроков, иначе сформировать первую тройку.

И еще один мой просчет.

В матче с командой США, ключевом, как оказалось, матче, я заменил Владислава Третьяка. Да, он ошибался в тот день, допустил грубый промах на последней секунде первого периода матча, но, зная Владислава, я не имел права спешить. Своим решением я, конечно же, очень обидел вратаря. Обидел недоверием, излишне критической оценкой его действий. Пожалуй, мой жест был продиктован впечатлениями минуты. Спустя некоторое время, выступая с Владимиром Юрзиновым на страницах «Советского спорта», мы подчеркнули, что нам, тренерам, трех игроков «даже и упрекнуть не за что, если говорить об отношении к играм, к подготовке. Мы имеем в виду Скворцова, Старикова и Третьяка».

Владислав так хотел поддержать товарищей, так хотел выручить команду, что этот психологический груз даже для него оказался чрезмерным.

Все мне советовали тогда менять Третьяка, и я, к сожалению, послушался этих советов. Конечно, было рискованно оставлять его в игре после досаднейшей ошибки — такой промах может кого угодно вывести из равновесия, но риск был бы оправдан: у этого замечательного спортсмена невероятная сила воли.

Потом я извинился перед вратарем, и последующая наша совместная работа не дает, кажется, нам поводов для взаимного неудовольствия. Третьяк снова и снова выручал и ЦСКА, и сборную страны.

Я получил тогда горький урок.

Олимпийский турнир складывался необычно. И не только для нашей команды, которая считалась основным претендентом на победу.

Напомню, что все сборные были разбиты тогда на две подгруппы — «красную» и «голубую». В «красную» попали команды Канады, Финляндии, Польши, Голландии, Японии и СССР. В «голубую» — Чехословакии, Швеции, США, ФРГ, Норвегии и Румынии.

В первом туре мы выиграли у японцев — 16:0, а команда Швеции сыграла вничью с американцами — 2:2. Сенсация произошла в нашей подгруппе: финны уступили команде Польши — 4:5.

Во втором туре неожиданное поражение потерпели хоккеисты Чехословакии, они проиграли сборной США — 3:7. Наши хоккеисты выиграли у команды Голландии — 17:4. Первые свои шайбы забросил Владимир Крутов (до поездки в Лейк-Плэсид Володя провел в составе сборной всего два матча и забил один гол).

Нетрудным оказался для нашей команды и третий матч — у сборной Польши мы выиграли — 8:1. В трех встречах забит 41 гол, пропущено всего 5 шайб. Казалось бы, все идет по плану.

Но начинается матч четвертый — с финнами, с теми самыми финнами, которые несколько дней назад проиграли польской команде, и сборная СССР неузнаваема. До 55-й минуты матча впереди наши соперники. Лишь за 5 минут до конца Крутов сравнивает счет, а на 57-й минуте Мальцев и Михайлов приносят нам победу.

Следующий поединок — с канадцами. Им отступать уже некуда: они проиграли финнам. И снова наша команда почти весь матч отыгрывается. На 44-й минуте счет ничейный — 4:4. Окончательный итог — 6:4 в пользу сборной СССР.

Итак, в финал выходят команды СССР (10 очков) и Финляндии (6) из «красной» подгруппы, Швеции и США (по 7 очков) — из «голубой». В борьбе за олимпийские медали не

участвуют ни канадцы, ни наши чехословацкие друзья. Но в финальном турнире учитываются только те очки, которые набраны против команд, попавших в финал. Стало быть, у нас 2 очка, у американцев и шведов — по одному, а у финнов — ноль.

В финале сборная СССР проводит два матча — сначала с командой США, затем — со шведами.

Матч с хозяевами Игр.

Наверное, нужно напомнить о политической обстановке, сложившейся в ту пору в США. Атмосфера враждебности по отношению к советским спортсменам, нападки на нашу страну в связи с оказанием помощи революционному Афганистану не могли не нервировать хоккеистов. Они осознавали свою ответственность, очень старались, но тем не менее единственное поражение от команды США, которую буквально накануне Игр мы легко (10:3) переиграли, лишило нас надежд на первое место. И хотя в заключительном матче сборная СССР уверенно выиграла у шведов (9:2), этот наш успех уже ничего не менял.

В Лейк-Плэсиде мы проиграли американцам с разницей в одну шайбу — 3:4. Но именно этот единственный гол во многом, с точки зрения части общественности, перечеркнул не только наши надежды, но и прежние достижения сборной.

В первую очередь досталось, понятно, мне.

Выступая в конце сезона в «Советской России» Анатолий Владимирович Тарасов снова усомнился в возможностях тренеров сборной СССР. Он подчеркнул, что «наши тренеры по руководству игрой уступали многим иностранным коллегам. Матч — не стихия, а логическое продолжение учебно-тренировочного процесса, лишь с одной важной особенностью — наличием противника, который все делает, чтобы лишить твою команду успеха».

Уступали многим коллегам… Не одному-двум, но многим…

Перед турниром в Лейк-Плэсиде все вроде бы было правильно — и методы работы, и подход к игрокам, к тренировкам. Не раз писалось, что соперники перенимают у нас опыт, принципы тренировок и игры. Теперь же все бралось под сомнение.

Такой подход к оценке работы большого коллектива, добившегося перед этим несомненных успехов, не кажется мне правильным и тем более полезным. Какими бы важными и желанными ни были победы, как бы ни сыграли сборная или клуб, всегда надо искать и позитивные, и негативные стороны выступления команды, тщательно анализировать игру, определять направления дальнейшей работы в частности и принципов, перспектив развития хоккея в целом.

Так же, признаюсь, осторожно встретил я и восторги, которые выпали на долю хоккеистов и тренеров сборной год спустя, когда мы выиграли чемпионат мира, а потом и Кубок Канады. То, что простительно восторженным болельщикам, не к лицу специалистам, истинным знатокам спорта.

Хотел бы, чтобы читатель, не слишком искушенный в хоккее, поверил мне, что и после неудачи в Лейк-Плэсиде, и после вызвавшей всеобщее восхищение победы в Кубке Канады я одинаково трезво анализировал итоги турниров, разбирал их тщательно, детально, скрупулезно. Самое интересное для меня и в том, и в другом случае оставалось неизменным — определить новые направления развития нашей игры, найти новые формы работы, чтобы неуклонно следовать курсом, который был проложен той нашей хоккейной командой, которая под руководством Чернышева и Тарасова, добившись девяти побед кряду, создала вполне определенное, славное для нас соотношение сил на международной арене. Стало быть, наше призвание, наш долг — постоянно хотя бы на полшага опережать своих соперников.

Думаю, и нынешний состав сборной СССР, сохраняя верность лучшим традициям старших, вносит свой вклад в укрепление престижа советской школы хоккея. Именно молодые спортсмены, мастера нового призыва смогли справиться с той задачей, о решении которой мечтали их старшие товарищи. Поколение Сергея Капустина и Сергея Макарова, Вячеслава Фетисова и Василия Первухина, Владимира Крутова и Алексея Касатонова, выигравшее Кубок вызова и Кубок Канады, произвело решительную переоценку ценностей в современном хоккее. И если два десятка лет назад сборная Александра Альметова и Вячеслава Старшинова, играя с молодежной командой «Монреаль Канадиенс», усиленной, правда, знаменитым «старичком» вратарем Жаком Плантом и еще пятью взрослыми игроками, уступила дублерам знаменитого клуба НХЛ — 1:2, то сегодня и сборная звезд Национальной хоккейной лиги дважды, в решающих, самых престижных матчах, обыграна вчерашними нашими юниорами.

Но работа впереди снова немалая. После побед на чемпионатах мира в 1981-м, потом в 1982-м, затем в 1983 году мы каждый раз начинали все сначала. Ибо если мы довольствуемся уже достигнутым, если творческая мысль тренеров и игроков находится в состоянии застоя, то нас быстро обойдут.

Мы призваны быть людьми беспокойными, может быть, для кого-то даже неудобными, постоянно чем-то досаждающими,

портящими настроение. И после победы, громкой, счастливой победы я не хочу, не могу утверждать, что все у нас в порядке.

Чемпионом, как известно, навсегда не становятся. Свое положение в иерархии хоккея мы должны подтверждать и доказывать ежегодно. И потому ежегодно призваны начинать все заново. С самого начала.

КРУГ ЗАБОТ

Управление игрой

Тренер постоянно находится в цейтноте. У него недостаточно времени на тщательное обдумывание решений. Он в постоянной спешке.

А в спешке трудно избежать ошибок. Даже многоопытные шахматные гроссмейстеры далеко не всегда избегают в цейтнотной горячке неверных ходов.

Есть много специалистов, прекрасно разбирающихся во всем, что касается хоккея (говорю об этом без малейшего намека на иронию). Они знают, как надо тренироваться, какой состав ставить на матч, как формировать звенья, в каком порядке выпускать их на лед. Эти специалисты точно знают, кто прошел свой пик, с кем пора команде расставаться. Знают, почему и как надо переходить на новую методику тренировок, как изменить тактические схемы игры, какую избрать тактику на сегодняшний матч, а какую — на завтрашний. Одним словом, они знают все, но не могут добиться успеха только по одной причине — у них недостает времени принять верное решение, а оттого недостает и решимости сделать то, что кажется им разумным, перспективным, единственно правильным.

Но и это не главное. Еще важнее другое — ответственность, неизбежно связанная с принятием решения, с выбором.

Одно дело — смотреть со стороны за тем, что происходит в команде, в игре, высказывать полезные, правильные рекомендации и совсем, поверьте, другое — принять решение, если на тебя вместе с этим решением возлагается вся громадная ответственность за судьбу коллектива, за судьбу дела.

Управление игрой, управление командой — это не только умение организовать тренировки, каждый раз интересные для твоих подопечных, не только умение послать на лед в нужный момент нужных игроков. Это и отношения с игроками. С каждым в отдельности и со всем коллективом в целом. Управление игрой, командой — это и отношения с руководством клуба, ведомства. Это, наконец (но не в последнюю очередь), умение проводить в жизнь свои решения. И сиюминутные, даже сиюсекундные, касающиеся этого матча или этого игрового эпизода. И общие, принципиальные, намеченные на перспективу, — может быть, на долгие годы.

А времени нет. И не будет.

Сижу подчас на трибуне, вижу, что мой коллега неправильно ведет матч, не вовремя, с моей точки зрения, меняет хоккеистов, передерживает на скамье запасных то или иное звено. Имея в составе пять полноценных и, более того, едва ли не равноценных пятерок, решает обойтись только тремя (четвертая пятерка появилась на льду, когда сравнять счет было уже очень трудно, если возможно вообще). Вижу очевидные, с моей точки зрения, промахи, но… не тороплюсь делать выводы.

Знаменитая формула «я бы на его месте» в хоккее для тренера не действительна. На «его» месте — просто, на «своем» — неизмеримо сложнее. И сколько я видел тренеров, которые действительно квалифицированно, со знанием дела разбирали ситуацию на поле, в команде, но сами тем не менее, получив команду, действовать столь безошибочно и решительно, как рекомендовали они это коллегам, не могли. Не хватило времени. Не хватило характера.

Владимир Юрзинов, зная меня хорошо, все еще удивляется порой:

— Ну и решительный же ты, сразу отрезал…

У тренера, который стоит за бортом, время спрессовано. Он в вечном цейтноте, даже в том матче, когда команда его выигрывает. Ибо и та игра, в которой его команда побеждает вроде бы без труда, стоит немалых усилий и игрокам, и тренерам, ведь и в этом случае тренер не имеет права допустить хотя бы малейшую ошибку. Он призван замечать все нюансы в действиях своих подопечных, чтобы фиксировать просчет, промах, чтобы эти ошибки не повторились завтра, когда соперник будет сильнее и матч труднее.

Наблюдая за игрой со стороны, ты не скован временем, ты можешь спокойно разобраться в том, что происходит на льду, что верно, а что нет. А тому, кто у площадки, лишь секунды отведены для размышления, для принятия решения, и это решение должно быть и правильным по сути, и понятным всем игрокам.

Вспоминаю один игровой эпизод, которому был свидетелем. Тренер дал команду своим хоккеистам, играющим с одним «лишним», смениться. Тренер в общем был прав: его хоккеисты устали. Но в это время шайба была у них, они атаковали в дальней зоне, и форварды, естественно, не услышали распоряжения тренера. Один из нападающих откинул шайбу назад, к границам зоны, но своего защитника там не оказалось: он, услышав команду, поехал меняться. Капитан в пылу схватки, разгоряченный очередной неудачей, что-то зло выкрикнул, и тренер правильно, на мой взгляд, не отреагировал на этот

выкрик. Оба были в той ситуации не правы. И тренер, неверно выбравший момент для замены своих игроков, и капитан, не имеющий права грубить тренеру. Но все началось с промашки спортивного наставника, и потому он поступил разумно, отложив разбор ситуации и выяснение отношений до окончания матча.

Тренер мгновенно принимает решение — иногда верное, а иногда и ошибочное. Иной раз и вовсе не принимает никакого решения: не успевает, а потом выясняется, что это — к добру.

Как мы принимаем решения? Каждый по-своему.

Порой — не просчитав все до конца, но сообразуясь с обстановкой, с интуицией. А эта интуитивная оценка не всегда понятна игрокам, да и самому тренеру потом долго приходится разбираться в том, что произошло: порой и он не может объяснить, почему принял это правильное, как оказалось, решение.

А интуиции у одного тренера больше, у другого — меньше, она основана и на природном даре, и на опыте, и на знании хоккея.

Интуиция важна необычайно. И как убеждает меня практика, на чутье, интуицию полагаться необходимо. Если что-то тебе подсказывает поступить так, а не иначе, поступай, даже если не можешь вразумительно объяснить мотивов своего решения.

Вспоминаю трудный матч в Риге, сыгранный осенью 1981 года. Наши ворота защищал Александр Тыжных, вратарь одаренный, интересный, надежный дублер Третьяка. Но в тот день мне не хотелось выставлять его на игру. Сказал об этом Моисееву. Юрий Иванович задал резонный вопрос: «А почему? Ведь его очередь играть». Аргументов у меня не было. Тыжных нас не подводил. Играет надежно, и претензий к нему нет. Послушался совета Юрия Ивановича.

Саша в том матче пропустил семь голов.

И смех, и грех. Но не винить же в этом Моисеева.

Было предчувствие — надо было себе верить.

Но вернемся к разговору о цейтноте, в который постоянно попадает тренер хоккейной команды.

Эта ситуация постоянной нехватки времени касается не только 60 минут, отпущенных на проведение матча, но и организации тренировочного процесса, всей работы в команде. Многие тренеры могут составить прекрасные, всесторонне продуманные планы, выполнение которых подведет хоккеистов к пику формы в нужный момент, но вот выполнить эти планы значительно труднее: не хватает времени, упорства, настойчивости. Не хватает характера, силы воли, чтобы добиться своего.

Для выполнения перспективного плана, определяющего жизнь команды на долгие годы, надо быть не только внутренне глубоко убежденным в его правильности, но и работать систематически, постоянно, творчески. Надо уметь требовать выполнения этого плана. Требовать… Наверное, это самое непростое в работе тренера.

Но что означает для тренера требование неукоснительного выполнения намеченных планов? Не создаются ли при такой требовательности ситуации, которые могут вести к конфликтам? Вряд ли открою секрет, если напомню, что далеко не всегда и далеко не все игроки единодушны в своем желании точно и систематически выполнять все требования, предъявляемые тренером.

Так снова возникает вопрос о дисциплине. Так снова возникают поводы для взаимного недовольства.

В качестве наглядного примера расскажу о своих несложившихся взаимоотношениях с Александром Гусевым и некоторыми другими хоккеистами.

Когда конфликт неизбежен

Такие истории не забываются. Они дорого обходятся тренерам.

Команде пришлось расстаться с Александром Гусевым, первоклассным защитником, хотя по уровню своей игры, подготовки он мог бы еще выступать не один сезон. В 1968 году он стал чемпионом СССР впервые, в 1978-м — в восьмой, и последний, раз.

Было тогда Александру 31 год.

Кстати, возраст, по-моему, понятие в спорте весьма относительное. Одному хоккеисту и в двадцать восемь уже не по силам игра в третьем периоде, а Борис Михайлов и в 35 лет, в 1979 году, был куда как хорош, и его справедливо назвали лучшим хоккеистом Европы.

Мне не хотелось бы, чтобы читатель воспринимал Гусева как некое воплощение зла, а поскольку говорилось и писалось о нем более чем достаточно, то боюсь, что у болельщика ЦСКА возник портрет сугубо отрицательного героя. Это не так. Любой человек живет в конкретном времени и в конкретной ситуации, а это конкретное время, время скольжения Гусева вниз по наклонной плоскости, в истории хоккейной команды ЦСКА пришлось на те

годы, когда дисциплина в коллективе была ослаблена. И если тот, кто обладал устойчивым характером и сильной волей, сохранял свое лицо, свой профессиональный уровень и в этих условиях, то менее стойкие не находили внутренних сил удержаться от соблазнов и заставить себя работать столько, сколько требовали интересы дела.

Нарушения в команде в то время, когда предыдущий тренер заканчивал свою работу, а я начинал, не были, пожалуй, чем-то чрезвычайным.

Сейчас, задним числом, могу признаться, что я был поражен увиденным. Меня убеждали, что не стоит выносить сор из избы, напоминали, что в других командах положение дел не лучше: при нынешних высоких требованиях, вчера еще просто немыслимых, психологические срывы не исключены и потому не надо драматизировать ситуацию.

Психологические спады, даже срывы я могу понять и допустить. Но не нарушения дисциплины, ибо не верю я в возможность стабильных успехов той команды, где нет дисциплины, приученности к порядку, к самоконтролю. Кому, какому зрителю интересно смотреть на игроков, действующих после вчерашнего ли, позавчерашнего ли празднества вполсилы? О каком совершенствовании класса, мастерства может идти речь в такой ситуации? До этого ли здесь? Хорошо бы не растерять все, что есть, хотя бы что-то сохранить.

Воспитывать легче, чем перевоспитывать, — эту прописную истину, к сожалению, постоянно вспоминают не только школьные учителя, но и тренеры.

И особенно тяжело работать тем тренерам, кому приходится заниматься со спортсменами избалованными, привыкшими ко всеобщему вниманию.

Конечно, Гусев был первоклассный по своему времени защитник. Не стану его сравнивать ни с Николаем Сологубовым, ни с Вячеславом Фетисовым. Каждый из этих знаменитых игроков обороны — герой своего времени. Но это не означает, что у Александра было право на поблажки.

Не знаю, как и почему все это началось. Знаю, что немало усилий в борьбе с ним за него самого приложили и Тарасов, и Кулагин, и Локтев. Знаю, что и наказывали они его, и на матчи не ставили, и из сборной выводили. И все впустую. Не смог ничего сделать и я.

Думаю, что парня упустили в молодости, если не в юности.

Может быть, помогла бы ему резкая встряска в молодые годы, на первых порах подключения его в команду мастеров, не знаю. Как не знаю, почему и когда сам Александр махнул на себя рукой.

Знаю только — из рассказов Валерия Харламова и других наших спортсменов — что на каком-то этапе Гусев решил в корне перестроиться, говорил, что отныне, с рождением ребенка, непременно начнет новую жизнь. Увы, не получилось. Благим этим намерениям не суждено было сбыться, и наш клуб, наш хоккей утратил одного из самых одаренных спортсменов.

Он потом попробовал еще поиграть в ленинградском СКА, но и там ничего не получилось.

Гусев сам раньше срока проводил себя из большого спорта.

К счастью, дойдя до критического предела, Александр встряхнулся. Остановился. Судя по всему, задумался наконец о своей судьбе.

Сумел поступить учиться. Я подписал его рапорт, поскольку верил, что должен Гусев осознать всю опасность прежней своей жизненной линии. Учится Александр в Ленинграде, в институте имени Лесгафта. Играет за институт. Когда наша команда приезжает на матчи в Ленинград, Гусев непременно бывает на этих играх. Приходит в команду, в раздевалку, непременно подойдет поговорить с тренерами, со мной. Гусев понял, что я был прав. Решительные действия тренера не толкнули его на худшее, но, напротив, помогли выпрямиться. Я искренне рад этой перемене.

Борис Александров, заигравший в ЦСКА в середине 70-х годов, моложе Гусева на восемь лет. И он не смог отказаться от соблазнов, не сумел бороться с собой, измениться.

Об истории этого форварда, так много обещавшего в год дебюта в ЦСКА, я продолжу рассказ чуть дальше, а сейчас небольшое отступление.

Я назвал два имени, но истины ради должен оговориться, что не только с этими хоккеистами тренерам ЦСКА и сборной СССР пришлось вести борьбу.

Я вспоминал уже, что команда определенное время играла только полтора периода, а затем, используя более высокий класс, старалась только удерживать счет. Чем объяснялась эта «экономия» сил? Не только тем, что не все хоккеисты успевали во время предсезонных сборов заложить солидный фундамент атлетизма, на котором потом возводится прочное здание мастерства. Но и тем, что фундамент этот подрывался, расшатывался в результате нарушений режима.

Произошла остановка, команда перестала расти, хотя запас мастерства и присутствие великолепных игроков позволяли по-прежнему удерживать звание чемпиона страны, благо другие ведущие клубы пока еще на чемпионский титул и не замахивались.

О Борисе Александрове заговорили рано. Авансов ему было выдано столько, что их могло бы хватить на целую команду. О нем говорили как о явлении в хоккее.

Борис был действительно самобытным спортсменом. Но он не сумел справиться с быстро пришедшей к нему известностью. Не прошел испытания «медными трубами», не одолел искусов, связанных с популярностью и успехами. Александров неверно оценил свое место в спорте, свою роль в команде, поддержку тренеров и партнеров.

Начав работать с командой, вплотную познакомившись с хоккеистами, я увидел, что Борис — парень, безусловно, одаренный, талантливый, но уж очень избалованный и не то что капризный, скорее, просто вздорный. Боюсь, что уже таким он попал в ЦСКА.

Я поразился, услышав, как плохо отзывались о нем хоккеисты. Иногда ложно понимаемое товарищество побуждает спортсменов защищать своего провинившегося партнера, но здесь все, к сожалению, было проще: команда не пожалела Бориса и рассталась с ним без особых, прямо скажем, огорчений. Знаю, что хоккеисты без подсказок тренеров пытались что-то объяснить Александрову, спорили, ругались с ним, причем воевали с ним игроки с разными взглядами и темпераментами, разного возраста. Предлагали отчислить Бориса из команды и Анатолий Фирсов, и Геннадий Цыганков.

В лучшие годы Александрову были свойственны необычная обводка, смелость, игровая сметка. Его напористость и удачливость бросались в глаза. Впрочем, в глаза бросались и его грубость, хамство, откровенная неприязнь к соперникам, о чем писала в критическом материале об Александрове газета «Советский спорт». Но ему все прощали: верили в талант, верили в то, что хоккеист изменится. А кончилось тем, что уже никакие авторитеты — ни тренеры, ни руководители клуба — не значили для Александрова ничего. Все списывалось на его юность и одаренность, хотя давно пора было ему повзрослеть. Ведь Александров играл и в сборной. Его опекали, тянули Владимир Викулов и Виктор Жлуктов. В 1976 году, в Инсбруке, Александров стал олимпийским чемпионом.

Дисциплины для Бориса не существовало. Я наказывал его уже не раз и по-разному: снимал с игры, выводил из состава до конца сезона. Он каялся, просил простить его в последний раз. Прощали, но все опять начиналось сначала. Когда я вывел его на три месяца из команды, он должен был тренироваться с молодежным коллективом. Но Александров, и занимаясь с юношами, вел себя так же. И в то же время ходил к начальству,

заверял, что все понял, что начнет новую жизнь. Руководство уговаривало меня попробовать еще раз. Пробовал, проявляя слабость, но…

Решил перевести Александрова в другую армейскую команду, значительно ниже рангом. Я надеялся, что он поймет, наконец, что далее так продолжаться не может. Увидит, что ему надо зарабатывать возможность снова попасть в ведущий клуб страны. А если будет тренироваться по-настоящему, если захочет вернуться к нам, если сумеет правильно оценить свое место в спорте, свою роль в команде, то мы вернем Александрова в ЦСКА.

Не вышло. И в СКА Александров по-прежнему продолжал куролесить.

Думаю, медвежью услугу оказали тренеры «Спартака» Борису. Они уговорили его демобилизоваться, вернули в Москву. Пригласили в популярнейший московский клуб.

Как игрок Александров ничего не дал новой для него команде. Как личность утратил многое, в частности возможность пересмотреть свою жизнь. Ведь ему снова дали понять, что хоккей без него не обойдется.

Подумали о сиюминутных интересах «Спартака» (хотя я убежден, что Александров и этой команде принес не столько пользы, сколько вреда, ибо и там продолжал вести себя по-прежнему), но не подумали о том, что человек, которому уже под тридцать, загублен.

Тренеры мучались с Борисом и в «Спартаке», переводили из одного звена в другое, но с кем бы Александров ни выходил на лед, пользы принести он уже не мог.

Остались только воспоминания о былом таланте да репутация, отнюдь не украшающая спортсмена.

Но и в «Спартаке» тоже возиться с ним бесконечно не могли.

Ведь и здесь Александров не являлся на занятия, на тренировки, на игру, игнорировал требования тренера.

Его отчислили и из «Спартака».

Две прослойки

Заботы тренера бесконечны.

Проблемы возникают одна за другой, и каждую надо решать сейчас же, немедленно.

А всякая проблема — это люди, взаимоотношения в коллективе.

В ЦСКА, когда я принял команду, были две группы хоккеистов. Лидеры, игроки сборной, с одной стороны, а с другой — те спортсмены, кого не приглашали в сборные команды страны: ни в первую, ни во вторую. К этой второй группе относились такие, например, хоккеисты, как Вячеслав Анисин, Александр Волчков, Алексей Волченков, Сергей Гимаев, Александр Лобанов.

Все эти мастера могли в то время, по моему мнению, подтянуться по уровню игры к лидерам. Задатки, возможности каждого из них, несомненно, позволяли тренерам ставить перед ними задачи любой трудности.

Увидев это, я пришел к мысли, что перед этими хоккеистами могут и должны быть поставлены определенные цели. Они могут и должны быть впереди всех соперников из других клубов. Пусть они здесь, в ЦСКА, не первые (а многие ли вообще хоккеисты могли соперничать с Харламовым или Михайловым, Викуловым или Лутченко, и не только у нас, но и за рубежом?), но они могут быть лучшими среди остальных хоккеистов.

К сожалению, наши мастера внутренне не были нацелены на это, они смирились со вторыми ролями и не стремились к постоянному совершенствованию своего мастерства, к труду неустанному, не знающему выходных, тем более что золотые медали в чемпионате страны они получали точно такие же, как, скажем, Владислав Третьяк.

Мы вправе были требовать от них игры более высокого класса, иначе… Иначе надо уступать места другим, тем, кто мечтает играть за ЦСКА, играть и постоянно расти.

Сколько кому по силам

Другая проблема, касающаяся отношений в команде.

Защитники Ирек Гимаев и Сергей Бабинов — известные мастера. Чемпионы мира. Игроки основного состава сборной Советского Союза.

Этим хоккеистам в нашей команде очень трудно в психологическом плане. По одной только причине: им хочется ни в чем не уступать своим более молодым партнерам Фетисову и Касатонову. А силы, а мастерство не те. Ирек и Сергей хороши, но их коллеги еще сильнее. Это реальность, это понятно при взгляде со стороны, но с этим не хочется мириться тому, кто рядом с Фетисовым и Касатоновым. И оттого возникает периодически

соблазн: а почему бы не попробовать проверить себя? Чем я хуже? Может, и у меня теперь получится.

Так случается нередко. Тот или иной хоккеист может сыграть плохо только потому, что переоценивает свои силы. Не будем ругать этого хоккеиста. В определении качества своей игры всегда трудно дать себе объективную оценку.

Если смотреть на вещи трезво, надо, к сожалению, признать, что Ирек не может себе позволить то, что позволяют его более молодые партнеры. Сила Ирека — в строгих действиях, соизмеряемых и с ситуацией, и со своими возможностями. Рациональная игра — основа успехов Гимаева. Он не обладает такими могучими физическими, скоростными данными, искусством силовой борьбы, как его товарищи по обороне. В этом Ирек на поле уступает, но, переоценивая себя, он иногда снова и снова устремляется вперед и «проваливается» вновь и вновь. Команду за его авантюры наказывают голами, и я вынужден снимать защитника с игры.

Жаль! И ему обидно, и нам не хочется его обижать. Хоккеист он очень хороший.

Второй тренер

Еще одна чрезвычайно интересная и сложная проблема — взаимоотношения тренеров в команде. Друзья и соратники, преследующие общую цель, — так я представляю себе сотрудничество тренеров. Иного положения, иных отношений быть не может. По крайней мере, не должно.

Плохо, если тренер, возглавляющий команду, ревнует ее к своему помощнику. Еще хуже, если он не доверяет помощнику, опасается его. Но, с другой стороны, так же плохо, если второй тренер мечтает, как бы подсидеть коллегу и занять его место.

Работая тренером вот уже два десятка лет, я неизменно старался найти верные отношения со своими помощниками. Ибо хорошо помнил свое сложное и порой неясное, пожалуй, даже неловкое положение в должности второго тренера в московском «Динамо».

Многое старался я перенять у Аркадия Ивановича Чернышева, когда был его помощником, — присматривался к его работе, прислушивался к замечаниям многоопытного тренера. Единственное — но и существенное! — неудобство моего положения заключалось в том, что я не знал как следует, что мне

нужно делать, за что браться, за что отвечать. Ведь это была новая для меня работа. Правда, определенная самостоятельность появлялась в те сравнительно редкие моменты, когда старший тренер динамовцев работал со сборной страны.

Не могу, однако, сказать, что у меня была вторая роль в команде. Роли, пожалуй, не было никакой. Но положение стало значительно более неопределенным, когда в команду на должность тренера пригласили еще и Юрия Волкова. В «Динамо» оказалось два помощника старшего тренера, причем разделения обязанностей или функций не было решительно никакого. И вообще круг наших забот очерчен не был.

Поверьте, нет ничего хуже положения человека, с которого ничего не спрашивают, которому ничего не поручают и ничего не доверяют.

И потому, став старшим тренером, я постарался не только определить круг забот второго тренера, но всячески помогал ему в подготовке и проведении занятий, поддерживал его, помогал найти свое место в команде. Хорошо прочувствовав на себе все, что может быть связано с неопределенностью положения второго тренера в команде, я старался организовать нашу работу так, чтобы все на себя не брать, чтобы доверять своему помощнику. Ведь и ему интереснее в таком случае работать, помогать старшему тренеру. И он чувствует, что нужен команде, делу.

Сейчас роль и первого, и второго помощников старшего тренера возросла. Теперь на тренировку приходят не пятнадцать, как когда-то, а 25 спортсменов. А если добавить и игроков молодежной команды, то набирается до тридцати человек.

Как строится тренировочное занятие ЦСКА? Бывает, что занимается вся команда сразу, и тогда занятие веду я. Бывает, что работа идет по группам, и потому крайне важно, чтобы помощник выполнял все так, как определено планом тренировки. Тридцать человек на льду — это много. Может, конечно, облегчить дело микрофон, но это не всегда полезно, если речь идет об учебно-воспитательной работе. Чаще необходим живой человеческий голос.

Когда половина команды уходит вместе со мной в сборную, другая половина остается с Юрием Ивановичем Моисеевым и Виктором Григорьевичем Кузькиным, и потому мы должны работать одинаково, на равных, если хотите — синхронно. Так, чтобы не было различий в степени подготовленности хоккеистов, когда первая и вторая группы снова сливаются в единый коллектив, в единую команду.

Общеизвестно, кажется, что руководитель плох, если во время его отсутствия — при отъезде или болезни — все рушится.

Считаю одним из самых точных показателей мастерства тренера успешную работу команды в его отсутствие.

Когда помощник тренера работает самостоятельно, хотя и под контролем старшего тренера, когда он чувствует свою полную — и равную с коллегой — ответственность, то и сам растет как специалист, и вместе с тем это идет на пользу команде, положительно сказывается на ее игре и результатах.

Мне довелось сотрудничать в разных командах — клубных и сборных — со многими помощниками. Работал с Яном Ансовичем Шульбергом, Эдгаром Яновичем Розенбергом, Эвалдом Артуровичем Грабовским, Борисом Александровичем Майоровым, Александром Тихоновичем Прилепским, Николаем Ивановичем Карповым, Юрием Ивановичем Морозовым, Робертом Дмитриевичем Черенковым, Юрием Ивановичем Моисеевым. Сейчас работаю с Юрзиновым, Михайловым, Кузькиным. Неизменно старался и стараюсь строить отношения на взаимном доверии. Считаю, что у нас должны быть равные обязанности на работе. Исходя из этого и предлагаю коллеге распределение функций. Оба тренера готовят задание на тренировку и отвечают за него. Одинаковый подход к принципам работы не исключает возможности споров и даже расхождений по тем или иным вопросам.

Роль второго тренера очень сложна. Порой случается, что некоторые хоккеисты, особенно те, кто постарше, не хотят выполнять его указаний. Решен, казалось бы, вопрос с дисциплиной, команда управляема, послушна, но едва старший тренер расстается с коллективом хотя бы на день-другой, как работа начинает страдать: второму тренеру спортсмены подчиняться не хотят.

И в ЦСКА была сходная ситуация. Ребята сначала пытались оспаривать строгие меры моих помощников, им казалось сомнительным такое ведение дел, при котором другие тренеры имеют те же права, что и первый, если старший тренер отсутствует в команде, если он в это время работает со сборной страны. Пришлось приложить немало энергии и сил, чтобы хоккеисты внутренне согласились с тем, что все тренеры равно могут и должны влиять на жизнь коллектива.

Второй тренер — первый помощник руководителя команды, необходимая и важнейшая фигура в современном хоккее. В этом у меня нет никаких сомнений. Но зато более чем достаточно сомнений по другому поводу — по поводу так называемых играющих тренеров.

Играющий тренер

Когда Борису Михайлову исполнилось тридцать пять, меня спросили, нет ли смысла назначить его играющим тренером. Предложение было сделано в таких словах:

— Пусть помогает вам, Моисееву, Кузькину… Дело ведь, наверное, найдется?…

Дело бы, конечно, нашлось.

Но я принципиально против играющих тренеров. Не против самого Бориса — это был превосходный капитан, на которого мы вполне полагались и который энергично и деятельно помогал нам.

Я далеко не убежден, что возможен, приемлем сегодня в классной команде такой тренер — играющий. Хотя, конечно, помню, с каким энтузиазмом говорили и писали об этом не только журналисты, но и сами тренеры, и руководители команд, вводящие эту новую должность в своих спортивных коллективах.

Но что значит — играющий тренер? Он игрок? Или тренер? Спрос у меня с него какой: как с тренера или как с игрока? Не будем, кстати, забывать, что игрок этот не работал ни одного дня ни в одной команде, специально ничему не учился и о нелегкой должности спортивного наставника судит пока со стороны. Почему же вдруг он получает право воспитывать, учить своих нынешних коллег, мастеров такого же высокого уровня?

Кстати, как понять, объяснить психологический настрой играющего тренера? Как он воспринимает матч, тренировки, отношения с партнерами — как тренер, отвечающий за положение дел в команде, или как спортсмен, все еще продолжающий выступать?

Или играть — или тренировать. Третьего не дано. Третье — фикция.

Моя точка зрения проста: трудно стоять одной ногой на берегу, а другой — в отплывающей от берега лодке.

Играющий тренер сразу, поскольку он играет, теряет авторитет: он не имеет права ошибаться на поле как игрок, иначе его не будут воспринимать как тренера. Опасен сакраментальный вопрос: а сам как играешь? Ошибаться нельзя, но ведь избежать ошибок в хоккее невозможно.

Играющий тренер — своеобразное промежуточное звено между коллективом и его наставниками, и если раньше хоккеисты воспринимали игрока как своего товарища, как партнера, может быть, даже лидера, то сейчас они не знают, как к нему относиться. Подчиняться ему как тренеру? Оставаться на

тех же правах, в тех же отношениях, как и прежде? Чувствовать себя равным с ним и спрашивать с него как с равного? Не только отчитываться за свою игру, но и спрашивать с него, что, согласитесь, естественно в коллективе равных, а иным коллективом команда и не может быть?

Это все надуманно. На практике я не могу припомнить ни одного случая действительно успешного совмещения двух этих «должностей».

А вот примеры неудач, к сожалению, подыскать было бы нетрудно, но я не хочу возвращаться к этой теме, бередить душу неудачников: не они были, в конце концов, инициаторами этих идей. Любители хоккея и сами помнят такие эксперименты.

Играющий тренер кончается как игрок, но вместе с тем еще не начинается как спортивный наставник. Провести занятие в полном объеме, да еще по собственным планам он не может, не умеет, у него не хватает специальных знаний, да и времени на подготовку таких планов у него нет. Отсутствуют, понятно, и нужные навыки. Да и не появятся эти знания, которые требуются для квалифицированной работы с командой мастеров, пока не проработает он несколько лет, пока не продумает все, не выстрадает, не обожжется на неудачах, промахах, ошибках.

Такой хоккеист может провести отдельную часть урока, несколько занятий, а дальше: чем заполнить вакуум? Как станет он готовить команду, своих партнеров, которые знают порой не меньше его?

Но если речь идет только об одном занятии, то при чем здесь играющий тренер? Я могу поручить упражнение или несколько упражнений своим самым опытным хоккеистам, таким, как Виктор Жлуктов, а могу доверить занятие и более молодому игроку, например, Вячеславу Фетисову или Игорю Ларионову. Они тоже знают, как провести эту часть занятия, тоже хорошо знают набор упражнений. Здесь сложности никакой нет: тренер сказал спортсмену, что надо сделать, и тот сделает все как надо, если тренируется в команде не первую неделю. В общей схеме тренировок многое, понятно, повторяется и потому хорошо знакомо игрокам.

Лишь в одном варианте возможно, по моим представлениям, совмещение «должностей»: если спортсмен стал тренером, имеет минимальную практику, какое-то время уже работает, но все еще в силах играть. Речь, разумеется, может идти только о команде низшей лиги, команде, выступающей не во всесоюзном, а в республиканском или в городском чемпионате, или в клубе за рубежом, где класс хоккея такой, что позволяет нашему ветерану выходить на лед, где тренер и на площадке не испортит общей

картины действий команды, которую ему доверили опекать.

Читал много об играющих тренерах. Статьи, интервью, даже книги. Все помню. Не помню только одного — имени тренера, добившегося успеха.

«Диктатор» или «демократ»!

В своей команде во всех спорах и дискуссиях с игроками неизменно требую одного: докажите, убедите фактами. Только фактами, а не ссылками на авторитеты, цитаты, на мнение большинства. Только факты, только реальность, неопровержимая и убедительная, весомы для меня.

Принцип доказательности особенно важен, когда речь идет о команде. Хоккеист, споря со мной, исходит из собственных оценок, пристрастий, интересов. В основе его позиций — индивидуальная психология, а тренер призван учитывать психологию и интересы коллектива.

Жизнь большой спортивной команды определяется в решающей мере стилем руководства человека, ее возглавляющего. Умением руководителя потребовать исполнения своих решений.

Какой стиль руководства со стороны тренера предпочтительнее? Авторитарный? Демократический?

Размышляю об этом, с интересом читаю, что пишут тренеры, специалисты, работающие в других областях.

Крупнейший советский хирург, лауреат Ленинской премии Николай Михайлович Амосов — один из самых интересных для меня авторов. В журнале «Наука и жизнь» летом 1983 года публиковались отрывки из его новой книги. Это «Книга о счастье и несчастьях».

Сделал такую выписку:

«Руководитель крупной хирургической клиники — всегда диктатор. Если он размазня, то и клиники нет. Единоначалие и дисциплина, как на войне.

Поэтому я могу объективно критиковать подчиненных и выставлять им всякие баллы. Если мой тон категоричен, то никто и не возразит. Пошепчутся, понегодуют — и все. И о смерти своего больного могу сказать: болезнь или помощники виноваты. Но беда в том, что я вполне могу остаться в убеждении, что все правильно, а я такой хороший. Природа человеческая коварна. Важно не пропустить опасной границы.

Поэтому кроме честной самокритики (критики снизу ожидать нельзя) заведен у меня еще один метод контроля.

Он называется примитивно. «Голосование». Прямое, тайное и равное.

Суть вот в чем. Аня, мой секретарь, печатает бюллетени. В столбце перечислены заведующие отделениями и лабораториями, всего двенадцать. Нужно оценить их соответствие с должностью, «по личным качествам» и «по рабочим». Против каждой фамилии голосующий может поставить оценку: «да» (значит «плюс»), «нет» («минус») и «ноль» («не знаю», «не могу оценить»).

На утренней конференции без предупреждения раздают бюллетени всем врачам и научным сотрудникам, их у нас около семидесяти. Объясняю правила процедуры.

— Тайна гарантируется. Результаты объявляться не будут. Каждый заинтересованный может подойти ко мне и спросить, как его оценили. Если хочет.

Проголосовать нужно в течение дня, обдумывать не спеша. Ящик, заклеенный пластырем, стоит в приемной.

Каждый раз я с трепетом перебираю листочки и считаю свои плюсы, минусы и нули… И первый, и второй, и третий годы.

До сих пор каждый раз вздыхал с облегчением: пронесло!

В самом деле, у меня устойчивые хорошие показатели. По деловым качествам — два-три минуса, по личным — пять-семь. Пять или десять процентов осуждающих или даже ненавидящих — это совсем немного. Учтите мое диктаторское положение: требовать без всяких скидок и не всегда деликатно. Очень рекомендую голосование всем руководителям. Надежная обратная связь. И безопасная: можно умолчать о результатах.)»

Но это — опыт врача.

А что считают тренеры?

Ханс Меркель из ФРГ, работавший с разными европейскими клубами, утверждает: «Тренер всегда прав».

Энцо Беарзот, наставник сборной Италии, выигравшей в 1982 году чемпионат мира по футболу, говорит, что разговаривать с игроками следует на их языке: с интеллигентными — интеллигентно, с примитивными — примитивно.

Определил для себя линию отношений с командой, с игроками. Руководство должно быть жестким, но подразумеваю при этом внимательнейшее отношение к каждому хоккеисту, к каждому члену нашего коллектива. Равные и ровные отношения со всеми: заслуги и титулы чемпионов здесь ни при чем. Ни в коем случае не заискивать перед лидерами, — это ведет к обоюдному поражению: и ведущих мастеров, и тренера.

А думаю ли я о том, что ветераны ЦСКА должны стать

тренерами? Ведь ради приобщения ветеранов к труду спортивного наставника и была изобретена должность играющего тренера.

Но если в семье два инженера, настаивают ли родители на том, чтобы их сын или дочь тоже непременно стали инженерами? А не пианистом, врачом, военнослужащим? Так же и в хоккее. Если кто-то заинтересуется моим делом, то, честное слово, расскажу все, что знаю, покажу все, что умею. Никаких тайн не будет, ничего не утаю. Но вводить должность играющего тренера… Первоклассная команда — не учебный класс для начинающего тренера, пусть даже и был он выдающимся спортсменом.

Опыт у ведущих хоккеистов, игравших на олимпийских играх, чемпионатах мира, с профессионалами, громадный. Им есть что передать молодым. Но хотят ли они этого? Сумеют ли?

И главное, есть ли у них призвание к тренерской работе?

Не знаю, не знаю.

Что определяет призвание человека? Окружающая обстановка? Обстоятельства? Семейные традиции? Мечта?

У каждого, наверное, есть — по крайней мере, должна быть — мечта. Так зачем же навязывать молодому человеку будущее? Навязывать судьбу? Имею ли я на это право?

Мой сын учился в институте физической культуры в Риге, Там же играл в хоккей. Хотел ли я, чтобы стал он тренером? Ни я, ни жена не уговаривали его идти по моим стопам.

Каким путем идти сыну?

Ему виднее. Ему выбирать.

Определить свое место в жизни важно. Но очень трудно. Помощь старших, их совет, их опыт важны. Но навязывать сыну его будущее, уговаривать стать тренером… Да и хорошим ли он будет в таком случае спортивным наставником?

После окончания института Василий, сын мой, начал работать в комплексной научной группе (КНГ) при рижском «Динамо». Тренером становиться не собирается.

Не только юношам, но и даже сложившимся уже людям не рискну я дать совет.

Борис Михайлов, закончив играть и прощаясь с командой, спрашивал меня, ехать ли ему в Ленинград. Я посоветовал только одно — пока поехать в роли консультанта команды СКА. Осмотреться, разобраться и только потом принимать решение, становиться ли тренером высшей лиги, брать ли на себя ответственность за коллектив такого ранга.

Борис работает тренером. Сейчас он мой помощник в ЦСКА. Каким специалистом он будет? Только время может дать ответ на

этот вопрос, только время.

Жизнь спортивная такова, что о тренере руководители судят по очкам, по результатам. Согласитесь, руководителей тоже можно понять. Пока у Михайлова в СКА были те результаты, которых можно было ожидать.

Молодому тренеру обычно нужны два условия.

Первое — выбор идеи, которой будет он руководствоваться в своей работе с командой. На что он сделает ставку? На атакующий стиль игры? На укрепление обороны? Что будет в центре его работы, на что он в первую очередь сориентируется? Атака, по моим наблюдениям, помогает команде подняться быстрее.

И условие второе — время.

Всегда ли молодой тренер располагает временем? Думаю об этом с тревогой, потому что в памяти немало случаев, когда тренеру не давали спокойно поработать.

Вспоминал уже Виталия Давыдова. Сейчас хочу вспомнить Игоря Тузика — молодого, перспективного тренера. Под его руководством «Крылья Советов» играли неплохо, занимали четвертое место, были третьими. Но как только остались шестыми — тренера заменили.

А ведь оценивая работу того или иного спортивного наставника, важно учитывать и условия, в которых он работает. Игорю Тузику опираться пришлось на опытных игроков, но они уже утратили игровую силу, и потому работать с ними было трудно вдвойне. Тренер начал готовить молодых хоккеистов, однако из команды ушли один за другим Игорь Капустин, Виктор Тюменев. Замечу здесь же, что ежегодные потери этого клуба, пожалуй, самые заметные в нашем хоккее.

Когда же профсоюзная команда начала терпеть неудачи, то вдруг выяснилось, что Тузик утратил контакт с игроками, что они его не слушают, что тренер не пользуется авторитетом.

Почему? Что случилось? Работал, работал и вдруг разучился?

Рад, что Тузику спустя несколько лет все-таки дали возможность поработать некоторое время старшим тренером. Правда, не в «Крыльях Советов», а в «Динамо». Но это, как известно, команда более классная.

Приглашение в сборную

По каким параметрам отбираем мы хоккеистов в сборную?

Важны разные показатели — мастерство, характер, спортивная форма игрока, качество игры.

Хелмут Балдерис несколько сезонов играл в сборной страны. Но осенью 1981 года он не попал на Кубок Канады. У Балдериса высокое мастерство, в тот момент было неплохое функциональное состояние, но ему не хватило характера, как показали матчи, проведенные в Скандинавии накануне отъезда в Канаду. И первые два качества, два очевидных достоинства Хелмута не перекрывали недостатка в третьем. Это, помню, я и объяснил корреспонденту «Советского спорта», но в газете из-за недостатка площади или еще по каким-либо причинам мой рассказ существенно сократили, и оттого читатели, знаю, были в недоумении, почему же все-таки не попали в сборную Балдерис и Харламов. О Валерии — немного дальше. А пока подчеркну, что увидев жесточайшую борьбу в Финляндии и Швеции, где мы были накануне Кубка Канады и где в составах соперника впервые выступали такие большие группы профессионалов, временно отпущенных из канадских и американских, клубов, Балдерис в эту борьбу не пошел. Но матчи эти были контрольными, для нас, тренеров, определяющими. Встречи в Скандинавии позволили нам определить истинную силу хоккеистов накануне розыгрыша Кубка Канады.

А теперь о Харламове.

Валерия не было в списках кандидатов в сборную команду страны, когда мы проводили тренировочный сбор. Однако он блестяще сыграл финальный матч Кубка европейских чемпионов, и потому мы пригласили Валерия в Скандинавию, зная, естественно, заранее, что матчи в Италии ни в какое сравнение с тем, что предстоит нам выдержать в Канаде, не идут.

Харламов в составе сборной не тренировался, он готовился по плану ЦСКА — не к началу, но к концу сентября, когда стартует чемпионат страны. Однако по уровню мастерства, по силе своего характера, мужеству своему Харламов всегда достоин выступления в сборной, характера у него, как говорится, на троих. Но вот по функциональной готовности… Валерий не набрал еще формы, и отставание его от партнеров было велико. Не было пока еще той двигательной мощи, благодаря которой этот блестящий форвард успевал действовать повсюду.

Мы с ним обстоятельно поговорили. Валерий в заключение сказал:

— Виктор Васильевич, я все понимаю. Я действительно не в форме…

Потом пришел Владимир Владимирович Юрзинов. Разговор продолжался втроем. Валерий пожаловался, что у него не хватает

сил играть. Мы ему рассказали, что нужно делать, предложили программу действий.

— Бегать надо по двадцать-тридцать минут каждый день. Тогда в ноябре-декабре ты уже будешь в хорошей форме. Отыграешь на турнире «Известий» и начнешь готовиться к чемпионату мира…

Харламов ответил:

— Я все понимаю, я дал вам слово… Почему вы мне поручаете работу с молодежью, я понимаю… Сделаю все, чтобы они играли…

Так же сложно было решить вопрос с Кожевниковым.

Ставить его на правый край можно. Но на чье место? На место Скворцова? Однако мы знаем, что горьковский хоккеист на определенном уровне, не ниже, сыграет, он уже проверен. А сыграет ли Кожевников — неясно: пятьдесят на пятьдесят, как говорится в таком случае. Но времени на проверку у нас просто не было. А дальше все места заняты.

Александр Голиков в сборную не попадал.

После ухода Владимира Владимировича Юрзинова из «Динамо» в этой команде, как я рассказывал, произошел резкий спад в подготовке хоккеистов. Некоторые ведущие мастера посчитали, что программа, которую давал им Юрзинов, чрезвычайно сложна и не нужна.

В тот же год эти игроки, как и вся команда, резко опустились в функциональной подготовке.

К тому же пагубную для Александра роль сыграли еще два обстоятельства. Во-первых, он заболел. А во-вторых, сказались негативные последствия той концепции, которой он придерживался. Голиков и некоторые другие мастера, в частности Владимир Петров, считают, что им, игрокам определенного класса, не надо готовиться к сезону особо старательно, они знают, как подойти к пику: можно набрать высокую форму и в играх чемпионата страны.

Любопытно, что канадцы, сто лет играющие в хоккей, и то уже поняли, что надо готовиться специально, переняли у нас методику и форму предсезонных занятий. Наши же мастера хотели бы отказаться от своих находок, от апробированной несколькими поколениями спортсменов подготовки к спортивному сезону.

Эта психология, к сожалению живучая, помешала Александру Голикову наверстать упущенное.

Тройка, не ставшая первой

Как читатели, вероятно, помнят, Сергей Капустин и Хелмут Балдерис играли в ЦСКА три сезона.

Пожалуй, рискну утверждать, что в первый год, который завершился победой нашей команды на чемпионате мира в Праге, звено выступало успешнее всего, оправдывая самые смелые надежды болельщиков и прогнозы специалистов. Более того, как прочитал я впоследствии в еженедельнике «Футбол — Хоккей», сам Капустин считал, что тройка сыграла настолько мощно, что, по его мнению, не уступала знаменитому нашему первому звену.

Думаю, что в этом утверждении все-таки есть некоторое преувеличение, однако в принципе согласен с Сергеем: звено Жлуктова представляло собой во второй половине сезона 1977/78 года немалую силу и в ряде матчей, причем важнейших, принципиальных, действительно не уступало первой тройке.

Но если классным хоккеистам по силам блистательно, с подъемом провести матч, серию матчей, даже сезон, то неизмеримо труднее вот так же, блистательно, с подъемом, играть несколько лет, несколько сезонов.

Вот и выступления нового звена в последующее время едва ли можно причислить к нашему активу, к завоеваниям команды. На чемпионате мира в Москве сборная Советского Союза вновь была первой. Лидировали наши хоккеисты с самого начала турнира и выиграли первенство с большим преимуществом. Вклад всех звеньев был весомым, но теперь я не стал бы доказывать, что эта тройка ни в чем не уступала своим товарищам по команде.

Как всегда, уверенно сыграли Петров и его партнеры, отлично проявило себя звено, где выступал лучший хоккеист Европы того сезона Сергей Макаров.

А год спустя…

Снова приходится вспоминать неприятное поражение на Олимпийских играх в Лейк-Плэсиде.

Слабее самих себя сыграли в том турнире мастера первой тройки, но в этом, как я уже писал, значительная доля моей вины. Однако сборная в два предшествующих Белой Олимпиаде сезона была сильна именно тем, что могла опираться не на одно звено: практически у нас все пятерки были равно сильны. К сожалению, неважно выступила на Играх и тройка Жлуктова. И в этом тоже моя вина. Не сумел заставить их трудиться так, как надо. Хоккеисты этой тройки вышли в клубе на ведущие позиции. И неважно, в конце концов, какая из наших троек — Петрова или Жлуктова — была сильнее в том или ином матче, на том или ином отрезке чемпионата. Важно, что ЦСКА и сборная

располагали двумя звеньями, которые можно было смело относить к числу ударных. К несчастью, и Виктор Жлуктов, и особенно его партнеры посчитали, что цель достигнута — они не уступают Владимиру Петрову, Борису Михайлову и Валерию Харламову. И настоятельные обращения тренеров искать пути усиления игры, неистово трудиться, чтобы совершенствовать и далее свое мастерство, не вдохновляли их. Они считали себя сильнейшими, лидерами команды, поскольку тройка Петрова, дескать, прошла уже свой пик.

Наблюдая за матчами в Лейк-Плэсиде, трудно было поверить, что это то самое звено, на которое все мы надеялись два года назад и о котором столько говорили и писали.

Мера таланта — величина неопределенная. Думаю, однако, что Капустин, Жлуктов и Балдерис были в ту пору потенциально очень сильны, они действительно могли бы пойти дальше выдающихся своих старших товарищей. Их дарования обещали многое. Три талантливейших хоккеиста были объединены в одну тройку, по своему игровому амплуа они удачно дополняли друг друга, и оттого казалось, что остановить это звено соперникам будет трудно.

Но выяснилось, увы, что объединенные в один микроколлектив три звезды не всегда становятся тем ансамблем, который потом надолго задает тон в хоккее. Хоккеисты тройки остановились в росте — и все вместе, как звено, и каждый в отдельности. Играли и тренировались с неохотой, не стесняясь напоминать, что в ЦСКА они не просились. Особенно демонстративно свое недовольство выражал Сергей. Хелмут умел скрывать свое разочарование и нежелание работать через «не могу».

Об истории их перехода в ЦСКА я уже рассказывал, но только позже я со всей очевидностью осознал всю пагубность существования «мостика», ведущего назад, обратно. И Хелмут, и Сергей играли и трудились с душой не всегда, недолго. Чуть что было не по ним, как они тотчас же просили отпустить их из ЦСКА. Хелмут, когда нагрузки возрастали, когда что-то не получалось, снова и снова просился в Ригу, Но возможно ли при таком настрое, при таком отношении к делу трудиться истово и страстно, до седьмого пота? Возможно ли совершенствовать свое мастерство?

Об улучшении игры, о повышении класса игроков в отдельности и звена в целом не могло быть и речи. И наивно было ожидать, что уж если не в ЦСКА, то в сборной они сыграют отменно.

Сергей Капустин держался на пристойном уровне за счет

высоких требований, предъявляемых к нему в ЦСКА. Он подчинялся, надо признать, этим требованиям. Неохотно, подчас открыто выражая недовольство, но подчинялся. Не раз говорил я Сергею, что как только сумеет он «доказать» тренерам, что эти требования не для него, так сразу же сдаст.

Перейдя в «Спартак», знаменитый нападающий заиграл с подъемом, но подъема хватило не надолго, всего лишь на сезон.

Писали о Сергее после ухода из ЦСКА много и хорошо. И это, несомненно, помогало ему, ибо Капустин принадлежит к числу тех спортсменов, на которых похвала действует ободряюще. Замечу попутно, что реакция Капустина на похвалы мне больше по душе, чем реакция на хорошие рецензии, скажем, Владимира Петрова — того после лестных слов заставить тренироваться с полной отдачей было вообще едва ли возможно.

Любопытно, что после перехода в «Спартак» Капустина хвалили и за то, чего он не делал. На мой взгляд, он не «засветился», не «заиграл новыми красками» и «в оборону оттягиваться» по-прежнему не стремился. Эти не в меру восторженные оценки оказали Сергею дурную услугу.

И уже в следующем сезоне он не блистал: может быть, потому, что отчасти потерял интерес к игре. А потом травма вывела его из строя. И если в первом сезоне Капустин что-то кому-то «доказывал», то год спустя запал иссяк и хоккеист огромного дарования стал понемногу сдавать. Это уже был не тот Капустин, который великолепно играл в 1977 и 1978 годах. Он и сегодня играет по настроению, как получится. Иногда получается, иногда — нет…

Обидно за Сергея и Хелмута. Они, кажется, уже не ставят перед собой большие задачи. Щадят себя. Стараясь сэкономить силы, на самом деле теряют, утрачивают их. Они не использовали опыт, традиции ЦСКА, сборной.

Считаю, что игроки такого масштаба, как Балдерис и Капустин, должны, просто обязаны были играть на высочайшем уровне еще несколько сезонов. Благо пример спортивного долголетия был перед глазами.

На 99 процентов «разоружился» после ухода из ЦСКА и Хелмут Балдерис. Он сдал сразу и заметно. И когда наша команда проводила однажды неожиданно трудный матч в Риге, где победа далась нам с превеликим трудом — 8:7 и где блистательно сыграла наша новая первая тройка, выигравшая свой микроматч со счетом 7:0, Балдерис был неузнаваем. Более того, в решающем эпизоде только его лень, нежелание преследовать убегающего от него с шайбой соперника спасли армейцев от потери очка.

Дарование Хелмута позволяло ему играть на высоком уровне.

В Риге он, и не особенно напрягаясь, показывал поначалу неплохую игру, но так долго продолжаться не могло. И мало-помалу Балдерис утратил свои сильные стороны, прежде всего остроту в атаке, и в 1981 году в состав сборной страны, выезжающей на чемпионат мира, он не попал. Не взяли мы Хелмута в сборную и год спустя.

Балдерис сделал правильные выводы. Тренер рижан, мой коллега по сборной Владимир Юрзинов подтвердил, что Хелмут изменился, работает усердно. И результаты первые появились. Балдерис по итогам сезона 1982/83 года стал самым результативным хоккеистом страны по системе «гол + пас»: он набрал 63 балла — 32 гола и 31 результативная передача.

Цифры отражали усиление игры, и мы снова пригласили Хелмута в сборную страны.

К сожалению, на чемпионате мира в ФРГ Балдерис сыграл все-таки не в прежнюю свою силу, не так, как мог бы. Его назвали «королем неиспользованных возможностей». Великое множество голевых моментов имел этот форвард, но забивал он мало. Почему? Не потому ли, что утратил остроту в действиях, ему постоянно не хватало долей секунды для завершения атаки? А произошло это оттого, что снизил он к себе в свое время требовательность, перестал совершенствоваться, полагая ошибочно, что сможет поддерживать высокую боеготовность, работая или чуть меньше, или на прежнем уровне.

Но хоккей не прощает остановок в вечном своем движении. Хоккей не прощает лени, работы вполсилы.

ПЯТЕРКА, О КОТОРОЙ МЕЧТАЛИ

Кого я считаю звездой!

На рубеже 80-х годов в связи с тем, что закончили свою блистательную карьеру Якушев и Михайлов, Петров и Шадрин, Лутченко и Цыганков, в связи с тем, что не стало Харламова, и завершили выступления Юрий Ляпкин и Александр Гусев, в печати появились высказывания о том, что теперь в нашем хоккее нет звезд. Писали, что есть команда-звезда, но явный дефицит игроков-звезд. Об этом, в частности, говорил на страницах еженедельника «Футбол — Хоккей» Вячеслав Старшинов.

Потери для сборной были чувствительные. Сошли со сцены хоккеисты, из года в год, из сезона в сезон возглавлявшие команду, выручавшие ее десятки, если не сотни раз в самых ответственных матчах. Ушли выдающиеся спортсмены, гордость нашего хоккея. И возникли сомнения в боеспособности сборной. Точнее, они впервые возникли раньше, когда стало ясно, что первая тройка перестает быть той силой, на которую можно рассчитывать в любой ситуации.

Заговорили о том, что нет звена-лидера.

Особые опасения высказывались перед чемпионатом мира, который проходил в Швеции в апреле 1981 года. Уязвимое место сборной, даже ее слабость, видели в том, что нет ударного звена.

Я не согласен с таким утверждением. В ту весну команда была у нас ровная, действительно, ни одно звено не превосходило заметно другие, но в целом сборная была сильная, достаточно хорошо сбалансированная. И когда советские хоккеисты обыграли «Тре Крунур» со счетом 13:1, то писали, что «сборная СССР показала хоккей будущего».

Все истины в хоккее относительны. Хорошо, когда в команде звенья равны. Точнее, равно сильны. Но я ничего не имею против того, чтобы одна из пятерок была особенно сильна. Как это, кстати, было у нас на чемпионате мира 1983 года, где звено Игоря Ларионова оказалось на голову сильнее всех: все пятеро — впервые в истории мировых чемпионатов — вошли в символическую «сборную мира», избираемую журналистами.

Но я против абсолютизации истины, гласящей, что в любой команде — клубной или национальной сборной — непременно должно быть ударное звено.

Время меняется, и меняются старые концепции. Должны, по

крайней мере, меняться. Сегодня невозможно опираться на то, что было приемлемо и надежно вчера. Меняется хоккей, меняется темп игры, возрастают нагрузки, приходящиеся на долю спортсменов.

Если ударная пятерка проводит на льду больше 40 процентов игрового времени, то едва ли такое ведение матча украшает команду. Возникают вопросы: может ли эта команда полагаться на остальных своих хоккеистов? Или принуждена она рассчитывать только на нескольких лидеров?

В расчете на одно, ударное звено — очевидная слабость команды. Любой. В том числе и сборной. Как бы сильны ни были лидеры, два звена соперника, играя против ударной пятерки поочередно, заставят ее действовать в непривычно высоком темпе, а трем нападающим не по силам тот темп, тот объем движения, с которым справятся шесть форвардов. При условии, конечно, что это квалифицированные хоккеисты. Но в национальных сборных выступают умелые игроки. Значит, ударная пятерка начнет ошибаться, лишится своего бесспорного преимущества в технической и тактической подготовке. Превосходство лидеров в классе будет сведено к минимуму. Первоклассные мастера будут принуждены играть в таком темпе, при котором умные игроки станут выглядеть дураками, — так однажды весьма образно, хотя и грубовато определил суть метаморфозы, происходящей со спортсменами экстра-класса, играющими в непосильном для них темпе, знаменитый голландский футболист Круифф.

Вот почему одного ударного звена сегодня мало. Понятие «звено» в современном хоккее меняется: теперь так называют не тройку нападающих, а всю пятерку хоккеистов, выходящих вместе на лед. И потому, принимая сборную, обсуждая с Юрзиновым наши как стратегические задачи, так и первоочередные цели, мы согласились, что жизненно важно иметь в команде минимум два, а еще лучше три ударных звена. Не по названию, не по задачам, по реальному положению дел, по их практическим возможностям. Теперь идеал — четыре равные пятерки, поскольку сегодня разрешается выставлять на матч 20 полевых игроков.

А как определить, кстати, ударное звено или нет?

Каков уровень требований к лидерам?

Традиционно место звена определяется соотношением сил в команде — тот, кто показывает лучший результат (больше забивает, меньше пропускает — прежде всего в матчах с главными соперниками, в борьбе с ударными звеньями противника), тот, кто проявляет — и это главное — моральную стойкость в трудных матчах, в сложных ситуациях, тот и получает

право называться первым.

На встрече с поклонниками хоккея получил записку: «Виктор Васильевич! Вы не уточнили одну вещь — какое звено вы назовете ударным, если результаты у всех звеньев одинаково высокие?»

Ответ, по-моему, очевиден. Если все одинаково сильны, то это команда-звезда.

Команда, о которой мечтают все тренеры.

Помню, чехословацкий наш коллега Владимир Костка писал весной после окончания чемпионата мира 1981 года: «Советские тренеры последовательно меняли четыре тройки нападающих, каждая из которых представляла собой огромную ударную силу».

А осенью того же, 1981 года после победы в Кубке Канады специалисты, говоря о силе нашей команды, вместе с тем с тревогой размышляли о проблеме ударного звена, об отсутствии звезд.

Сошли со сцены многократные чемпионы мира, олимпийских игр, герои первых серий, а потом и суперсерий встреч с профессиональными хоккеистами Канады и США. Сошли герои Кубка вызова, турниров «Известий» и «Руде право». И с удовольствием вспоминая серию из девяти побед подряд на чемпионатах мира, серию, начавшуюся в 1963 году и закончившуюся в 1972-м, журналисты с сожалением замечали, что из участников той серии в строю к осени 1981 года остались только трое — Александр Мальцев, Владислав Третьяк и Валерий Васильев. Все остальные пришли в сборную позже, и только три этих больших мастера успели сыграть с поколением Анатолия Фирсова, Вячеслава Старшинова и Александра Рагулина.

Вскоре объявил о своем уходе из хоккея Валерий Васильев. Правда, он вернулся потом и снова стал выступать за московское «Динамо».

А после окончания чемпионата мира 1983 года в мой номер в гостинице в Мюнхене зашел другой динамовец — Александр Мальцев.

— Все, заканчиваю… Видимо, пора… Я ведь понимаю, что не справился с заданием, не сделал того, что от меня ждали. Должен был помочь молодым, но не получилось…

Мальцев на чемпионате в ФРГ играл вместе с Вячеславом Быковым и Михаилом Васильевым. Конечно, мы ждали от опытного мастера более убедительной игры.

А спустя несколько недель, когда началась подготовка к новому сезону, Александр снова обратился ко мне:

— Хочу попробовать еще поиграть. Хотелось бы попасть на Олимпийские игры…

Пригласили Мальцева на предсезонный сбор национальной команды. Поговорил с Александром, попросил его серьезно готовиться, как можно лучше, не жалея себя, не экономя сил играть за свой клуб в чемпионате страны.

Время безжалостно. Мысль эта не нова, скорее банальна, но по-прежнему верна. Она касается каждого из нас. В том числе и чемпионов, естественно. Хоккеистов и футболистов, легкоатлетов и гимнастов.

Чемпионы уходят. Уходят звезды.

Но являются миру новые звезды.

Однако в спорте — и не только в фигурном катании или гимнастике, где судейство, что бы там ни говорилось, по-прежнему субъективно, но и в хоккее, в футболе — требуется время, чтобы спортсмен был признан звездой, чтобы стал хоккеист пользоваться всеобщим признанием и величайшей популярностью.

Даже бесспорный талант, огромный талант не сразу становится фигурой, авторитет которой в спорте и среди болельщиков непререкаем.

Вспоминаю такой случай.

В 1980 году нападающий ЦСКА и сборной страны Сергей Макаров, ставший второй раз чемпионом мира, получил по результатам опроса спортивных журналистов всех стран, где культивируется хоккей, награду газеты «Известия» — «Золотую клюшку».

Он опередил всех. Опередил самых знаменитых мастеров, признанных звезд — Бориса Михайлова и Владимира Петрова, Владислава Третьяка и Владимира Мартинца из сборной Чехословакии, Ивана Глинку, партнера Мартинца по сборной ЧССР, и Валерия Харламова, опередил финских, шведских хоккеистов. Казалось бы, должно быть уже общепризнанно, что в спортивном мире появилась новая ярчайшая звезда. Но… Сошли хоккеисты первой тройки, и возникли разговоры, что в нашем хоккее больше нет звезд.

Объяснение этим тревогам, на мой взгляд, самое простое — прежние герои сошли, а новые… Новые, играя прекрасно, еще не приобрели популярности, соизмеримой с той, которую завоевали их предшественники. Их пока не признали.

Но ведь если не признали, это еще не значит, что класс молодых мастеров не соответствует самым высоким мировым стандартам. Пусть этого не замечают пока болельщики, им требуется время, чтобы понять, как сильны Сергей Макаров и его сверстники, но ведь специалисты должны видеть истинную силу хоккеистов нового поколения. Вячеслав Фетисов и Алексей

Касатонов, Сергей Макаров и Сергей Капустин, Виктор Шалимов и Василий Первухин, Владимир Крутов и Зинэтула Билялетдинов, Владислав Третьяк и Игорь Ларионов, Хелмут Балдерис и Сергей Шепелев, Виктор Жлуктов и Николай Дроздецкий выигрывали такие турниры, такие чемпионаты, о победах на которых их предшественники, выступавшие во второй половине 60-х — самом начале 70-х годов, могли только мечтать.

Конечно, имена Вячеслава Старшинова или Константина Локтева, Александра Рагулина или Эдуарда Иванова по-прежнему звучат громко, но, скажем, Макаров или Касатонов ничуть не менее классные хоккеисты, чем их старшие товарищи. Просто им требуется время для всеобщего признания и такой же громкой славы.

Именно поэтому я и сказал однажды молодым хоккеистам ЦСКА и сборной, стремительно выходящим на первые роли не только в советском, но и, как был я убежден, в мировом хоккее:

— Ребята, вас пока почти не признают… Не огорчайтесь, это не так уж и плохо. Все равно придет ваше время и о вас будут говорить и писать не меньше, а, возможно, даже больше, чем о ваших замечательных предшественниках…

В конце лета 1981 года мы отправились на Кубок Канады. Обращаясь к команде, я размышлял вслух:

— Этот турнир имеет особое, историческое значение.

Почему?

Сборная СССР — семнадцатикратный чемпион мира. Последний раз мы выиграли мировое первенство всего три месяца назад. Сейчас нас будут проверять. Ибо за рубежом, в Канаде прежде всего, в США, Швеции, да и у нас в стране победы советской сборной по-прежнему встречают скептически. Вот если бы, говорят нам, канадцы приехали на чемпионат мира в сильнейшем своем составе, если бы в командах Швеции, Финляндии, США играли профессионалы, выступающие в клубах НХЛ, то неизвестно, как бы закончился этот чемпионат, кому бы достались золотые медали… Напоминают, что на Кубке Канады в 1976 году мы остались третьими. Верно, тогда мы не сумели выиграть. Думаю, прежде всего оттого, что приехали в Канаду без лучших своих игроков. Теперь же и у нас, и у наших соперников собраны все сильнейшие. Мы будем сейчас подтверждать не только закономерность нашей победы на чемпионате мира 1981 года.

Мы можем и должны подтвердить все предыдущие победы сборной СССР, успехи наших хоккеистов всех поколений — от Всеволода Боброва и Николая Сологубова, Анатолия Фирсова и Вячеслава Старшинова до Бориса Михайлова и Валерия

Харламова. Если мы станем первыми, будет доказана весомость и обоснованность наших побед, прекратятся наконец разговоры о том, что было бы, если бы…

Почему вдруг заговорил я об этом с хоккеистами нашей команды? Толчком к разговору послужили матчи, сыгранные в Швеции накануне вылета за океан со сборной командой этой страны, они проводились в зачет турнира на приз газеты «Руде право».

Чемпионат мира 1981 года проходил в Швеции, в Стокгольме и Гетеборге. Закончился он нашей победой, что местные специалисты и болельщики восприняли, кажется, без особого удивления, но вот результат матча двух сборных в финальном турнире вызвал шок: «Тре Крунур» проиграла нам — 1:13. И когда стало известно, что в составе шведской сборной в августовских матчах будут играть все сильнейшие хоккеисты, выступающие в НХЛ («Тре Крунур» готовилась к Кубку Канады), то это вызвало невиданный взрыв энтузиазма и надежд. Шведская общественность надеялась, что будет взят реванш за весеннюю неудачу сборной. Билеты на матчи были распроданы за три часа. Уверенность в победе была непоколебима. Еще бы: за «Тре Крунур» в отличие от чемпионата мира будут играть все, кем гордится шведский хоккей.

Играли мы на чужом поле, болельщики страстно поддерживали своих, 10 минут публика стоя приветствовала тех, кто наконец расставит все по своим мостам.

Оба матча выиграла сборная СССР — 2:1 и 4:1. Спортивная общественность Швеции была просто шокирована.

Впервые в моей жизни не состоялась после матча пресс-конференция, которая традиционно проводится по окончании встречи национальных команд.

И вот мы в Канаде. И я обращаюсь к молодой нашей команде, где многие и не представляют себе, что это такое — играть в Канаде, оспаривая победу в самом, по мнению местной печати, престижном в истории мирового хоккея турнире.

— Мы не фавориты. Все считают, что выиграют хозяева, организаторы турнира. Видимо, так думают и сами канадские хоккеисты. Ну и хорошо! Чем меньше вас знают, тем лучше… Меньше внимания. Не столь серьезно опекают. Не боятся вас? Да. А почему? Только потому, что не знают вашей подлинной силы. Стало быть, вы можете застать их врасплох. Они не представляют вашу ударную мощь. Вы же сейчас на голову сильнее ваших предшественников, даже недавних. Но никто об этом не догадывается, потому что ориентируются на знаменитых игроков прошлых лет. А вы уже переросли их в своем мастерстве…

Кто же поехал на Кубок Канады в 1981 году?

Из тех, кто в составе «экспериментальной» сборной принимал участие в первом турнире пять лет назад, остались немногие: вратарь Владислав Третьяк, два защитника — Зинэтула Билялетдинов и Валерий Васильев и нападающие — Виктор Жлуктов, Сергей Капустин, Александр Скворцов, Александр Мальцев и Виктор Шалимов. Семь ветеранов. Остальные — дебютанты этих соревнований: вратарь Владимир Мышкин, защитники Вячеслав Фетисов, Алексей Касатонов, Василий Первухин, Сергей Бабинов, Ирек Гимаев, Владимир Зубков, нападающие Владимир Крутов, Игорь Ларионов, Сергей Макаров, Сергей Шепелев, Владимир Голиков, Николай Дроздецкий, Андрей Хомутов.

Формула турнира — все шесть сборных проводят турнир в один круг. Четыре сильнейшие команды попадают в полуфинал, где первая команда играет с четвертой, а вторая — с третьей. Победители этих двух матчей встречаются в финальном поединке.

В первом туре наша сборная сыграла вничью с командой Чехословакии — 1:1, во втором — выиграла у шведов — 6:3. Затем взяла верх над американцами — 4:1 и финнами — 6:1. В последнем туре проиграла — 3:7 хозяевам турнира. Гретцки забил нам гол на первой минуте, а затем с его передач успеха добились партнеры Уэйна по звену Лефлер и Дионн.

У нас в этом матче не принимали участия Третьяк и Первухин. Третьяку дали отдохнуть, Первухину надо было подлечить травму. Однако после окончания турнира родилась версия, будто наше поражение было тактической уловкой, будто мы проиграли умышленно, чтобы усыпить бдительность канадцев перед финалом.

Разумеется, предположение это далеко от истины. Мы не давали установки на проигрыш. Мы требовали предельной собранности, серьезнейшей игры. Мне не раз уже приходилось объяснять и любителям спорта, и журналистам, что игра с прохладцей опасна не только поражением, но и травмами, поскольку игрок, не мобилизовавшись, теряет бдительность и не успевает среагировать на силовой прием соперника.

Команда Канады с 9 очками выиграла предварительный турнир, мы заняли второе место (7 очков), команда ЧССР с 6 очками — третье и американцы (5 очков) — четвертое.

Оба полуфинала закончились с одинаковым счетом — 4:1. Канадцы выиграли у команды США, а советские хоккеисты — у сборной Чехословакии.

Финальный матч. Канада — СССР. Нам обеспечено второе

место. Многие наши специалисты считали, что это максимум того, на что может рассчитывать молодая команда. Мы с Юрзиновым считали иначе.

8:1. С таким счетом закончился последний матч Кубка Канады. Выиграли его советские спортсмены.

Выиграли, хотя не было уже в их рядах тех, кто составлял костяк нашей сборной многие годы, а в составе канадской команды выступали все сильнейшие хоккеисты-профессионалы, возглавляемые талантливейшим Уэйном Гретцки.

Кубок Канады выиграли молодые звезды.

Когда слава опережает жизненный опыт

Молодые хоккеисты ЦСКА, такие, как, скажем, Владимир Крутов или Алексей Касатонов, тренировались и играли вместе со старожилами команды несколько лет до того, как пришлось им взять на себя бремя лидерства. Они видели, какой ценой даются победы даже прославленным мастерам, они видели отношение к делу, энтузиазм, старательность, преданность хоккею не только ведущих игроков первой сборной, но и таких спортсменов, как, скажем, Алексей Волченков или Александр Лобанов. Может быть, они не столь знамениты, как другие их одноклубники, но они всегда верой и правдой служили своему клубу. Знают ли даже самые рьяные поклонники армейцев, что весной 1983 года Алексей Волченков, например, золотую медаль чемпиона страны получил в десятый раз!

Как я рассказывал в начале книги, процесс омоложения ЦСКА в начале 80-х годов по не зависящим от тренеров обстоятельствам приобрел такие темпы, что в общем круге наших забот эта проблема заняла центральное место. И Юрий Иванович Моисеев, и Виктор Григорьевич Кузькин, и я много беседовали с нашими новичками. Разные приходят в ЦСКА новички, играть на таком уровне, который предъявляет команда-лидер, удается не всем. Один новичок не похож на другого. Один одарен меньше других. У второго выше техническое мастерство, но заметны пробелы в тактическом образовании. Третий хорошо ориентируется в хитросплетениях тактической борьбы на поле, но отстает пока от партнеров в уровне физической подготовки. Четвертый могуч, силен, быстр, но ему не хватает настойчивости в овладении высотами технического мастерства. А ведь каждому новобранцу надо было поставить задачи не только вполне конкретные,

касающиеся ближайших матчей, но и цели, рассчитанные на много лет вперед, показывающие ему перспективу, его будущее.

Всегда ли это у меня получается? Всегда ли я верно оцениваю возможности приглашаемого в команду новичка?

К сожалению, нет. К сожалению, избежать ошибок, просчетов не удается. Мне жаль молодых ребят, которые не смогли закрепиться в ЦСКА, обидно, что так и не заиграли в нашей команде Михаил Панин, Олег Старков, но в этом я вижу и свою вину: поторопился с их приглашением в ЦСКА.

Характер, умение добиваться цели, неуемная страсть в борьбе за победу — не в этом ли традиционное преимущество нашего клуба? Вот почему важно сохранить и эти традиции ЦСКА, а не один лишь атакующий стиль, не только определенные тактические принципы.

Лидирующее, если хотите, доминирующее положение московских армейцев в нашем хоккее объясняется не только ровным подбором сильных хоккеистов во всех звеньях. Я убежден, что мастерство, в общем, соответствует труду, который спортсмен затрачивает на тренировках. В ЦСКА работают много, без скидок на титулы и звания. Потому и подчеркиваю снова и снова, что постоянное, стабильное уже лидерство нашей команды объясняется неизменным максимализмом коллектива, традициями, сложившейся и многократно проверенной системой подготовки.

Особый разговор о роли лидеров. Молодых лидеров. Самый старший, самый опытный среди них Сергей Макаров. О его роли в команде, о том, что ждем мы от него, на что он, и партнеры его, и мы, тренеры, вправе рассчитывать, когда речь идет о вкладе этого форварда в общее дело, — об этом на разных этапах становления молодой нашей команды и самого Макарова велись разные разговоры.

Сегодня Сергей хорошо известен. Однако талант его открылся не сразу.

Когда я впервые включил его в состав сборной СССР, отправляющейся на контрольные матчи в Скандинавию перед чемпионатом мира 1978 года, то, об этом я уже вспоминал, многие специалисты были в недоумении.

Один из них прямо спросил меня:

— Зачем ты везешь еще одного туриста? Мало их возили в последние годы?…

Кстати, поначалу такое же отношение было и к Володе Крутову. Его тоже не принимали. Не принимали даже опытные игроки, хорошо знающие игру, которые и сами должны были вот-вот стать тренерами. Сомневались в Володе не только

квалифицированные специалисты, знающие его со стороны, но даже те спортсмены, которые играли с ним бок о бок в ЦСКА, на виду которых он был уже несколько лет.

Вспоминаю об этих сомнениях, когда перечитываю жалобы насчет отсутствия у нас звезд. Не много ли хотим мы от журналистов, если и профессиональные специалисты, живущие хоккеем, не всегда различают талант.

Согласен, что и Сергея, и Володю — по опыту их, по возрасту даже — рано было включать в основной состав первой сборной. Им бы еще покрутиться во второй и около первой команды. Но по уровню игры, по тому, насколько они, по моим представлениям, отвечали уже требованиям современного хоккея, требованиям времени, я чувствовал, что должен быстро, форсированно, не тратя недель и месяцев на раскачку, подключать молодых форвардов к главной команде страны.

Макаров рос, формировался как спортсмен в другой ситуации, в другой команде, где приняты были иные требования и практиковалась иная методика учебно-тренировочных занятий. Многое в ЦСКА было ему в первый год непривычным и, как я догадываюсь, казалось излишним, вовсе необязательным.

С неизменным интересом и вниманием читаю беседы с хоккеистами ЦСКА и сборной страны, интервью, которые дают они корреспондентам газет и журналов. Иногда хоккеист рассказывает журналисту и о том, о чем он почему-либо тренеру не скажет.

Так вот, в одном интервью Сергей как-то рассказал, что в Челябинске его пытались перестроить, нацелить на иную игру, но свое «я» он все-таки сумел сохранить. Он стремился найти собственные пути и средства самовыражения. Наш форвард считает, что смог добиться своего.

Прав ли Сергей? Верна ли его концепция? Вероятно, прав. Особенно если вспомнить вечную истину: каждый человек «внутри себя» прав всегда. Но если и так, то ведь сохранил себя, свое творческое лицо Макаров в другом хоккее, в челябинской команде. А надо ли «сохранять себя» и сегодня, в ином коллективе, где иные мерки и иной подход к делу? Или здесь все-таки лучше перестроиться, принять те условия, ту концепцию хоккея, которая сложилась в команде, где он сейчас играет?

Конечно же, этому одаренному нападающему вначале было тяжело в новом для него коллективе. Ибо в своем восприятии хоккея он оставался прежним. А ведь обстоятельства изменились. И если раньше, в «Тракторе», он был несомненным лидером команды, игроком, по уровню мастерства значительно превосходящим партнеров, то в ЦСКА, как, впрочем, и в сборной,

у него появилось иное окружение. Здесь не требовалось в одиночку идти на штурм бастионов соперника. Здесь его атакам предшествовал «артогонь», который устраивали величайшие мастера атаки Харламов, Петров и Михайлов. Здесь пути к цели прокладывали еще и до его выхода на лед такие форварды, как Жлуктов, Балдерис, Капустин. Иными словами, в ЦСКА и в сборной от Сергея не требовалось то, что, вероятно, он делал в «Тракторе». Другими словами, здесь была иная ситуация. Иные партнеры. Был иной хоккей. И новым, стало быть, стало и место Сергея в команде.

Макарову пришлось утверждаться по-новому. И потому ушло довольно много времени на то, чтобы трансформировалось его понимание игры, характера, сути отношений в команде. Пожалуй, лишь в конце сезона специалисты и зрители обратили внимание на игру Макарова: до этого казалось, что он потеряется, если уже не потерялся в новой для него команде, тем более что его действия оценивались на фоне игры Харламова, Балдериса, Михайлова, Капустина.

Обстановка, результаты игры, наконец, сама жизнь вносят неизбежные коррективы. В нашей команде сам коллектив выправляет хоккеиста, заставляет его выискивать внутренние резервы, давать больше, чем он привык: определяют эту напряженную и увлекательную жизнь те цели и задачи, которые неизменно ставятся перед ЦСКА.

Одна из главных претензий к Макарову — любопытно, что ее высказал и столь непохожий на меня человек, как Анатолий Владимирович Тарасов, — заключалась в том, что Макаров, сам, скорее всего, этого не сознавая, в первое время вел игру так, что глубоко личные устремления, душевная энергия были нацелены не на коллектив, а на самого себя, хотя объективно его игра отвечала, разумеется, интересам коллектива. Но в команде ЦСКА такой внутренний настрой не принят, здесь бережно сохраняется иное отношение к делу. Одна из замечательных традиций ЦСКА заключается в том, что самый выдающийся хоккеист, такой, как Анатолий Фирсов или Валерий Харламов, играет на партнеров, а не на себя и тем самым проявляет свой класс, свое высочайшее мастерство. Личные устремления и интересы лидеров подчинены игре партнеров.

Разумом понять этот принцип можно, но понять и принять его чувствами, в душе нелегко: для этого чаще всего требуется перестройка всей психологии спортсмена. Потому так трудно складывалась в ЦСКА игра всех больших мастеров, пришедших из других команд, — Балдериса, Капустина, Макарова.

И сегодня не стану утверждать, что эта перестройка, поиск

себя у Сергея Макарова закончены. Осторожность моя продиктована не боязнью перехвалить талантливого мастера, а тем, что он продолжает меняться, расти. У Макарова, как и у его партнеров по звену — Фетисова и Касатонова, Ларионова и Крутова, — игровой опыт опережает жизненный. Успехи, слава идут впереди их жизненных наблюдений и размышлений.

Сравниваю двух Макаровых: Макарова 1978 года и Макарова сегодняшнего. Тот, давний Макаров мог и обыграть своего опекуна, и убежать от соперника, легко открывался, «предлагал себя» партнерам, но, когда необходимо было изменить игру, когда соперники не давали ему и шагу ступить, когда, одним словом, надо было переложить ношу на партнеров, передать игру им, Сергей порой сникал, терялся, становился незаметным. Он вроде бы делал все, что положено, но то было уже не вдохновение, а действия игрока, отбывающего на площадке некую неприятную для него повинность.

Не хочу сопоставлять хоккеистов разных поколений, но ведь даже великий Харламов поначалу не принимал игры в пас. Валерию было просто жаль расставаться с шайбой, хотя его пасы и в первых его матчах поражали и точностью, и неожиданностью, и загадочностью.

Не знаю, насколько честолюбив Макаров, сравнивает ли он себя с Валерием, стремится ли быть таким же бесспорным лидером команды, таким же первоклассным мастером. Сергей преклоняется перед Харламовым. Как Макаров оценивает себя? Не знаю, право. Признаков зазнайства, во всяком случае, не замечал.

Не стал бы осуждать Макарова, если бы узнал, что есть у него мечта стать сильнейшим хоккеистом в стране, на чемпионате мира. Не однажды стать лучшим, что бывает и не у столь одаренных спортсменов, но прочно закрепиться на хоккейном Олимпе, как удалось это Валерию Харламову или Владиславу Третьяку.

Но какие бы задачи ни ставил перед собой Макаров, как, впрочем, и его партнеры по звену Игорь Ларионов и Владимир Крутов или, скажем, Александр Кожевников из московского «Спартака», в конечном счете бесспорно одно: эти задачи с каждым годом, с каждым новым сезоном станут усложняться.

Ранний расцвет

Иногда меня спрашивают, не мешает ли нам, тренерам, то, что журналисты пишут порой о наших молодых хоккеистах как о звездах первой величины. Вот, например, о Фетисове и Касатонове в двух материалах подряд — в «Советском спорте» и в «Футболе — Хоккее» — писали как о сильнейшей в мире паре защитников.

Однозначного ответа, пожалуй, быть не может. Иногда такая поспешность в оценках мешает, а иногда и нет.

В этом случае ничего непредвиденного не произошло: и у себя в ЦСКА, и в сборной страны тренеры уже так примерно и вели разговоры со Славой и Лешей, постоянно подчеркивали, что с них особый спрос. Им и труднее, и легче, чем другим нашим защитникам. С одной стороны, требования к ним предъявляются самые высокие. А с другой — им доверяют играть вместе с ведущими форвардами: сначала со звеном Петрова, а теперь с тройкой Ларионова.

Естественно, что Вячеслав Фетисов и Алексей Касатонов многому научились у великих мастеров прошлого состава сборной и армейского клуба. Также естественно, что это теперь их нравственный долг — нести и передавать эстафету далее. Они призваны вести команду за собой. Несмотря на невеликий стаж игры, опыта у них уже достаточно. У Вячеслава — побольше, поскольку он играл еще на чемпионате мира в 1977 году (правда, очень мало), у Алексея — поменьше.

Я рассказывал, что за Макарова и Крутова, когда впервые взяли их в сборную Советского Союза, надо было постоять. Однако это ни в какое сравнение не идет с тем приемом, какой оказали хоккеисты Алексею Касатонову. Он не нравился всем и как игрок — неуклюжий, неловкий и как будущий член коллектива — крайне безответственный и недисциплинированный.

«Он же и в ленинградском СКА действовал как пожелает. Намаешься ты с ним: парень многое не умеет и тренеров при этом слушать не хочет…» — эту тираду коллеги я вспоминаю порой, когда смотрю, как действует на льду лучшая пара защитников современного хоккея — Вячеслав Фетисов и Алексей Касатонов.

О том, как Алексей реагирует сегодня на замечания тренеров, как оценивает свою игру, свидетельствует, например, такой эпизод. После окончания чемпионата мира 1983 года директорат Международной лиги хоккея на льду определил, как всегда, трех сильнейших игроков. Ими стали вратарь Третьяк, защитник Касатонов и нападающий из команды Чехословакии Иржи Лала. Узнав об этом решении, Алексей подошел ко мне:

— Вы меня правильно ругали во время игр… Не понимаю, за

что мне дали приз лучшего…

Однажды я рассказывал журналистам о внутренней структуре команды, о взаимоотношении игроков в ЦСКА, о новичках и старожилах, о лидерах коллектива.

Тогда-то меня и спросили:

— В свое время Рагулин, Иванов, Кузькин покрикивали на нападающих. Могут ли сейчас позволить себе такую же требовательность, а то и недовольство партнерами ваши ведущие защитники, скажем, те же Касатонов и Фетисов?…

Думаю, могут… Но вот бывает ли, чтобы эти молодые ребята попробовали проверить, есть ли у них право потребовать что-либо в игре от партнеров… Скорее всего, они о таких вещах и не думают. Они просто играют. Пока наши защитники еще только завоевывают то положение, которое занимали в команде Рагулин и Кузькин. Для того чтобы величали их «Палычами» и «Григорьевичами», потребуется время. Да и молоды они, чтобы «обзаводиться» отчествами. И тем не менее… покрикивают ребята, покрикивают.

Делать замечания партнерам на тренировке, в игре, где, считаю, должны быть равны все независимо от возраста (в быту — другое дело), может любой хоккеист, но у всех ли есть на то основание? У первой пары защитников ЦСКА это право, по-моему, уже есть, поскольку они не только играют лучше других, не только реже ошибаются, но и сердечно, с глубокой заинтересованностью в успехе общего дела относятся ко всему, что происходит в их команде — в матче, на тренировке, за бортом площадки.

Они полностью, с душой отдаются делу, и если требуют что-то от партнеров, то только потому, что это нужно команде. И партнеры уже знают сегодня, что Фетисов и Касатонов отдадут все силы своему коллективу. На других свою ношу перекладывать не станут. Как говорят в таких случаях хоккеисты, в «тылах» отсиживаться они не будут. Когда другие идут в атаку, можно не сомневаться, что впереди уже Слава и Алексей.

Молодые хоккеисты взрослеют.

Учатся играть. Учатся жить. Рад, что оба закончили институт, получили высшее образование. Рад, что люди они — серьезные.

Легче или труднее работать с нынешним поколением звезд? Считаю, кстати, что наши лидеры заслужили уже право на такую оценку их игры.

Ответ тот же, что я давал и на другие вопросы. И легче, и труднее. Легче, потому что они хотят играть, в каждом матче хотят играть. Потому что их отличает неуемная жажда тренировок, стремление каждый день учиться чему-то новому. Их

порой трудно увести с тренировки: она кажется им слишком короткой. Только поэтому работать с ними легче, а не потому, что они молодые и оттого, мол, глядят в рот тренеру. Молодые — великие спорщики. Дисциплинированны, внимательны к советам и замечаниям тренеров, соглашаются, если их убедишь. Но на веру ничего не принимают.

И мои коллеги по ЦСКА и сборной, и я стремимся привить хоккеистам творческий подход не только к игре, но и к тренировкам. Хотим, чтобы каждый игрок понимал смысл сегодняшнего занятия, его цель: это позволит, как я считаю, спортсмену привносить в тренировку что-то свое, более творчески относиться к уроку. На занятии важен не «вал», не просто число километров, пробегаемых в кроссе, или килограммов, поднятых в зале тяжелой атлетики. Важно, чтобы хоккеист понимал, зачем он отмеряет километры кросса, зачем выжимает и выжимает штангу, важно, чтобы он знал, что ему как игроку даст это занятие. Он проливает пот, но во имя чего, что он получит от этого?

ЦСКА и сборная страны выигрывают в очередной раз звание чемпиона. За счет чего спортсмен заставляет себя снова идти на нелегкий штурм уже покоренной вершины? На этот вопрос мне приходится отвечать, пожалуй, чаще всего. Его задают и вдумчивые болельщики, и дотошные журналисты, и специалисты из других стран. За счет того, что хоккеисту интересно решение новой для него задачи. Тренеры постоянно нацеливают игроков на преодоление самих себя, своего вчерашнего уровня, своих сегодняшних возможностей.

Стараюсь определить направленность занятия заранее, в начале тренировки, чтобы помочь игрокам мобилизоваться на выполнение задания.

Объясняю молодым: мало всесторонне подготовиться к игре, надо так же основательно готовиться и к каждой тренировке, чтобы провести ее на высоком уровне.

Молодые полны энтузиазма, жажды самоутверждения. Они рвутся в хоккей, рвутся на тренировку, в игру и этим существенно отличаются от тех, кто старше их на десяток лет. Ведущие игроки, люди солидного для нашей игры возраста, делят, как бы с этим ни боролись тренеры, матчи на «нужные» и «ненужные», важные и не слишком важные, на легкие, средние и тяжелые, может быть, даже сверхтяжелые, — в этих случаях ни одного игрока не приходится настраивать на матч. К числу таких поединков относятся для наших мастеров встречи со «Спартаком» и московским «Динамо», если речь о чемпионате страны; с командами Чехословакии, Канады, Швеции, если приехали мы на чемпионат мира. А вот настроить маститого хоккеиста на

поединок с дебютантом чемпионата страны или со сборной Италии не так-то просто.

Второе обстоятельство, объясняющее, почему с молодыми лидерами работать легче, чем с ветеранами, таково: опытные, многократные чемпионы или призеры чаще всего отличаются консерватизмом во взглядах на хоккей. Им трудно перестроиться. Они сложились давно, то время ушло. А преодолеть консерватизм дано не каждому.

В спорте следовать моде, улавливать веяние времени совсем не то, что в повседневной жизни. Здесь ни за какие деньги не приобретешь современный вид. Здесь надо работать так, как будто бы ты никогда не был чемпионом, никогда не покорял вершин. Начинать с нуля. Забыть, что ты уже все знаешь, что все в свое время ты уже «прошел».

Конечно, есть хоккеисты «на все времена».

Таким был Валерий Харламов. Такими были, по моим понятиям, Анатолий Фирсов, Всеволод Бобров, Николай Сологубов. Они могли играть и в хоккей своего времени, и в хоккей, черты которого они привносили в свою игру из будущего. Думаю, что эти мастера, будь им сегодня по 22-23 года, блистательно, как и в свое время, сыграли бы и в сезоне 1983/84 года.

Но с ветеранами кое в чем и легче. Прежде всего потому, что они по собственному, порой печальному опыту знают, что измена себе никогда не прощается. Не тренером, которого можно в чем-то убедить, уговорить, упросить. Хоккеем.

Но ветеранам значительно труднее, чем молодым хоккеистам, работать с новым тренером.

Новые требования, продиктованные временем, новые идеи, а стало быть, и новый подход к привычному, устоявшемуся, решительный отказ от старого — это объективные обстоятельства. Но ведь есть и субъективные — новый тренер, который не кажется им авторитетом. Особенно тем, кто привыкал годами к прежнему, поднимался с ним к вершине.

А у нового тренера — новый подход к долу, новые установки, иная методика занятий, иные критерии. Прежние мерки были не просто давно испытаны и проверены ветеранами, но и принесли им победы, оттого-то отказываться от них трудно, странно, нелепо и оттого требования нового тренера представляются не требованиями времени, а субъективными пожеланиями.

Ветераны спортивной команды — люди разные. Одни — и таких, пожалуй, большинство — с пониманием относятся к новому курсу тренера. Другие же встречают все предложенное им в штыки, и, как бы подробно, обстоятельно ни объясняли им

тренеры суть новых идей, они все-таки остаются при своем мнении.

Сложившиеся, устоявшиеся понятия менять трудно. Перестройка носит болезненный характер даже при явном желании спортсмена перестроиться, начать заново.

Примером тому может служить история ухода из ЦСКА Владимира Викулова.

Каким увидел я этого хоккеиста, когда познакомился с ним ближе? Прославленный спортсмен, многократный чемпион мира, обладатель двух золотых олимпийских медалей, — одним словом, знаменитость, звезда по самому большому счету и вместе с тем — скромный, внимательный человек. Ему внове были мои предложения, но он исключительно добросовестно, честно относился к занятиям, к тактическим заданиям, вообще — к делу. К товарищам. Он понимал, что нужно работать так, будто не был он никогда чемпионом, будто он новичок. Понимал, что повышенные задания тренера — это не каприз нового наставника команды. И все-таки, понимая прекрасно, что надо перестраиваться, переломить себя не смог. Видимо, с возрастом все труднее и труднее начинать по осени все сначала, когда работа не сразу приносит плоды.

В спорте неизбежны дискуссии, споры, столкновение концепций. Каждый тренер и сложившийся спортсмен видят свой путь к вершине. Но спорт том и хорош, что дает точные критерии, объективные критерии для сопоставления результатов работы, для подведения итогов дискуссий, для сравнения перспективности предложенных решений. Есть результат, — значит, подтверждается правильность избранного направления работы. Подтверждаются методика, формы, средства, верность ориентиров. Подтверждается все в комплексе.

Никакое самое изощренное искусство словесных баталий или опыт ведения дискуссий, никакие, наконец, теоретические, философские обоснования и выкладки не убеждают, если у соперника очков больше.

В спорте все наглядно и очевидно.

Но в этом и сложность работы. Никакие доказательства не кажутся спортсменам убедительными, если результаты, показываемые ими, не подтверждают верность избранной тренером методики подготовки.

Знаю, что и мои соображения вызывали сомнения у хоккеистов ЦСКА и сборной, пока… Пока мы не выиграли чемпионат мира 1979 года. Пока не завоевали Кубок вызова. Кажется, даже второе место в Лейк-Плэсиде не вызвало у части игроков сомнений в верности избранного нами пути.

Но только у части.

Другие испытывали не только сомнения.

К вполне понятному разочарованию — хотелось, конечно же, завоевать еще одну золотую олимпийскую медаль — и к явному неудовольствию прибавлялось и опасение, что тренеры, воспользовавшись неудачей, станут сводить с кем-то счеты, в слабой игре хоккеистов, и только в ней, искать причины отступления с завоеванных позиций.

Понять игроков можно. Так, к сожалению, в прошлом случалось, и в главе о равной ответственности я об этом рассказывал.

Такой же реакции на неудачу некоторые хоккеисты ждали и от меня. Этого не случилось.

Писал уже, что не только при победе, но и при поражении не отделяю себя от команды.

А новые победы на чемпионате мира, а затем и в Кубке Канады, снова на двух подряд чемпионатах мира и наконец на Олимпийских играх еще раз подтвердили, что команда идет верной дорогой.

Лидеры коллектива

Спортивная команда высокого класса — сложный и интересный коллектив. Со своими законами. Со своей внутренней, не всегда доступной постороннему взгляду жизнью.

И в ЦСКА, и в сборной страны по хоккею всегда — то более явственно, очевидно, то скрыто, подспудно — происходит борьба за сферы влияния. Борьба за умы, за право быть вожаком, неформальным лидером коллектива. Хотя, может быть, претенденты на первые роли и не сознают, что эта борьба идет.

К кому прислушивается команда?

Я давно знал и понимал, что тон в ЦСКА, в котором я теперь буду работать, задают Борис Михайлов, Владимир Петров, Геннадий Цыганков.

Тон в спортивной команде любого уровня, как, вероятно, и в любом другом коллективе, задают определенные люди. Считаю, что это хорошо: тренеру есть на кого опереться, но даже если кто-то со мной и не согласен, то это ничего не меняет — в конце концов, я говорю только о том, что объективно существует в каждом коллективе и с чем невозможно не считаться.

Свои лидеры есть и в сборной СССР, как и в любой другой

команде независимо от ее ранга.

Думаю, что одна из причин, объясняющих многие успехи ЦСКА, заключалась именно в том, что в этой команде были признанные лидеры, что капитанами ее становились те мастера, которых по праву именовали вожаками.

Капитан команды, по моему убеждению, не только сам незаурядная личность, но и тот человек, который как личность, а не только как первоклассный игрок может вести товарищей за собой. Капитан спортивной команды призван объединять своих партнеров, что особенно важно в сложные периоды жизни команды. А это не просто, ибо у каждого спортсмена свой, непохожий на другие характер, у каждого в команде, хоккеисты которой носят звания чемпионов страны, а то и мира, повышенное самолюбие и, стало быть, повышенные требования не только к себе, но и к партнерам.

Замечательным капитаном был Борис Михайлов, который всегда боролся до конца, даже в то время, когда в ЦСКА появились иные настроения, когда многие лидеры начали играть в полную силу не весь и не каждый матч.

С Борисом работать было не просто — характер у него своеобразный, хотя и по-своему справедливый, человек он самолюбивый, да и спорщик великий.

Но и помощником тренера Михайлов был хорошим. В подавляющем большинстве ситуаций он действовал в интересах команды. Такие капитаны — незаменимые соратники тренера. На Бориса можно было положиться в конфликтной ситуации. Я знал, что если тренер и не сделает замечание тем, кто отдает работе сил меньше, чем мог бы, то решительно выступит против них Борис. Михайлов мог критиковать любого, не обращая внимания на титулы, звание и вес в спортивном мире. От него доставалось даже ближайшему его другу Владимиру Петрову. Я знал, что однажды Борис так отругал его в мое отсутствие, что ни одному тренеру, пожалуй, не хватило бы решительности провести разговор в эдаком ключе: это было бы для педагога не слишком удобно.

Душа команды — вот что такое спортивный капитан, и мысль эту подтверждал всей своей жизнью в большом спорте Борис Михайлов.

Не хотел бы рисовать прославленного капитана армейцев только в розовых красках — это, боюсь, вызвало бы протест и самого Бориса, личности сильной, яркой, человека, умеющего разбираться и в людях, и в себе. И Михайлов порой поддавался обычным человеческим слабостям. То не сдерживался и давал «сдачу» сопернику. То вдруг хандрил, выражал недовольство по

поводу едва ли не каждого решения тренера. Иногда ревниво относился к успехам более заметным, чем у него. Сам того, разумеется, не замечая.

Достаточно припомнить историю его отношений с Балдерисом.

Они были хорошими друзьями до прихода Хелмута в ЦСКА. Кстати, именно Михайлов, насколько я слышал, был инициатором перехода Балдериса в команду ЦСКА: мысль эта впервые возникла еще до моего переезда в Москву. Благодаря Борису сравнительно безболезненно влился рижанин в знаменитый московский клуб. Однако, когда Хелмут и его тройка стали выдвигаться на первые роли и соперничать даже с ведущим нашим звеном, их отношения с Борисом изменились. Они попросту разошлись.

Не стану сейчас выяснять, кто из них более повинен в этом, просто констатирую факт. Когда же Хелмут Балдерис вернулся в Ригу, их отношения с Борисом снова стали самыми лучшими.

Главное в роли, сыгранной Борисом в жизни хоккейной команды ЦСКА и сборной СССР, где он был капитаном восемь сезонов, конечно же, не в том, что он забил более 500 голов, побил все рекорды результативности и тем самым внес громадный, неоценимый вклад в успехи ЦСКА и сборной Советского Союза. Главное, чем славен Михайлов, — это одержимость, постоянная готовность сражаться до конца. Борис однажды заметил, что для него проигранных матчей не существует, и это была сущая правда. Он не мог смириться с поражением буквально до последней секунды поединка. Если оставалось время, он снова и снова шел вперед, к воротам соперника. Борис Михайлов сыграл большую роль в сплочении команды, в становлении боевого коллектива, в сохранении традиций, заимствованных у Анатолия Фирсова, Константина Локтева, Александра Рагулина, и передаче этих традиций тем, кто пришел на смену звену Петрова — Крутову и Хомутову, Макарову и Фетисову, Тыжных и Касатонову.

Однажды меня спросили, нет ли соперничества в отношениях между Фетисовым и Касатоновым, с одной стороны, и признанными уже молодыми нападающими ЦСКА, скажем, тем же Макаровым, с другой.

Не знаю, не замечал такого соперничества. Но это вовсе не значит, что его нет или что оно исключено. Тренер, увы, не может улавливать все, что происходит в команде.

Думаю, на каких-то этапах, в каких-то формах (по-человечески это, согласитесь, понятно) борьба за лидерство велась и ведется, даже если внешне она никак не обнаруживается.

Ведь в каждой команде происходит недоступный анализу тренера процесс, определяющий неформальных лидеров коллектива.

Команда ЦСКА молода, и требуется время для того, чтобы юные наши хоккеисты повзрослели, набрались житейского опыта, чтобы они поняли, что главное — это всегда интересы команды, а потом уже — собственные интересы. Думаю, Фетисову и Касатонову интересы команды дороги. Они не промолчат, если заметят недостатки в игре товарищей. А вот Макаров… Может высказаться, а может отложить выяснение отношений и до другого раза. Бывает, что человек внутренне почти готов заявить о своей точке зрения в конфликтной ситуации, но требуется еще немного времени, чтобы он почувствовал, что не может, не имеет права промолчать.

Журналисты не раз спрашивали меня и о том, как складываются взаимоотношения между питомцами хоккейной школы ЦСКА, выросшими с детства в этом клубе, и пришельцами, «чужаками»? Ведь даже в числе наших нынешних лидеров есть и те, и другие. Фетисов и Крутов — свои, цеэсковские с юности, а Макаров, Ларионов и Касатонов появились в ЦСКА в 18-19 лет. Третьяк тоже свой, а вот Дроздецкий переехал в Москву из Ленинграда. Уживаются ли они?

На этот вопрос в отличие от многих других я готов дать точный ответ, поскольку уверен, что разделения в команде на «своих» и «чужих» нет.

Надо ли говорить, что моей главной задачей в сезонах 1979/80 и 1980/81 годов было объединить молодежь, которая пришла в команду, с теми, кто составляет ее костяк. Объединить общей целью, общей идеей, общими устремлениями, создать коллектив единомышленников. Иначе молодые так и останутся «чужаками» (мало ли их было в ЦСКА в разное время!), иначе они не смогут раскрыться, сыграть по-настоящему, иначе они не принесут пользы команде. Нельзя превращать команду в перевалочный пункт, как это порой случается, и не только, замечу, в хоккее.

Никогда не приглашал в команду хоккеистов, так сказать, «валом». Звал немногих и на определенное место.

В армейском клубе сложились свои традиции отношений с новичками, их слияния с коллективом, ведь в ЦСКА и раньше приходило немало и классных, опытных, и молодых хоккеистов, и, насколько я знаю, проблемы и конфликты, как правило, не возникали. Всегда не только сотрудничали, но и по-настоящему дружили в этой команде «свои» — Третьяк и Харламов, Лутченко и Викулов с «чужими» — Фирсовым и Михайловым, Рагулиным и Локтевым.

Игорь Ларионов, например, пришел к нам в нелегкий час, когда в команде остро не хватало нападающих, и прежде всего центральных. Я приглашал его в команду в конце весны 1981 года, когда не знал еще, что Владимир Петров надумает уходить от нас. Крайних нападающих в ЦСКА хватало, а вот с центрфорвардами была, прямо скажу, беда. Я знал, что у нас есть две пары нападающих, вместе с которыми Игорь может сыграть: во-первых, Макаров и Крутов, а во-вторых, Дроздецкий и Хомутов.

В ЦСКА Игоря приняли сразу.

Хоккеисты принимают новичка (а я могу судить и по собственному опыту игры в командах мастеров, и по опыту работы тренером), оценивая его по двум показателям.

Первое — уровень мастерства. Если хоккеист хороший, его принимают легко и быстро. Даже если у него нелегкий характер. И ругают его, и ссорятся с ним, но когда он выходит на лед и делает свое дело, то ему все прощается.

Второе — умение найти себя в коллективе, умение биться за команду, отдавать себя игре, готовность взять на себя ношу партнера. Иначе говоря, преданность хоккею, спорту.

Игоря приняли еще и потому, что он очень умный, честный, интеллигентный, приятный в общении человек. Это оценили сразу.

То, что Игорь возглавляет (он центрфорвард) первую пятерку армейцев и сборной страны, знают все любители хоккея. Но, кроме того, он умеет собрать вокруг себя ребят во время досуга.

В Архангельском, на базе хоккеистов и футболистов ЦСКА, где спортсмены живут во время учебно-тренировочных сборов, прямо напротив моей комнаты — дверь. Если мне вечером нужен кто-то из ребят, я, как правило, ищу его здесь.

В комнате собирается едва ли не половина команды. Гостеприимные хозяева, а живут здесь Игорь Ларионов и Владимир Зубков, угощают гостей кофе и чаем. Желающие могут отведать меда, варенья. Звучит музыка — самые модные ансамбли. И освещение необычное, Ларионов по этой части общепризнанный знаток.

На стенах афиши — Аркадия Райкина с его автографом: «Моей любимой команде», популярных ансамблей.

Комната — центр всеобщего притяжения.

Глядя на Игоря, не скажешь, что это хоккеист. Не то что щупл, но и не атлет, не богатырь. Изящен. Мягкое, интеллигентное лицо. К своим 22 годам успел уже закончить педагогический институт в Коломне и подумывает об аспирантуре. Он доброжелателен, покладист, корректен, однако отличается острым критическим умом. В игре сообразителен

необыкновенно. Прирожденный диспетчер. Опережает в тактическом мышлении любого соперника на ход или на два. Технически подготовлен великолепно.

Впрочем, для меня достоинства Игоря не были секретом и ранее. Я посмотрел Ларионова в деле, на тренировках, которые проводил сам, прежде чем пригласить его в ЦСКА. Считаю это чрезвычайно важным, ибо, переходя в новую команду, спортсмен во многом решает свою спортивную, да и человеческую судьбу. И всякая ошибка чревата самыми неприятными последствиями как для того коллектива, куда переходит игрок, так и — особенно — для него самого.

Я тщательно проверил возможности Ларионова, ибо вокруг него было множество разных слухов, разговоров и домыслов. Утверждали, что он физически хилый, хотя и техничный игрок, со светлой головой. Что характер у него слабоватый, что сложные задачи ему не по плечу и объема тренировочных занятий, принятых в ЦСКА, он не выдержит.

Я видел, как играет Ларионов в своем клубе, как выступает он на уровне второй сборной. Играл он неплохо, казался игроком перспективным. Но вот насколько? Способен ли он на большее?

Ларионова пригласили на атлетический сбор нашей главной команды. Объем работы и новые требования, хотя и были ему непривычны, не смутили его. Игорь увидел и много полезного для себя. И если раньше он полагал, что ему для хорошей игры вполне хватает в общем высокого технического уровня и тактической сообразительности, то теперь, увидев рядом с собой мастеров высокого класса, не уступающих ему в технической оснащенности, но значительно превосходящих в атлетической подготовке, в крепости характера, он сделал для себя правильные выводы.

Разумно ли поступил молодой спортсмен, перейдя в московскую команду?

Думаю, что да. Смею надеяться, в ЦСКА Игорь получил немало: быстрее и полнее раскрылся как игрок высокого класса, а это отвечает как его личным интересам, так и интересам советского хоккея.

Еще весной 1981 года Игорь Ларионов был мало кому известен. Но прошло несколько месяцев, и осенью, после окончания турнира на Кубок Канады, наш многоопытный вратарь Владислав Третьяк, повидавший на своем хоккейном веку немало самых ярких звезд мирового хоккея, отвечая на вопрос чехословацкого еженедельника, назвал Игоря центрфорвардом в символической шестерке «All stars», составленной по итогам турнира. Кстати, крайними нападающими Владислав поставил

Дионна и Ги Лефлера, суперзвезд НХЛ.

Ларионов, безусловно, уже сегодня игрок экстра-класса, умный, тонкий, прекрасно разбирающийся в хоккее. Пройдет немного времени, и зрители будут ходить на него, как ходили когда-то на Анатолия Фирсова или Александра Якушева.

О команде ЦСКА много говорят. Одна из постоянных, поистине неисчерпаемых тем — требования, принятые в ЦСКА.

В ЦСКА действительно самые высокие в нашем хоккее требовательность и спрос, традиционно самые высокие.

Но что означает эта требовательность?

Лишение некоей свободы игрока? Да, это надо признать сразу. У нас нет свободы играть так, как хочется сегодня мастеру. В этот вечер хорошо, а завтра — как получится. У нас нет свободы, позволяющей лидерам меньше тренироваться. Приглашая молодого, но популярного уже игрока, я непременно подчеркиваю это. И даю ему возможность подумать.

Думал о своем переходе к нам и Ларионов. И решил идти. И к нему в полной мере относится теперь мое требование: уж если согласился идти в ЦСКА играть, то играй. Так, как играли Вениамин Александров, Владимир Викулов, Валерий Харламов.

Играй лучше, чем они.

Время не остановимо.

Поиск себя

Вполне понятно, что в новой команде, в новых условиях не все сразу получается даже у самых талантливых ребят. И они порой мучительно ищут свое лицо, свой почерк, собственную манеру игры.

В минувших сезонах немало пришлось мне критиковать наших нынешних лидеров — трех молодых нападающих, объединенных в звено, которое мы называем теперь первым. Особенно доставалось Сергею Макарову и Владимиру Крутову. Бывают у меня к ним претензии и сегодня.

Я анализировал их игру на собраниях, в беседах с глазу на глаз. Призывал их действовать более рационально, более разумно.

Но эти нападающие по-прежнему забивали, как я считаю, меньше, чем могли бы. Не всегда играли с полной отдачей и с максимальной ответственностью. Эта тройка не шла к цели кратчайшим путем. В действиях хоккеистов было слишком много

ненужных ходов, необязательных промежуточных пасов, и оттого, передерживая шайбу, они заигрывались в зоне соперника — не один, а все вместе. Они чрезмерно увлекались индивидуальной игрой. Благодаря высокому мастерству Макаров, Ларионов и Кругов легко входят в зону соперника, для них не составляет особого труда «вскрыть» почти любую оборону. Молодые хоккеисты получали видимое удовольствие от обыгрывания соперника, старались порой не забросить, а завести шайбу в ворота. Гол был, но ценой каких усилий! Ведь лишние пасы, необязательная обводка (лишнее время, проведенное в зоне соперника, когда надо надежно контролировать шайбу) требуют и лишних усилий. Впустую, в сущности, тратились силы, которые требуются и при внешне легком обыгрывании соперников.

Тренеры потратили немало времени и сил на борьбу с этим. Боролись наставники ЦСКА тем более настойчиво, что и другие хоккеисты, молодые и одаренные, например, Андрей Хомутов и Александр Зыбин начали перенимать манеру игры первой тройки. И при том, что тон в команде традиционно задавали мастера, исповедущие рациональную игру и рациональные действия: звено Владимира Петрова неизменно стремилось идти к цели кратчайшим путем.

А ко всему этому надо добавить то весьма прозаическое замечание, что очки команде приносят забитые ею голы, а не просто красивая комбинационная игра. И Юрий Иванович Моисеев, и Виктор Григорьевич Кузькин, и я напоминали Ларионову и его партнерам, что они стали лидерами, что они — главные «поставщики» голов и, стало быть, очков. У молодежи, собранной в третьем и четвертом звеньях, игра пока не всегда получается. Ребята очень стараются, действуют энергично, но голов пока мало, меньше, чем нужно команде. Требуются очки, голы, а лидеры, пока не наиграются, не растратят бьющую через край энергию, на ворота со всей решительностью не идут.

Эта же проблема возникала не однажды в матчах ЦСКА и несколько лет назад, когда играла тройка: Сергей Капустин, Виктор Жлуктов и Хелмут Балдерис. Тогда я однажды, не вытерпев, сказал, что они ведут себя не по-товарищески: прежде чем взяться за дело, сначала наиграются, а потом уже принимаются действовать по-настоящему. А времени может потом и не хватить.

И вот такая же, как и несколько лет назад, картина вырисовывалась и в действиях новой тройки. Особенно грешили передержкой шайбы хоккеисты после яркой победы сборной в чемпионате мира 1981 года и в Кубке Канады.

Я спорил с ними, доказывал, убеждал до тех пор, пока… Пока

не понял, что молодым армейским нападающим просто нужно время. Не только нравоучительные беседы тренеров, но и время. Они умные, сообразительные ребята и, несомненно, поймут все сами. Они найдут рациональную игру. Но сначала им надо отыскать разнообразные тактические связи, которые могут возникать на льду во время матча, и замедленный период развития атаки — неизбежный элемент поиска. Тройка только рождается, они ищут на льду себя, свое место на площадке во время развития атаки. Они ищут те рациональные ходы, которые будут практическим воплощением замыслов тренеров.

Есть план и идея игры, по не менее важна — не устаю повторять — и импровизация. Да и сама схема не есть что-то мертвое, данное раз и навсегда, годное для любого матча, для каждого соперника. Она отыскивается, отрабатывается во время не только тренировок, но и матчей. Они найдут то, что всем нам потом будет казаться само собой разумеющимся, очевидным, естественным, как казались естественными, единственно возможными действия Петрова и его партнеров. Они ведь должны созреть и как спортсмены, и как люди, к ним придет обыкновенная житейская мудрость, ассоциирующаяся у нас и с рационализмом. Они будут по-прежнему забивать голы, но будут добиваться цели легче, быстрее, ценою меньших усилий.

Так и произошло. Результативность звена стремительно росла, и приз газеты «Труд», присуждаемый самой результативной тройке, уже несколько раз вручался Сергею Макарову, Игорю Ларионову и Владимиру Крутову. А весной 1982 года тройка установила своеобразный рекорд — забросила сотую в течение одного сезона шайбу в чемпионатах страны.

Любопытный штрих. В сезоне 1982/83 года армейцы провели 44 матча. Семь хоккеистов, в том числе трое из первой нашей пятерки — Касатонов, Ларионов и Крутов, не пропустили ни одного матча.

Самой результативной тройкой стало снова первое звено армейцев. 32 гола забил Крутов, 25 — Макаров и 20 — Ларионов, но читатели, видимо, помнят, что звено довольно долго выступало без Сергея Макарова: ему сделали операцию плеча.

Огромная нагрузка выпала на долю Крутова. Этот невысокий хоккеист — истинный богатырь. Удачно, кажется мне, назвал его однажды Фетисов — «маленький танк».

Как-то летом 1983 года мы с Юрзиновым подводили итоги минувшего сезона. И вдруг Владимир Владимирович заметил:

— А если взять все голы в международных матчах, то к Крутову и близко никто не подошел… У Макарова — 9 шайб. У остальных, самое большее, 6-7. А у Володи — 25!…

Необыкновенно одаренный хоккеист. Есть, к сожалению, слабости. Не всегда, к несчастью, бывал в ладах со спортивным режимом. Но талантлив…

Недавно услышал от Анатолия Владимировича Тарасова, когда беседовали мы вдвоем о делах хоккейных:

— Крутов — сильнейший форвард в истории нашего хоккея. Неожиданная и поразительно рациональная обводка. Все как будто бы делает открыто, просто, вроде бы никакой хитрости, но остановить его невозможно… Думаю, отчасти и потому, что действия основаны на высочайшем мужестве и характере. Крутов опережает всех на несколько лет…

Эту оценку дал специалист, который, напомню, вырастил Анатолия Фирсова и Валерия Харламова.

Когда 18 сентября 1983 года открывался очередной, 38-й по счету чемпионат страны, многие издания посвятили хоккею специальные материалы.

«Советский спорт» напечатал беседу с Сергеем Макаровым, «Футбол — Хоккей» — беседу с Владимиром Крутовым. Приводились в газетах и имена лауреатов минувшего сезона, в частности, имена шестерки лучших звезд советского хоккея: вратарь — Третьяк; защитники — Касатонов и Фетисов; нападающие — Макаров, Ларионов и Крутов (все — ЦСКА).

Новые звезды.

Пятерка, о которой мечтали, играет все лучше.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

В сентябре 1983 года сборная СССР в очередной раз завоевала приз, учрежденный чехословацкой газетой «Руде право». И вот когда хрустальный кубок вручался нашему капитану и Фетисов подъехал с наградой к своим товарищам, я вспомнил вдруг Славу совсем юного — такого, каким был он за шесть лет до этой победы, в сентябре 1977 года.

Тогда мы тоже играли в Чехословакии на приз «Руде право». То был первый международный турнир, в котором я руководил главной нашей командой — не «экспериментальной», а настоящей сборной, и, конечно же, первые испытания особенно памятны мне.

В пражском турнире играли тогда три команды. Две сборные — Чехословакии и Советского Союза — и американский профессиональный клуб «Цинциннати Стингерс», представлявший Всемирную хоккейную ассоциацию (ВХА), соперничавшую в то время с НХЛ. Скажу сразу, что канадцы, составлявшие большинство команды из Цинциннати, ничем особо себя не проявили. Не набрав в четырех матчах (турнир проводился в два круга) ни одного очка и пропустив в свои ворота 36 шайб, они остались на последнем месте.

Судьбу приза определяли два поединка ЧССР с нашей командой. Я рассказывал уже, что матчи эти были важны нам прежде всего в психологическом плане — шла борьба за «сферы влияния», за перспективу, нам требовалось решительно изменить уже, кажется, закрепляющееся соотношение сил, требовалось преодолеть некий «комплекс неполноценности», который начал складываться у нашей команды.

Задача была в общем решена. В первом матче наша сборная выиграла — 4:1, во втором уступила соперникам — 4:5, и по сумме двух встреч первое место и победа в турнире остались за нами.

Смотрю на Фетисова и вспоминаю…

Тогда рядом с юным Вячеславом была другая команда. Не многие из тех мастеров остались в сборной и сегодня.

Пожалуй, есть смысл напомнить, кто выиграл первый турнир, организованный газетой чехословацких коммунистов.

Ворота защищал, как и осенью 1983 года, Владислав Третьяк. Но вот дальше…

То был первый турнир, в котором сборная выступала в четыре звена, и, сравнивая составы нашей главной команды разных лет, легко увидеть, сколь разительные перемены произошли в ней —

сохранилось только одно звено, точнее, одна тройка форвардов.

У Вячеслава Фетисова сменились все четыре партнера. Тогда вместе с ним играли Геннадий Цыганков и знаменитое наше трио — Борис Михайлов, Владимир Петров и Валерий Харламов. Теперь же в одной пятерке с капитаном выступали Алексей Касатонов, Сергей Макаров, Игорь Ларионов и Александр Кожевников (он заменил заболевшего Владимира Крутова. Кстати, на турнир не смог приехать еще один молодой чемпион мира — Михаил Васильев).

Второе звено в то время было сформировано так: защитники Зинэтула Билялетдинов и Александр Гусев, нападающие Виктор Шалимов, Владимир Шадрин и Александр Якушев. Остался в строю лишь один из них — Билялетдинов. Теперь вместе с ним играли Василий Первухин (он тоже участвовал в турнире 1977 года) и три новичка, три молодых форварда: Сергей Яшин, Сергей Шепелев и Игорь Болдин. Во втором матче Яшина заменил еще один Сергей — Светлов.

Из той, давней команды сохранилась тройка: Хелмут Балдерис, Виктор Жлуктов, Сергей Капустин. Они уже не играют вместе, но эпидемия травм вынудила тренеров снова собрать их в одно звено: мы надеялись, что многоопытные мастера сумеют быстро восстановить прежние игровые связи.

Выступал в 1983 году, спустя шесть сезонов, и защитник Сергей Бабинов. Других же ветеранов — Владимира Лутченко, Валерия Васильева, Александра Мальцева, Владимира Голикова и Александра Волчкова заменили Ирек Гимаев, Сергей Стариков, Владимир Зубков, Александр Герасимов, Вячеслав Быков и Андрей Хомутов.

В сентябре 1983 года на турнире «Руде право» в нашем составе оставалось всего 8 хоккеистов, внесших когда-то свой вклад в победу в первом розыгрыше этого приза.

Играли 14 новых хоккеистов.

Играла новая, в сущности, команда.

Когда простились с командой многократные чемпионы мира, многим показалось, что без таких выдающихся хоккеистов, как Владимир Петров или Александр Якушев, как Владимир Лутченко или Борис Михайлов, сборной придется отступить. Распространено было мнение, что команде потребуются годы для перестройки ее рядов, для формирования нового костяка коллектива.

Но выиграли. Выиграли с новой командой.

Четыре года готовились наши хоккеисты к XIV зимним Олимпийским играм. Сборной СССР предстояло вернуть долг миллионам советских поклонников хоккея, долг, который

числился за хоккеистами с тех февральских дней 1980 года, когда в Лейк-Плэсиде наша команда неожиданно проиграла матч соперникам из США и заняла в олимпийском турнире второе место.

Отбор в сборную был жестким. Четыре года тренеры вели команду к Олимпиаде, и ошибиться было нельзя. После Лейк-Плэсида я не простил бы себе промахов в подборе игроков. Хорошо понимал, что за 4 года в хоккее произошло немало изменений, знал, насколько преуспели в игре извечные наши соперники — хоккеисты из Чехословакии, и приходил к такому выводу: в Сараево исход борьбы за олимпийские медали будет решать уже не столько уровень мастерства игроков, сколько стойкость, характер спортсменов, их умение, как говорят боксеры, «держать удар».

В сборную СССР вошли вратари Владислав Третьяк и Владимир Мышкин; пары защитников: Вячеслав Фетисов и Алексей Касатонов, Василий Первухин и Зинэтула Билялетдинов, Сергей Стариков и Игорь Стельнов; четыре тройки нападающих: Владимир Крутов — Игорь Ларионов — Сергей Макаров, Андрей Хомутов — Сергей Шепелев — Александр Герасимов, Николай Дроздецкий — Виктор Тюменев — Александр Кожевников, Александр Скворцов — Владимир Ковин — Михаил Васильев. Двенадцать хоккеистов ЦСКА, трое из московского «Динамо», трое — из «Спартака», двое из горьковского «Торпедо». В сборную СССР вошел один олимпийский чемпион. Десять хоккеистов дебютировали в Играх.

Предварительная расстановка сил оказалась для сборной удобной. Наша команда попала в подгруппу «А», где вместе с ней играли команды Швеции, ФРГ, Польши, Италии и Югославии — я перечислил соперников в соответствии с теми местами, которые они заняли в предварительном турнире. В группе «В» собрался более сильный состав — команды Чехословакии, Канады, Финляндии, США, Австрии и Норвегии.

13 февраля для сборной СССР начались матчи с командами, которые реально претендовали на выход в число четырех финалистов олимпийского турнира. В этот день мы играли с хоккеистами ФРГ, бронзовыми призерами предыдущей Белой олимпиады.

Наша команда энергично провела начало матча, период выиграла 4:1, к 29-й минуте вела 6:1, однако… Большего наша сборная в этот день не добилась.

В последнем матче предварительного турнира сборная СССР встретилась с командой Швеции. В начале второй минуты Дроздецкий открыл счет. Когда на поле вышла четвертая смена,

случайно взглянул на табло. Прошла 1 минута 35 секунд, а уже отыграли 3 звена. Ну и темп!

К 16-й минуте мы вели в счете 5:0. К окончанию второго периода — 9:0! В третьем периоде обменялись голами.

На пресс-конференции меня, как обычно, спросили, доволен ли я игрой команды, и я впервые ответил утвердительно.

В финальную часть турнира вышли четыре команды. Из группы «А» — команды СССР и Швеции. Из группы «Б» — сборные Чехословакии и Канады: матч между ними закончился победой команды ЧССР со счетом 4:0.

Итак, в турнире два лидера, имеющие в багаже по два очка.

В первом же финальном туре лидеры одерживают еще по одной победе. Команда Чехословакии выигрывает у «Тре Крунур» (2:0), а наша сборная — у канадцев (4:0).

Оба матча проходили в исключительно упорной борьбе. Чехословацкие хоккеисты, как и наши, атаковали непрерывно. Но, как и канадцы, шведы защищались упорно.

На трибунах в руках канадских болельщиков появился огромный плакат: «Теперь очередь канадцев совершить чудо!»

Счет 4:0 как будто убедительный, но ход поединка заставил понервничать и хоккеистов, и тренеров, хотя, конечно, шансов на чудо у канадцев не было никаких — они почти и не пытались атаковать ворота Третьяка.

После победы над канадцами мы сравнялись с командой Чехословакии по очкам, но благодаря лучшей разнице пропущенных и заброшенных шайб, сборную СССР в последнем матче устраивала и ничья.

В зрелищном отношении игра с командой ЧССР, вероятно, была не самой увлекательной. Но ее величайшее напряжение таилось в противоборстве характеров, в столкновении тактических концепций, в проверке стойкости игроков. А разве менее радостен успех, завоеванный, выстраданный в такой поистине драматической борьбе?

Я ждал олимпийской победы, верил в нее, и все же успокоился, только когда вручили нашим ребятам медали.

Долг возвращен.

Наша команда выиграла финал, набрав 6 очков из 6 возможных. Забросила больше всех, а пропустила меньше всех шайб. В двух последних поединках — с победителями соседней подгруппы командами Канады и Чехословакии не пропустила ни одного гола: случай в хоккее не частый!

Команда играла ровно. Три звена — Ларионова, Тюменева и Ковина набрали в семи матчах по 13 очков из 14 возможных. Отстала только тройка Шепелева — 9 очков.

Сравнивать, однако, силу этой команды с прежними не стану — у каждого времени свои герои. Уверен сейчас только в одном: и эта команда, которая 4 года не знает неудач, может и будет играть еще сильнее.

И подготовка к будущим турнирам уже началась.

Команда в пути. Процесс обновления в спорте, как и в жизни, бесконечен. И я думаю о команде завтрашнего дня.

От автора

Вместе со мной над этой книгой работал мой друг журналист Олег Спасский, и я искренне благодарен ему за дружескую помощь.

notes

1

Необходимо дополнение к интервью, данному чехословацкому еженедельнику. Сегодня такую шестерку я составил бы иначе: место Васильева занял бы Вячеслав Фетисов.

2

Сегодня на этот вопрос я ответил бы иначе. Теперь я достаточно регулярно бываю на матчах футболистов ЦСКА, слежу за тем, как живет, как играет команда, и могу утверждать, что я стал болельщиком ЦСКА.